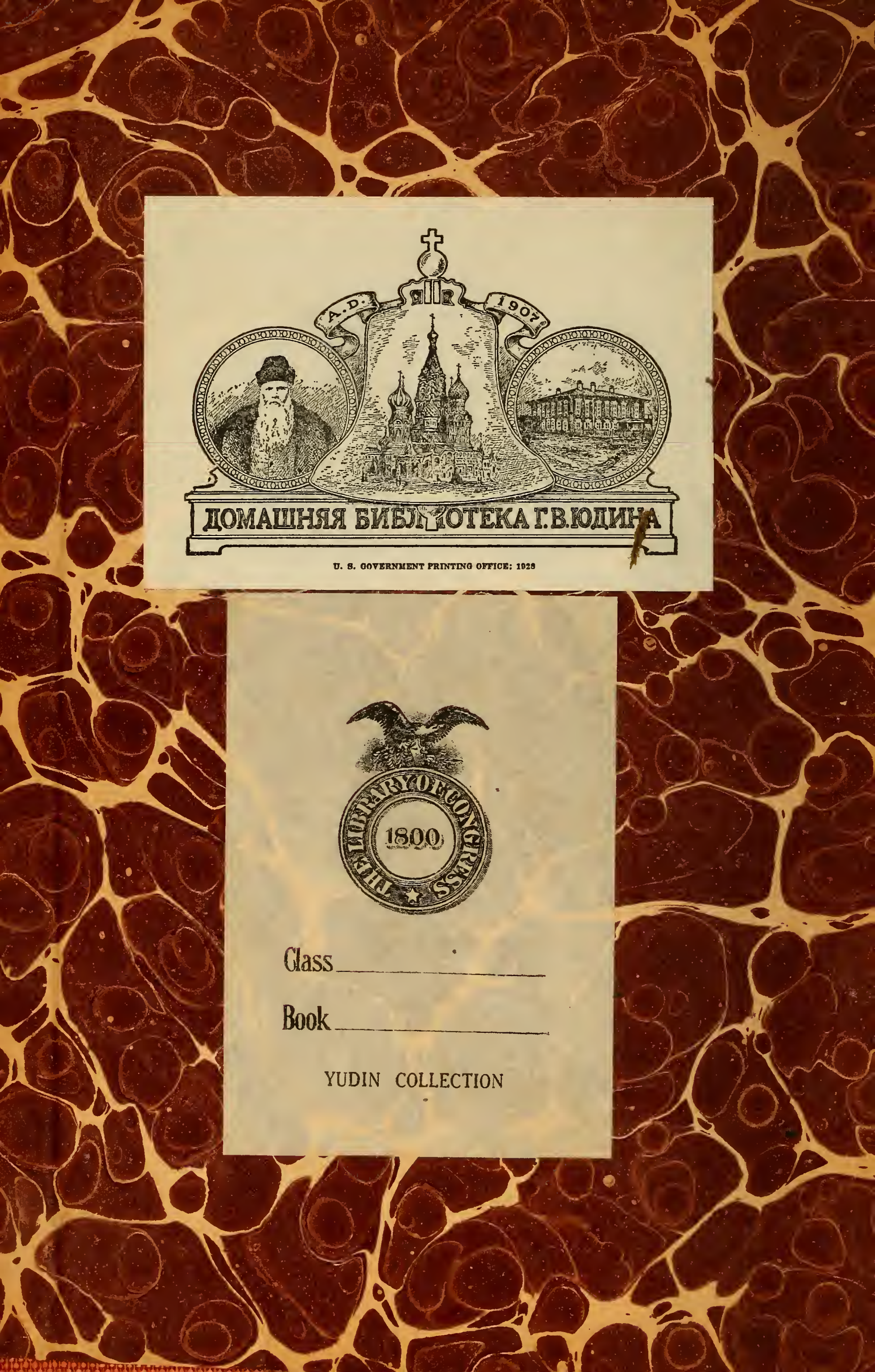
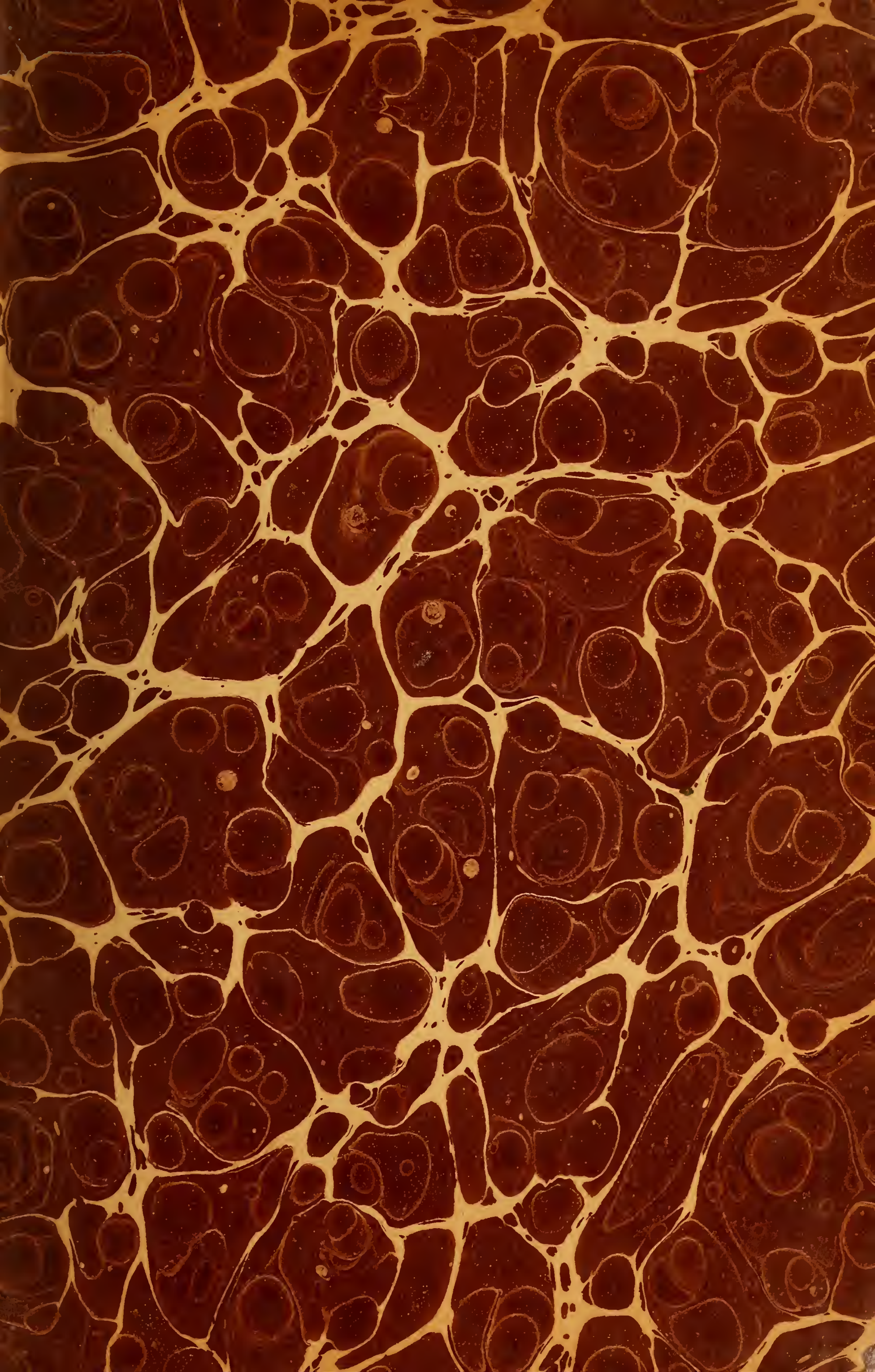

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1929
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class
Book
YUDIN COLLECTION

СТРАНА ИЗГНАНІЯ

и

ИСЧЕЗНУВШІЕ ЛЮДИ.

СИБИРСКІЕ ОЧЕРКИ

С. ТУРБИНА

и

Старожила.

Санктпетербургъ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА К. Н. ПЛОТНИКОВА.

1872.

СТРАНА ИЗГНАНІЯ.

ОТЪ ОСЫ ДО ИРКУТСКА.

С. ТУРБИНА.

СТРАНА ИЗГНАНІЯ

И

ИСЧЕЗНУВШІЕ ЛЮДИ.

СИБИРСКІЕ ОЧЕРКИ

С. ТУРБИНА

И

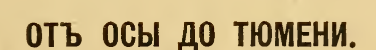
СТАРОЖИЛА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА К. Н. ПЛОТНИКОВА.

1872.

Типографія К. Н. Плотникова. (На Петербург. стор., Колпинск. ул., д. № 21

ОТЪ ОСЫ ДО ТЮМЕНИ.

I.

22-го августа 1862 года, буксирный пароходъ «Нева» П. А. Соважа и Комп., на которомъ я взялъ каюту отъ Нижняго до Перми, большую часть своей клади долженъ былъ выгрузить въ городѣ Осѣ.

Мы приплыли передъ вечеромъ. Якорь брошенъ; баржи подведены къ пристани и началась выгрузка. Тюки, или какъ ихъ обыкновенно называютъ *мѣста* легкія вытаскиваютъ на крючьяхъ; тяжелыя, какъ напримѣръ, бочки съ сахаромъ, выкатываютъ по подставленнымъ наклонно бревнамъ. Раздается оригинальный, и не лишенный своего рода мелодіи, припѣвъ рабочихъ:

Ра—а—азъ двá, разъ ещè!

И вдругъ... бочка вырвалась, стукнулась въ дно и разсыпалась. Головы колятся, разворачиваются; хозяинъ кричитъ, суетится, чуть не плачетъ; рабочіе *киснутъ* со смѣху. Пароходное начальство выказываетъ, въ этихъ случаяхъ, стоическое равнодушіе. Конторы обязываются сдавать мѣста, по накладнымъ, счетомъ, а до того, въ какомъ видѣ они дошли,—имъ нѣтъ никакой надобности.

Одинъ изъ кладчиковъ сильно сокрушался о разбитой бутылѣ съ деревяннымъ масломъ. Товарищъ утѣшалъ его, говоря: «Благодари Бога, что изъ трехъ бутылей разбилась одна, а ну какъ бы всѣ? что мудренаго!»

— Отъ чего вы не возите масла въ бутыляхъ изъ листоваго желѣза? спросилъ я.

— Нѣтъ у насъ такого заведенія. Да гдѣ ихъ и взять?

— Гдѣ взять? замѣтилъ другой кладчикъ: да у васъ же на заводѣ сдѣлаютъ.

— Это точно, что сдѣлаютъ, только мы завсегда беремъ стеклянныя...

— Зачѣмъ тебѣ съ завода, вмѣшался кто-то изъ пароходныхъ: въ Нижнемъ есть жестянщики, ну и закажи...

— Въ позапрошломъ году, у меня, какъ есть, всѣ три бутыли разбились, а тутъ возлѣ, нашего же таки молодца, красный товаръ былъ, весь масломъ промочило, что смѣху было, Боже мой! Одначе, надо безпремѣнно жестянныя бутыли заказывать, на тотъ годъ безпремѣнно закажу.

Не знаю почему, но я убѣжденъ, что и въ будущемъ, и въ пребудущемъ и т. д. году, масло будетъ путешествовать по прежнему, т. е. въ стеклянныхъ бутыляхъ.

— Вы съ какого завода? спросилъ я.

— Съ Иргизу, Кнауфскаго, можетъ слышали? а вамъ куда-съ, только до Перми?

— Нѣтъ, я ѣду въ Иркутскъ.

прягли уже три, съ просьбою положить по три пятка ассигнаціями за версту.

— «Горовато тутъ больно, баринъ, а дальше опять на парѣ поѣдешь», говорилъ мнѣ новый ямщикъ, человѣкъ пожилой, но чрезвычайно бодрый и свѣжій.

— У насъ тутъ горы бѣдовыя, три такъ даже званіе свое имѣютъ: первая, тебѣ, гора Спусковая, другая—Гривенникъ гора, и третья гора—Турка. Тамъ на этой Туркѣ и лошадей мѣнять будемъ. Деревня пишется Верхъ-Турка, а мы зовемъ ее Вехтуркою.

— А славная у васъ сторона, какъ я вижу.

— Ничего, сторона хорошая, только начальства больно у насъ много.

— Да столько же, сколько и вездѣ.

— Ну нѣтъ, у насъ больше супротивъ другихъ мѣстъ. Ты слушай: первое дѣло, мы; удѣльные, у насъ свои начальники, другое окруженскіе, у нихъ свои.

— Какіе окруженскіе?

— Ну имущественные, аль не знаешь? Третье—господскіе, ну тѣмъ рѣшеніе выходитъ; четвертые—подзаводскіе, это по горной части, пятые—кантонные, башкирскіе значитъ.

— Да развѣ у васъ есть Башкирцы?

— А то какъ же! вотъ сейчасъ не лаженая дорога пойдетъ, это ихняя. Ну, шестое начальство это становой. Стало быть, по иному дѣлу, по пяти епутатовъ сбирается, легко ли дѣло?

— А что эти башкирцы хорошо живутъ?

— Всяко живутъ; теперь имъ по слободнѣй стало.

— Хорошій народъ Башкирцы?

— Ничего, душевный народъ; Татары, тѣ куда вороватѣе.

— А тутъ есть Татары?

— Гибель. Да вотъ изъ Вехтурки тебя въ татарскую деревню привезутъ, Еарма называется; а тамъ опять татарская деревня Карıово.

Весь этотъ разговоръ велся во время трехверстнаго подъема на спусковую гору, съ которой открывается великолѣпнѣйшій видъ по рѣчкѣ Пижмѣ. Горы сплошь заросли дремучимъ еловымъ лѣсомъ; хорошо любоваться этими горами, но ѣздить по нимъ прескверно.

Послѣ короткаго, но крутаго спуска, по которому гора получила свое названіе, начался новый подъемъ на Гривенникъ; тотъ же лѣсъ, тѣже виды.

— Знаешь, баринъ, отчего эту гору зовутъ Гривенникомъ?

— Не знаю.

— Не знаешь, такъ слушай: оттого отъ самаго, какъ съ нея съѣхалъ, такъ сейчасъ ямщику гривенникъ.

— Ну, а Турка-то отчего?

— Сказано Турка, Турка и есть.

Подъемъ на Турку былъ и очень крутъ, и очень длиненъ.

— Ну, а дальше будутъ горы?

— Будутъ, какъ не быть, да ужъ не такія.

Въ Верхотурку я пріѣхалъ ночью.

— Что, баринъ, останешься ночевать, аль поѣдешь дальше?

— Пожалуй, останусь.

— Тебя куда везти? на земскую фатеру, али такъ къ мужику?

— Что это такое, земская фатера?

— Да здѣсь у насъ по всѣмъ деревнямъ горницы такія, отъ обчества назначены для проѣзжихъ чиновниковъ. Ты самъ чиновникъ?

— Нѣтъ. Я такъ себѣ, по своему дѣлу ѣду.

— А коли по своему дѣлу, такъ я тѣ къ дружку повезу. Душевный человѣкъ—одно слово.

— Хорошо. Вези къ душевному человѣку.

Въѣхали. Славная изба, лавки, полъ, столъ и стѣны блестятъ какъ лакированныя, все вымыто, вычищено, прибрано, по окнамъ разставлены горшки съ цвѣтами, (по большей части стручковый перецъ). Это рѣдко встрѣчаемое въ деревняхъ внутреннихъ губерній украшеніе по Пермской повсемѣстно, и называется *садами*. Въ переднемъ углу иконы, между которыми я обратилъ вниманіе на старинный мѣдный крестъ, съ 12-ю годовыми праздниками. Такіе кресты часто встрѣчаются у старообрядцевъ и раскольниковъ.

— Ты, баринъ, что на крестъ возрился? заговорилъ старикъ хозяинъ: это у меня еще дѣдовскій, только мы не кержаки *). Богъ миловалъ. У насъ тутъ

*) Мѣстное названіе раскольниковъ, происшедшее отъ того, что первые послѣдователи разныхъ толковъ пришли въ Пермскую губернію, съ р. Керженца. Выше Перми, на камѣ, есть село Слутка (графини Строгоновой), жители котораго большею частію рас-

имъ и званія нѣтъ: это вотъ за Пермью, тамъ сплошь, по заводамъ то же. А что вечерять будешь?

— Буду.

Накрыли столъ бѣлою чистою скатертью, и сейчасъ явилось молоко кислое, молоко прѣсное, творогъ, смѣтана, яичница, соленые рыжики и отличнѣйшій сотовый медъ. Все это было поставлено разомъ и въ такомъ количествѣ, что хватило бы человѣкъ на десять.

— Что-же ты рыбы не поставила? аль жалко? грозно обратился хозяинъ къ молодой женщинѣ, какъ я узналъ послѣ, невѣсткѣ.

Явилась рыба. Это были харіусы, что-то въ родѣ форели, если не сама форель. Въ заключеніе принесли самоваръ отлично вычищенный. Хозяинъ, котораго я поподчивалъ чаемъ, почувствовалъ ко мнѣ такое расположеніе, что тутъ же объявилъ, что завтра самъ повезетъ меня.

Разговорившись съ хозяиномъ, я спросилъ у него, отъ чего про Пермскую губернію ходитъ такая дурная слава, что и воры-то въ ней, и разбойники, и грабители и т. д.

По его словамъ, это происходитъ отъ того, что у нихъ много всякаго народа и захожаго, и заѣзжаго и проѣзжаго,—опять заводы, бѣглые изъ Сибири, татары, башкиры, черемисы. Но пошаливаютъ не вездѣ: напримѣръ у нихъ смирно и ничего не слыхать, а вотъ

кольники. Лучшими лоцманами по Камѣ считаются слутчане. Объ этомъ селѣ говорятъ, что оно не уступитъ иному городу.

около Кунгура, Екатеринбурга, и вообще по большой дорогѣ, держи ухо востро, и днемъ оберутъ, не то что ночью.

— Да вотъ поѣдешь, ну, Богъ дастъ, не увидишь, а услышишь безпремѣнно.

На этомъ нашъ разговоръ кончился.

За ужинъ съ меня не взяли ни копейки, и я уже самъ вызвался заплатить прогоны по 4 коп серебромъ за пару на версту.

— Ну, это какъ знаешь, твоя воля, а за ѣду мы съ сѣдоковъ не беремъ, для того, что кормимъ своимъ, не купленнымъ. Да ты еще опять меня чаемъ угостилъ, говорилъ мнѣ хозяинъ.

Опять пошли горы, но послѣ вчерашнихъ онѣ казались ничтожными, хотя сами по себѣ были довольно круты. По р. Туркѣ отличная земля, только жалуются на ранніе морозы, а еще больше на инеи. «Прихватитъ и все пропало.» Сѣнокосъ въ этихъ мѣстахъ начинается въ послѣднихъ числахъ августа. Рожь, овесъ, ячмень и яровая пшеница стоятъ еще совершенно зеленые.

— Ты вотъ что, баринъ, обратился ко мнѣ дорогою везшій меня ямщикъ-хозяинъ: ты не проговорись татарамъ что далъ мнѣ по 7 коп. на лошадь, орду баловать не слѣдуетъ. Больше пятака не давай, слышишь. Ты коли хочешь, на водку прибавь, что знаешь, а цѣны не порти. Вѣдь орда безтолковая, ты имъ дай по своей волѣ, а они подумаютъ, что такъ по закону слѣдуетъ. Потомъ и не сообразишь.

Огромная татарская деревня Барма, какъ мнѣ пока-

залось, ничѣмъ не отличается отъ татарскихъ деревень Симбирской и Пензенской губерній, въ которыхъ мнѣ случалось быть: точно такія же избы, тоже расположеніе и точно также рѣдкій домъ выглядываетъ окнами на улицу. Версты за три показались верховые и каждый звалъ къ себѣ. При этомъ я замѣтилъ, что мой ямщикъ отлично говоритъ по-татарски, и всѣ татары очень плохо по русски. Впрочемъ это явленіе встрѣчается вездѣ, гдѣ только наши живутъ по сосѣдству съ инородцами.

Пока перепрягали, я зашелъ въ избу. Хозяинъ, какъ было замѣтно, человѣкъ достаточный, семья большая, двѣ жены, одна старая, другая молодая. Пропасть ковровъ, войлоковъ, мѣдной посуды и ко всему этому, кромѣ общаго всѣмъ татарскимъ домамъ непріятнаго запаха, ужасная неопрятность.

За Бармою лѣсъ сталъ рѣдѣть, поля пошли чаще и чаще. Татары вообще хорошо обработываютъ землю.

Въ Пермской губерніи, точно также какъ и во всѣхъ, гдѣ только живутъ татары, сосѣди-русскіе обвиняютъ ихъ въ конокрадствѣ, и это обвиненіе не лишено основаній.

Чортъ ихъ знаетъ, говорятъ наши, ничего у тебя татаринъ не возьметъ, денегъ не возьметъ, а лошадь украдетъ. Должно быть у нихъ законъ такой.

Эта особенность въ татарскихъ нравахъ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія.

Передъ Каріовымъ, другою татарскою деревней, которая еще больше Бармы, открывается обширная

долина рѣки Ирени; церкви нѣсколькихъ селъ видны разомъ. У поскотины бросились въ глаза съ десятокъ глубокихъ ямъ круглыхъ и продолговатыхъ, но ямщикъ-татаринъ, плохо понимавшій русскій языкъ, не могъ ничего сказать что это за ямы. Не больше я узналъ въ Каріовѣ, гдѣ мнѣ удалось разобрать, что впереди такихъ ямъ безчисленное множество. Дѣйствительно за деревнею, когда я переѣхалъ рѣку и поднялся на гору, пошли ямы, большія и маленькія, на каждомъ шагу. Иныя глубиною саженей въ пять и шесть, другія не глубже полутора аршина. Есть ямы длинныя, и по дну такихъ ямъ идутъ другія. Въ нѣкоторыхъ была вода, но въ большей части росли деревья, начиная со стробевыхъ и оканчивая кустарниками. Ямы эти тянутся по дорогѣ, по крайней мѣрѣ верстъ на тридцать, и, какъ мнѣ сказывали, настолько же вправо и влѣво.

Вотъ что я слышалъ объ этихъ ямахъ въ селѣ Мѣдномъ: ямы есть и старыя, и новыя; образуются онѣ всегда отъ проваловъ. «Земля здѣсь такая *дуплястая*, какъ хлѣбная корка, говорили мнѣ, пашешь ее, ѣздишь по ней—ничего; а тамъ, глядь, осѣла, ну и выходитъ яма, иная побольше, иная поменьше, гдѣ изрѣдка, а гдѣ сплошь. Вотъ за селомъ есть ямы, да малость, а дальше и вовсе ихъ нѣтъ.»

Изъ Мѣднаго я выѣхалъ вечеромъ и долженъ былъ перемѣнить лошадей въ новомъ селѣ. Это отъ Мѣднаго верстъ сорокъ. Вдругъ ночью слышу громкій крикъ: Стой! куда ѣдешь? Съ просонья мнѣ представилось ужъ не напали-ли мы на шалость, но это была скромная

претензія со стороны иргизскихъ ямщиковъ-охотниковъ, за что ихъ объѣзжаютъ, т. е. перемѣняютъ лошадей не въ заводѣ, а возятъ верстъ за семь дальше.

— Ваше почтеніе, обратился ко мнѣ чей-то просящій голосъ: смѣните у насъ. Довеземъ вашу честь отмѣннымъ манеромъ. Лошади у насъ стоялыя, овсянныя.

— Мнѣ все равно. Это дѣло ямщика, какъ онъ хочетъ.

Ямщикъ, съѣздивши въ затылокъ за справками, началъ толковать, что ему несходно, что въ Новомъ селѣ онъ давно *дружитъ*, и въ заключеніе потребовалъ съ меня прогоны не до завода, а до Новаго села. Я согласился, но цѣлая ватага заводскихъ парней начала его стыдить, бранить, и дѣло чуть не кончилось дракой. Наконецъ все уладилось самымъ мирнымъ образомъ.

Заводскія лошади оказались не только стоялыми, но даже застоявшимися, и понесли во всю ивановскую: только держись. Заводскій ямщикъ не говорилъ мнѣ «ты,» и на разсвѣтѣ, разсмотрѣвши мою кокарду, началъ меня величать вашимъ высокоблагородіемъ, замѣтивши: «Мы думали, что, в. в. изъ купцовъ, и потому, по глупости своей, говорили вамъ: ваше почтеніе; а мы господъ умѣемъ почитать довольно. Мы не какіе нибудь мужики необразованные...

Образованный ямщикъ уговаривалъ меня не ѣхать на Екатеринбургъ, а прямо на Шадринскъ, доказывая что это и ближе, и не въ примѣръ дешевлѣ.

— Да вѣдь все равно, ты получишь, что тебѣ слѣдуетъ, куда бы я ни ѣхалъ.

Эта дорожная непріятность имѣла свои утѣшительныя стороны: первое, колесокрушеніе случилось у самой деревни; второе, въ ней оказались хорошіе и не дорогіе кузнецъ и колесникъ, и третье, я познакомился непосредственно съ Черемисами-язычниками, о которыхъ ровно ничего не зналъ и не слыхалъ прежде.

Дотащившись на трехъ колесахъ до кузницы и договорившись въ цѣнѣ, я пристроился въ домѣ богатаго крестьянина, онъ же и колесникъ. Ямщикъ преспокойно выпрегъ лошадей, и даже (ей Богу, не лгу) попросилъ на водку. Я, для курьозу, далъ гривенникъ. «Маловато, баринъ, старались!»

Вхожу въ чистую просторную комнату: небольшая семья хозяина сидитъ за чаемъ; въ сторонѣ, въ углу, вижу мужчину и женщину, одѣтыхъ въ какой-то уборъ, занимающій средину между русскою и татарскою одеждой. Оба бѣлокурые, голубоглазые и въ лицахъ нѣтъ ничего монгольскаго.

— Чай съ сахаромъ!..

— «Милости просимъ.»

Отъ этого предложенія грѣшно было отказаться. Я присѣлъ къ столу.

— Что это за люди сидятъ у тебя въ углу, хозяинъ?

— Черемисы, батюшка, работники мои, мужъ съ женою.

Напившись чаю, хозяинъ ушолъ хлопотать около моей повозки; я сталъ разговаривать съ хозяйкою.

— Послушай, хозяюшка, что же ты этимъ Черемисамъ чаю не налила?

— Гдѣ имъ чаю! Они и скусу въ немъ не знаютъ. Да опять и посуды для нихъ нѣту, а своей поганить не хочется.

— Чѣмъ поганить? развѣ они не такіе же люди, какъ и всѣ?

— Вѣстимо не такіе. Они не крещеные. Все одно звѣри: ѣдятъ всякую погань, и стерву (падаль), и кобылятину.

— Однако я видѣлъ, что съ Татарами ваши ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ?

— Да развѣ Черемисъ можно приравнять къ Татарамъ? Татары хоть не крещеные, а все вь Бога вѣруютъ, и Махметъ у нихъ свой есть; а у этихъ ничего, какіе-то болванчики, да по лѣсамъ кереметы. Было сколько разъ приказаніе разорять эти кереметы. Такъ что ты думаешь? въ одномъ мѣстѣ разорятъ, они въ другомъ построятъ; такой народъ необнатуренный!...

Черемисы, вѣроятно догадываясь, что рѣчь ведется про нихъ, видимо встревожились, но не зная ни слова по русски, не могли принять участія въ разговорѣ.

— Далеко они живутъ отъ васъ? спросилъ я у хозяйки.

— Нѣтъ, верстъ пять, не больше; да и пяти не будетъ. Здѣсь по сосѣдству четыре деревни ихнія.

— Ну что они хорошіе сосѣди?

— Смирные, какъ куры смирные. Промежъ себя иногда ссорятся, и драка бываетъ, какъ подопьютъ; они до винища охотники; а качествъ за ними никакихъ нѣтъ. Не воры, не обидчики. На счетъ этого не въ примѣръ лучше нашихъ.

— Эти у васъ давно работаютъ?

— Третью страду, батюшка. Деньги имъ хозяинъ, 20 цѣлковыхъ, на свадьбу давалъ. Этотъ вотъ брата женилъ, а у нихъ такое заведеніе, что хоть какой бѣдный, а свадьбу справляетъ по настоящему. Водки много пьютъ. Вотъ за эти деньги двое, мужъ съ женою, т. е. четыре страды отработать должны. Можно бы и на пятую потребовать, да Богъ съ ними...

— А работаютъ хорошо?

— Злы на работы они, и нѣтъ у нихъ ни праздника, ни Христова дня, а какъ пришла пятница—они воскресенье въ пятницу справляютъ — хоть ты его зарѣжь, хоть озолоти: палецъ объ палецъ не ударитъ. Хозяинъ мой разъ, для смѣху, говоритъ—онъ знаетъ малость по ихнему—поработай мнѣ одну пятницу, я тебѣ страду прощаю, цѣлковый денегъ дамъ и штофъ водки; вѣдь не взялъ! Ей Богу, великое слово, не взялъ. Грѣхъ, говоритъ. Одначе покормить ихъ надо.

Отрѣзавши огромный ломоть хлѣба, хозяйка поставила передъ Черемисами крынку молока, большой кусокъ мяса, кучу варенаго картофеля и груду ячменной каши.

Черемиска взяла свою чашку, влила въ нее молоко, положивши туда же и мясо, и кашу, и картофель.

Хозяйка, улыбаясь, обратилась ко мнѣ:

— Дай имъ теперь квасу, меду, рѣдьки, капусты, чего хочешь, все туда же положатъ. Хозяинъ мой какъ-то спрашивалъ, для чего они такъ дѣлаютъ; гово-

рятъ: все одно, вѣдь въ брюхѣ все перемѣшается. Вишь они какіе!

Хозяйка плюнула.

Мнѣ захотѣлось съѣздить въ черемискую деревню. Хозяинъ сейчасъ же велѣлъ своему сыну, пребойкому мальчику лѣтъ пятнадцати, запречь телѣжку, и мы отправились.

— Ты по-черемиски знаешь?

— А то какъ же? знаю, у насъ всѣ, почитай, знаютъ.

— Отчего же мать не знаетъ?

— Гдѣ ей? извѣстно баба! А я и по-татарски знаю.

— Ну, а между Черемисами есть такіе, что умѣютъ по нашему?

— Есть, да мало, которые развѣ изъ солдатъ.

Мы въѣхали въ деревню.

— Вотъ тутъ солдатъ живетъ, да еще ундеръ, кандидатъ; пенсію отъ Царя, за службу, получаетъ. Этотъ даже грамотный.

Черемискія избы вообще построены плохо. Внутри страшная вонь и нечистота. Все видимое, т. е. находящееся на виду, имущество въ черемискихъ избахъ состоитъ изъ кое-какой деревянной посуды и непремѣннаго чугуннаго котелка. Все это, какъ кажется, не было мыто со дня поступленія въ употребленіе. Горница оказалась только у кандидата, т. е. шеврониста, Василія Ергалова. Жители всѣ на работѣ, и въ домахъ, кромѣ дряхлыхъ стариковъ, старухъ и маленькихъ дѣтей, никого не было.

Мой пріѣздъ произвелъ ужасную суматоху между старыми и плачъ между дѣтьми. Тщетно мой проводникъ кричалъ по-черемиски, что я вовсе не чиновникъ, а такъ себѣ проѣзжающій, въ добавокъ очень смирный: ничто не помогало, до раздачи дѣтямъ нѣсколькихъ пяточковъ и гривенниковъ. Тогда страхъ смѣнился любопытствомъ. Меня окружила цѣлая куча маленькихъ черемисятъ, между которыми были премиленькія личики. Но больше всего меня удивило то, что мальчикъ лѣтъ шести взялъ у дѣда трубку и сталъ ее курить, какъ взрослый.

— У нихъ это ничего, поспѣшилъ объяснить мой возница.

Поговоривши что-то громко по-черемиски, онъ обратился ко мнѣ съ переводомъ:

— Это я меду велѣлъ тащить. Сейчасъ притащутъ.

И точно притащили. Медъ превосходный, но чашка была до того грязна, что я съ трудомъ рѣшился отвѣдать; за то мой проводникъ принялся уписывать великолѣпнѣйшимъ образомъ. За медъ съ меня не взяли ни копейки, не смотря на настойчивое желаніе заплатить.

— Не возьмутъ, баринъ; онъ вотъ говоритъ по своему, что ты обижаешь, потому — первое ты гость, а другое опять благородный, а третье ребяткамъ гривенниковъ надавалъ. Значитъ, не слѣдуетъ.

Въ избѣ у шеврониста не много почище и есть самоваръ, но все остальное такое же.

Узнавать было не отъ кого, и я долженъ былъ удовольствоваться разсказами хозяина. По его словамъ, Че-

ремисы, поступая въ военную службу, за-частую записываются христіанами; тутъ ихъ нарекутъ Петрами, Иванами, а всего чаще Васильями (любимое имя у Черемисъ, Чувашъ и Мордвы). Бывши въ службѣ, они ходятъ въ церковь, исповѣдаются, причащаются, а вернутся домой, *опять за свое.* Черемисы отъ крещенія уклоняются всего больше потому, что, по ихъ мнѣнію, быть христіаниномъ очень дорого стоитъ: во-первыхъ, нужно платить за свадьбы, крестины, похороны и т. д., и во вторыхъ, нельзя ѣсть всякой всячины. Священниковъ они положительно боятся какъ огня; чиновниковъ тоже. Этотъ добрый, смирный, честный и трудолюбивый народъ, къ сожалѣнію, недобросовѣстно эксплуатируется живущими по сосѣдству, русскими крестьянами, у которыхъ Черемисы находятся въ совершенномъ порабощеніи.

Вернувшись въ Ялымъ, я напалъ на весьма обыкновенное въ Пермской губерніи явленіе, но которое для меня было новостью: въ деревню привезли пойманнаго бродягу. Общественная изба была почти напротивъ моей квартиры. Вхожу и вижу двухъ оренбургскихъ казаковъ и парня лѣтъ подъ тридцать. Это были конвойные, препровождавшіе арестанта въ Красноуфимскъ, и остановившіеся въ Ялымѣ для перемѣны обывательской подводы. Казаки и арестантъ только что кончили сытный и обильный, судя по остаткамъ, обѣдъ, и самымъ дружелюбнымъ образомъ разговаривали.

Бродяга былъ пойманъ верстахъ въ двадцати отъ ялыма. Все его имущество состояло изъ гармоніи и

пачки табаку фабрики Бостанжогло. Арестантъ былъ закованъ въ желѣзные конскіе путы, которые, какъ видно, нисколько его не безпокоили.

— Здравія желаю, в. в., весело заговорилъ онъ: полюбопытствовать пожаловали? вѣроятно, надо полагать, проѣзжать изволите?

— Да. А ты самъ откуда?

— Откуда? извѣстно изъ Сибири, вмѣшался казакъ съ улыбкою.

— В. в., не извольте полагать довѣрія. Эфти оленбургскіе казаки только что званіе казацкое имѣютъ, а они по своимъ понятіямъ тѣ же мужики. Народъ безъ образованія. Это точно-съ...

— Ну, а ты что за баринъ? Иванъ Непомнящій, али Степанъ безъ прозвища? Знаемъ мы вашего брата довольно! Отозвался конвойный, повидимому, нисколько не обидѣвшись.

— Это, в. в., совершенно неосновательно! мы свое званіе имѣемъ, а что документъ утраченъ по несчастію, такъ это можетъ случиться со всякимъ.

— Документъ! у тебя, небось, на спинѣ документъ! Сказалъ казакъ.

— Если бы я подвергался наказанію плетьми, то и штемпельные знаки были бы, а таковыхъ, изволите видѣть, нѣтъ!...

— На рожѣ нѣтъ, а покажи руку? безпремѣнно буки поставлено.

— Имѣя на рукѣ шрамъ. можно сказать, отъ рожденія, происшедшій отъ укушенія собаки, могу подверг-

нуться подозрѣнію, но объяснивъ въ присутственномъ мѣстѣ всѣ обстоятельства...

— Ты вотъ что, ты лучше ихъ высокоблагородію на гармоніи сыграй... Жестоко играетъ, в. в.

Бродяга сейчасъ же взялъ гармонію. Онъ игралъ мастерски. Сыгравши двѣ-три штучки, бродяга высказалъ сожалѣніе, что нѣтъ гитары, на которой, по его словамъ, онъ могъ всякое чувствіе изобразить и представить «въ лучшемъ видѣ».

— Подвода налажена, сказалъ вошедшій десятскій, разумѣется, предварительно помолившись въ передній уголъ.

— Счастливо оставаться, в. в., проговорили разомъ казаки и бродяга. Они вышли изъ избы.

— В. в., соблаговолите табачку. У васъ очень хорошій.

Вмѣстѣ съ табакомъ я далъ нѣсколько мелочи.

Около подводы собралась куча народа. Бродяга, не выпуская изъ рукъ гармоніи, хватилъ на ней какого-то отчаяннаго трепака, потомъ началъ выдѣлывать ногами *дробь*, а потомъ, не смотря на желѣзныя путы, пустился въ присядку, для чего онъ сгибался на колѣни и распрямлялся затѣмъ во весь ростъ:

Ахъ ты-жъ моя жисть,
Хорошенько ложись!...

запѣлъ онъ, чрезвычайно ловко впрыгивая въ телѣгу.

Счастливо оставаться, в. в!..

— Отчаянный народъ, а тоже ребята ловкіе. Все могутъ! Проговорилъ мой хозяинъ глубокомысленно. А

мы и колесо вашей чести наладили. Лошадей какъ возьмешь: отселева, земскихъ, али мой парень свезетъ?

За поправку колеса, обѣдъ и самоваръ съ меня взяли такъ дешево, что было бы совѣстно требовать земскихъ, т. е. обывательскихъ лошадей, на что я имѣлъ право.

— А что ты возьмешь, хозяинъ? спросилъ я.

— Что возьму: тутъ 11 верстъ, дашь полтинникъ—ладно, а нѣтъ—и за полтора рубля свеземъ. Только ты скажи, что молъ такъ и такъ, колесо сломилось, а то намъ возить заказано. Тутъ, вишь, вольная поштва, чтобъ ей пусто было. На дружковъ, какъ допрежь было, запретъ. Штрахъ будетъ...

Сколько мнѣ случилось замѣтить, вездѣ, гдѣ только устроены вольныя почты, подорожные жители ругаютъ это учрежденіе на чемъ свѣтъ стоитъ. Дѣйствительно, съ прилагательнымъ *вольная* никакъ не согласишь существительнаго *монополія*,—sine qua non существованія этихъ почтъ, которыя всего вѣрнѣе слѣдовало бы назвать двупрогонными, а ужъ никакъ не вольными.

II.

Выѣзжая изъ Ялыма, я встрѣтилъ первый обозъ съ чаемъ. На каждой телѣгѣ лежало не болѣе шести цыбиковъ, а на многихъ по пяти. Передняя повозка была снабжена маленькимъ крестомъ съ навѣсомъ и нѣсколькими колокольчиками. Лошади не завидныя. Обозы, слѣдующіе по сибирскому тракту, отъ тѣхъ, которые

мнѣ случалось встрѣчать въ Россіи, отличаются тѣмъ, что къ верху третьей или четвертой повозки непремѣнно прикрѣпленъ фонарь. Предосторожность, какъ мнѣ сказывали, совершенно необходимая. Иначе ночью какъ разъ *срѣжутъ*. Срѣзыванью всего чаще подвергается чай, товаръ цѣнный и удобосбываемый.

По приходѣ на ночлегъ, извощики, содержатъ постоянный караулъ, потому что хозяева постоялыхъ дворовъ за цѣлость товаровъ не отвѣчаютъ. Часовые, чтобъ не заснуть, обыкновенно упражняются въ щелканьи кедровыхъ орѣховъ. Къ этому надобно прибавить, что по всему сибирскому тракту, начиная отъ Кяхты, постоялые дворы, всѣ вообще огорожены плохо, несмотря на то, что большею частію отлично торгуютъ.

Непремѣнная принадлежность русскихъ постоялыхъ дворовъ: крытые навѣсы, встрѣчаются въ Сибири чрезвычайно рѣдко.

Между станціями Бисерскою и Кленовскою, находятся самыя крутыя и высокія горы изъ всѣхъ встрѣчающихся по дорогѣ между Пермью и Екатеринбургомъ. Черта водораздѣла между притоками Волги и Оби проходитъ дальше, и тамъ гораздо ровнѣе.

Чрезъ рѣку Чусовую и Билимбаевскій заводъ я проѣхалъ поздно ночью, а на разсвѣтѣ былъ уже въ заводѣ Васильевскомъ, или Нижне-Шейтанскомъ, гдѣ выплавка чугуна изъ руды производится у самой дороги. Рѣдкій изъ ѣдущихъ въ первый разъ по сибирскому тракту не заходитъ въ плавильню, гдѣ каждому предлагаютъ куски магнита. Этимъ промысломъ за-

нимаются мальчики, дѣти заводскихъ рабочихъ Заводъ, постройками, походитъ на уѣздный городъ. Жители, по одеждѣ, языку и обычаямъ, рѣзко отличаются отъ крестьянъ и смотрятъ совершенными мѣщанами.

Перемѣна въ бытѣ и отношеніяхъ всѣхъ приписанныхъ къ заводамъ, сколько я могъ замѣтить, произвела сильное неудовольствіе со стороны владѣльцевъ, опасавшихся остаться безъ рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасенія со стороны рабочихъ остаться безъ работы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это уладится, и даже очень скоро. Число рабочихъ на заводахъ, конечно, уменьшится значительно, но какъ вольный трудъ всегда успѣшнѣе и производительнѣе обязательнаго, то количество выдѣлки останется тоже самое, а при извѣстныхъ условіяхъ даже можетъ возрасти.

Мѣстные алармисты, въ освобожденіи заводскихъ крестьянъ, видѣли не только конечное разореніе заводчиковъ но даже опасались за спокойствіе цѣлаго края.

— Помилуйте, говорили они, такая пропасть народа, и какого еще народа, останется вдругъ безъ дѣла и безъ начальства? Да это будетъ дневной разбой!!!...

Не говоря уже о другихъ прочихъ, даже тѣмъ изъ этихъ господъ, которые читали Гоголя, вѣрно не приходило въ голову, что они копируютъ точнѣйшимъ образомъ нѣкоторыхъ чиновниковъ города N, опасавшихся бунта, могущаго произойти при переселеніи душъ, купленныхъ безцѣннымъ Павломъ Ивановичемъ.

Впрочемъ Гоголевскіе чиновники оказались гораздо уступчивѣе современныхъ предполагателей всѣхъ воз-

можныхъ бѣдствій. Чиновнковъ съ разу обрезонили картузомъ капитанъ исправника, и они спасовали тутъ же. Теперешніе не то, они уперлись на Англію, Францію, Бельгію, схватились за рабочій пролетаріатъ, за возможность ассоціацій и тому подобные технические термины и, конечно, тоже спасовали, но не разомъ, а исподоволь.

Нижне-Шейтанскій заводъ можно назвать послѣднимъ европейскимъ, потому что не вдалекѣ отъ него начинается Азія. Впрочемъ сія величайшая часть свѣта и колыбель рода человѣческаго, въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ Пермской губерніи составляетъ не больше какъ географическій терминъ. Для назиданія гг. проѣзжающихъ, на третьей верстѣ отъ Рѣшетской станціи, поставлена пирамида, на западной сторонѣ которой красуется лаконическая надпись: Европа, а на восточной: Азія.

Азіатская часть сибирскаго тракта, вплоть до Екатеринбурга, находится въ исправности и если всѣ большія дороги Пермской губерніи были такія же, что очень вѣроятно, то восхищеніе проѣзжающихъ прежняго времени совершенно справедливо.

Екатеринбургъ показывается верстъ за десять, и издали кажется очень красивымъ городомъ, впрочемъ онъ не дуренъ и вблизи. При въѣздѣ, какъ и слѣдуетъ, построенъ острогъ съ церковью, больницей и прочими принадлежностями. Наружнымъ видомъ екатеринбургскій острогъ, виноватъ—тюремный замокъ, отличается отъ большей части губернскихъ остроговъ:

въ немъ есть церковь. Внутри—но я тамъ не былъ сказалъ бы: и небуду, да кт ознаетъ будущее!...

Во время моего проѣзда, по случаю полноводья сибирскихъ рѣкъ слѣдованіе арестантскихъ партій было пріостановлено. Они *осеневали* и потому въ Екатеринбургѣ скопилось что то много пересыльныхъ. Не помню цифры, но она мнѣ показалась огромною.

Казенная, или точнѣе сказать, казарменная архитектура въ Екатеринбургѣ преобладаетъ, но не мало также строеній съ колоннами, фронтонами, выступными фонарями и тому подобными затѣями, на которыя такъ падки люди случайно и скоро обогатившіеся. Щегольскіе экипажи, блестящіе и цѣнные уборы женщинъ рѣзко бросаются въ глаза каждому вновь пріѣзжему, но всего замѣчательнѣе то, что на вопросъ: чья эта коляска? кто эта дама? — вмѣсто ожидаемаго отвѣта: такого-то золотопромышленника, жена такого-то заводчика, слышишь: штабсъ-капитанша X., поручица Y, чиновница Z, и т. д. Всѣ эти счастливцы и счастливицы имѣютъ счастіе состоять въ горномъ вѣдомствѣ.

Умѣнье жить не то, что хорошо, а отлично, ничего не имѣя, кромѣ весьма ограниченнаго жалованья, дается не многимъ. Мастеровъ этого дѣла, говорятъ, въ особенности много по горной части.

Впрочемъ, отъ людей бывалыхъ я слышалъ, что екатеринбургское умѣнье жить есть вздоръ и мелочь сравнительно съ умѣньемъ барнаульскимъ, гдѣ оно возведено въ степень свободнаго художества.

Въ почтовой гостинницѣ сейчасъ же ко мнѣ явились торговцы съ разными бездѣлушками. Четки, брошки, запонки, прессъ-папье, а главное печатки изъ яшмы, сердолика, горнаго хрусталя и другихъ *полудрагоцѣнныхъ* камней предлагались въ большомъ количествѣ и кажется, за довольно сходныя цѣны. Большая часть печатей была въ видѣ штофа, боченка и верстоваго столба; попадались также изображающія двуглавую лошадь. Еще были двѣнадцати-гранники, на которыхъ вырѣзаны 12 знаковъ зодіака, и, въ видѣ рѣдкости, показывался *заказной, но можно уступить*, двадцати-гранникъ. Счастливецъ, который пріобрѣтетъ эту прелесть, кромѣ вышеупомянутыхъ знаковъ, получитъ семь дней недѣли и собственный вензель, для котораго одинъ треугольникъ оставленъ безъ вырѣзки. Оригинальнѣе всѣхъ была печать въ видѣ штофа, на которой вырѣзанъ тоже штофъ и стаканъ съ девизомъ: «одно утѣшеніе въ разлукѣ». За этотъ курьозъ просили десять цѣлковыхъ. На одной изъ двуглавыхъ лошадей былъ вырѣзанъ чортъ, несущій на хвостѣ Амура, съ надписью: «чортъ возьми Амура.» Эта печать стоила 25 рублей, и почему-то показывалася какъ нѣчто запрещенное; самое замысловатое въ ея надписи состояло въ томъ, что послѣдняя буква *а* была вырѣзана такъ, что сильно смахивала на *ъ*, слѣдовательно можно прочитать: »чортъ возьми Амуръ!» Фраза, какъ слышно, бывшая до полемики гг. Романова и Д. Завалишина положительнымъ вольнодумствомъ вездѣ, а въ Восточной Сибири даже и во время полемики. На брошкахъ и запонкахъ пре-

обладала каменная малина, смородина и виноградъ. Все это камнесеченіе, какъ говорятъ, есть слѣдствіе казенной гранильной фабрики, дни которой (увы! для нѣкоторыхъ) уже сочтены.

Вечеромъ ко мнѣ въ номеръ явилась какая то личность, и съ разными предосторожностями предложила: не хочу ли я жолтаго порошка, т. е. золота.

—Да вы не безпокойтесь, это ничего, многіе господа покупаютъ. Помилуйте, я съ васъ положу не больше полутора рубля золотникъ...

— Да вѣдь это штука уголовная, сказалъ я.

— Ничего-съ! Вы не сомнѣвайтесь, у меня теперь бездѣлица, золотниковъ пять, а могу представить больше.

— А если я тебя отправлю въ полицію?

— Нѣтъ-съ, вы этого не сдѣлаете. Прощенья просимъ-съ.

И соблазнитель скрылся.

Продажа ворованнаго золота не новость и не рѣдкость. Вслѣдствіе сильной наклонности Евреевъ къ этому промыслу, говорятъ, есть распоряженіе, по которому сыны Израиля, даже крещеные, не допускаются въ 8-й оренбургскій батальонъ, квартирующій постоянно въ Екатеринбургѣ.

Вотъ случай, который мнѣ выдавали за истинное происшествіе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Екатеринбургъ пріѣхалъ чиновникъ, отправляющійся въ Восточную Сибирь на службу. Къ нему, точно также какъ и ко мнѣ, явился таинственный незнакомецъ и предложилъ золота.

Чиновникъ купилъ нѣсколько золотниковъ и высказалъ желаніе купить больше. На это ему отвѣчали, что въ городѣ опасно, а когда онъ поѣдетъ, то на такой-то верстѣ можно. Сторговались за фунтъ сто рублей. Чего же лучше? Вѣдь это разомъ утроитъ капиталъ. Назначили срокъ черезъ два дня, въ такомъ-то часу на такой-то верстѣ. Подъѣзжая къ назначенному мѣсту, чиновникъ, запасшійся маленькими вѣсами, вылезъ, изъ повозки, зашелъ въ кусты, получилъ, свѣсилъ; оказалось три съ половиною фунта, разсчитался и отправился. Но не долго пришлось ему оставаться въ пріятномъ заблужденіи о выгодной операціи: золотой порошокъ оказался мѣдными опилками.

Обманутый, сгоряча, хотѣлъ жаловаться, но ему объяснили, что самое лучшее—молчать, иначе будетъ худо ему же, съ чѣмъ конечно нельзя было и не согласиться.

Слегка волнистая мѣстность за Екатеринбургомъ скоро оканчивается и начинается совершенная равнина. Береза, которой много и на европейской сторонѣ Урала, на азіатской дѣлается совершенно преобладающимъ деревомъ. Камень попадается рѣже, добывать его труднѣе, и потому по Камышловскому уѣзду дорога почти не *лаженная*.

Черезъ городъ Камышловъ я проѣхалъ ночью, но въ немъ едва-ли можно увидѣть что нибудь и днемъ. Сколько мнѣ показалось, деревни въ Камышловскомъ уѣздѣ (по крайней мѣрѣ по дорогѣ) беднѣе и хуже построены, чѣмъ въ Осинскомъ, Красноуфимскомъ и Екатеринбургскомъ. Я не говорю, чтобы въ Камышлов-

скомъ уѣздѣ не попадались дома большіе и построенные съ разными затѣями русской деревенской архитектуры: такіе дома есть почти въ каждой деревнѣ, но ихъ гораздо меньше.

Съ границей Пермской губерніи оканчивается *лаженная*, т. е. усыпанная щебнемъ дорога, и начинаются страшныя деревянныя гати, которыя тянутся, съ небольшими промежутками, вплоть отъ станціи до станціи.

Если можно назвать мѣстность наводящею уныніе, то это названіе вполнѣ идетъ къ началу тобольской губерніи. Болота, кочки, чахлый березникъ направо и налѣво, впередъ и назадъ, вотъ все, что встрѣчаютъ глаза странника, слѣдующаго въ Сибирь изъ Россіи.

Первое впечатлѣніе, производимое Сибирью на человѣка новаго, невыразимо тяжело и грустно. Я слышалъ, и вполнѣ вѣрю, что при вступленіи арестантскихъ партій въ предѣлы тобольской губерніи, прощаясь съ Россіею, плачутъ на взрыдъ не только женщины, но даже иные мужчины. Тоже случается и съ поселенцами, идущими по своей волѣ.

— Недавно тутока Мордва пензенская проходила; вы ее обгоните, говорилъ мнѣ ямщикъ: такъ бабы такой ревъ подняли—страсти. Наши ребята чуть не полопались со смѣху. Чудная эта Мордва. Языкъ у нея словно суконный. А тоже крещеные....

— А ты самъ здѣшній?

— А то какой же? Въ нашей округѣ поселенцамъ званія нѣтъ. Всѣ какъ есть здѣшніе.

Здѣсь бы, пожалуй, можно удариться въ лиризмъ и, не зная ни слова по-итальянски, воскликнуть: Lasciate ogni speranza (дальше не знаю), но я увольняю отъ этого читателей.

Надобно замѣтить, что слова *уѣздъ* съ производными, въ Сибири нѣтъ ни въ языкѣ оффиціальномъ, ни въ разговорномъ: оно замѣнено словомъ *округъ*. Народъ говоритъ *округа*, женскаго рода, т. е. наша, ваша, большая, тюменская и проч.

Непріятное впечатлѣніе, производимое мѣстностью, скоро начинаетъ изглаживаться. Въѣзжая въ село Тугулымъ сейчасъ видно, что въ Сибири не только жить можно, но даже хорошо жить.

Крестьянскіе дома въ Тугулымѣ есть такіе, что могли бы красоваться въ иномъ губернскомъ городѣ. Правда, дома эти, всѣ безъ исключенія, деревянные, но какіе? двухъ-этажныхъ много, есть трехъ-этажные и одинъ даже четырехъ-этажный. Сей послѣдній, какъ я узналъ, принадлежитъ бывшему волостному писарю, что и не мудрено: тугулымская волость оффиціально именуется «образцовою.»

Поѣздивши по Сибири, я понялъ причину, производящую разногласіе въ показаніяхъ путешественниковъ, изъ которыхъ одни восхищаются мѣстнымъ крестьянскимъ бытомъ, другіе, напротивъ, разсказываютъ о страшной нуждѣ, бѣдности и проч. и проч. и проч. Тѣ и другіе правы; но разница въ томъ, что первые заходили въ дома крестьянъ по званію, но помѣщиковъ, купцовъ или чиновниковъ по ремеслу; другіе освѣдомля-

лись въ избушкахъ полукрытыхъ и даже вовсе не крытыхъ (домъ безъ крыши въ Сибири повсемѣстно, не исключая даже такихъ городовъ, какъ Омскъ, не составляетъ рѣдкости).

Что такое крестьянинъ купецъ, объ этомъ я распространяться не буду: это знаютъ всѣ; но о крестьянинѣ помѣщикѣ считаю необходимымъ распространиться:

Человѣкъ, самъ по себѣ, или отъ отца съ матерью забралъ силу; торговать онъ не хочетъ, деньги есть, земли—сколько душа пожелаетъ. Вотъ этотъ счастливецъ нанимаетъ работниковъ и нанимаетъ умѣючи, во-время, т. е. очень дешево. Работники (иногда душъ 50 и больше) трудятся, лезутъ вонъ изъ кожи, а наниматель, такой же крестьянинъ какъ они, расхаживаетъ себѣ въ халатѣ и пьетъ чай съ утра до вечера. Что же мудренаго, что у такого хозяина, для господъ проѣзжающихъ крупнаго чина, найдется и Елисѣевскій хересъ, и Гордоновскій коньякъ, и прочіе нектары нашего времени. Для посѣтителей попроще, тенерифъ внутренней фабрикаціи и ромъ, произведенный акцизно-откупнымъ комисіонерствомъ какого нибудь города Нижняго-Новгорода или Ярославля, украшенный печатью тамошней казенной палаты, съ приличною надписью. Вотъ въ этихъ-то домахъ встрѣчаются и литографіи, и серебряныя ложечки, и стѣнные часы, и прочія земныя блага, отъ которыхъ приходятъ въ умиленіе господа проѣзжающіе. Въ домахъ не крытыхъ и полукрытыхъ, и вообще побѣднѣе, откуда получаются работники, конечно этого нѣтъ, но вездѣ чисто: только эта чистота ограничивается

поломъ, столомъ и стѣнами, все же остальное—верхъ неряшества. Вы подъѣзжаете къ новому большому дому, — лѣстница блеститъ какъ стекло, въ комнатѣ ни пылинки, кровать съ ситцевымъ пологомъ, подушки и перина чуть не до потолка; но утомленный путникъ не клади свои избитые члены на сіе обманчивое ложе, приглашающее къ успокоенію, а ложись лучше на полъ: иначе испытаешь такое нашествіе клоповъ, о какомъ, какъ ни велика твоя опытность, ты до Сибири не имѣлъ ни малѣйшаго понятія!..

Отношенія работниковъ къ хозяевамъ, не смотря на видимое равенство и простоту обращенія, близко подходятъ къ покойной (въ смыслѣ блаженной памяти) крѣпостной зависимости. Работникъ совершенно въ рукахъ у хозяина. Начальство и власти, въ случаѣ спора и жалобы, сколько я знаю, видѣлъ и слышалъ, всегда и вездѣ, принимаютъ сторону праваго, а кто обыкновенно считается правымъ?.. Отвѣтъ на подобный вопросъ можно найти не только въ древней или новой, но даже и въ новѣйшей исторіи.

Всѣ эти размышленія и выводы, равно какъ и много другихъ, которые будутъ ниже, явились у меня не въ Тугулымѣ, а впослѣдствіи, и попали въ дорожныя замѣтки не при письмѣ, а при переписываніи.

Сибирскій говоръ тотъ-же, что и пермскій, иначе сѣверный, пожалуй новгородскій; только въ немъ нѣтъ новгородскаго: хл*и*ба н*и*ту, с*и*на н*и*ту, т. е. превращенія *ѣ* въ *и*, чѣмъ подсмѣиваются москвичи надъ новгородцами.

Буква *о* (*оканье*, какъ называетъ эту особенность В. И. Даль) преобладаетъ. Въ Сибири часто можно слышать особые топографическіе термины, напримѣръ: *тянигузъ*, изволокъ, отлогій подъемъ или спускъ, *Сорка* гора; тундра, сѣверное безслѣсное болото *тайга*, иначе *урмань*, дремучій лѣсъ и проч. Въ Сибири въ особенно частомъ употребеніи слово *однако*, только его рѣдко вставляютъ тамъ, гдѣ оно нужно по общепринятому обычаю. Тогда оно *одначе*. Напримѣръ, на вопросъ: съ чѣмъ этотъ пирогъ? слѣдуетъ отвѣтъ: однако съ рыбой. Или: почемъ яйца? Однако десять копѣекъ. Говядиною въ Сибири называютъ всякое мясо, и потому слышишь: баранья говядина, свиная говядина; настоящая же говядина называется скотскою. Скоромное по сибирски *молосное*; общеизвѣстная яичница величается въ иныхъ мѣстахъ *селянкою*; дикіе гуси и утки слывутъ *полевыми*, *дивно* значитъ много, хорошо—*щепетко*, *мало-мало*—нѣсколько, бумага обратилась въ *гумагу*, счастье, удача называется *фартомъ*. Впрочемъ это слово существуетъ на большой дорогѣ и, кажется, заимствовано отъ арестантовъ, между которыми оно въ большомъ ходу, также какъ и производныя: *фартовый*, *фартовать*, *фартить* и проч. Глаголъ *ревѣть* въ устахъ сибиряка всего чаще значитъ кричатъ и даже звать:

— Нура! (Анюта) кричитъ мать дочери: реви тятьку!

— Да я ревѣла, дивно ревѣла, отвѣчаетъ дѣтскій голосъ.

— Реви еще!..

Вопросъ: какъ ваша фамилія, или какъ вы про-

зываетесь? въ Сибири измѣненъ въ слова: «чьихъ вы пишитесь», и потому фамиліи Бѣлыхъ, Сизыхъ, Черныхъ, Старыхъ, Молодыхъ, Большихъ, Малыхъ и т. д., какъ отвѣты на подобный вопросъ, встрѣчаются очень часто.

Страсть изъясняться на иностранныхъ діалектахъ присуща сибирякамъ, какъ и всему русскому люду, и потому всѣ живущіе по сосѣдству съ инородцами объясняются съ ними на ихъ нарѣчіяхъ. Сибирскій казакъ, неумѣющій объясняться по-киргизски, также рѣдокъ, какъ Киргизъ, умѣющій говорить по-русски.

Число бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ въ Сибири до того незначительно, что составляетъ рѣшительно каплю въ морѣ, и потому слово *дворянинъ* народу почти неизвѣстно. За-то онъ знаетъ, и хорошо знаетъ, слово *чиновникъ*.

По сибирскимъ народнымъ понятіямъ, родъ человѣческій дѣлится главнѣйшимъ образомъ на два разряда, именно: на людей и чиновниковъ.

Люди бываютъ, во-первыхъ здѣшніе, т. е. сибирскіе, разумѣется старожилы, и во-вторыхъ расейскіе. Расейскіе люди, будучи вообще не въ примѣръ хуже сибирскихъ, подраздѣляются: 1) На поселенцевъ, посельцевъ или посельщиковъ (въ женскомъ родѣ поселка) изъ *несчастныхъ*, т. е. сосланныхъ, по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, общественнымъ приговорамъ и волѣ владѣльцевъ. «Между этими есть всякіе: и худые и добрые.» 2) На переселенцевъ, иначе новоселовъ, или самоходовъ, т. е. пришедшихъ въ Сибирь по своей волѣ.

Переселенцы считаются несравненно хуже ссыльныхъ. Въ глазахъ истаго сибиряка между инородцемъ, сознательно почитаемымъ не вполнѣ человѣкомъ и тамбовскимъ, пензенскимъ, воронежскимъ и проч. крестьяниномъ разницы не много. «Только слава, что крещеные, а живутъ не обрядно: свиньями свиньи. Чортъ ихъ несетъ сюда! Всю землю заплѣнили! Что ни есть самыя еланныя мѣста заняли!» За подлинность всѣхъ этихъ фразъ ручаюсь, добавляя, что мнѣ приходилось слышать ихъ не разъ и не въ одномъ мѣстѣ. Въ Россіи, пожалуй, покажется невѣроятнымъ вздоромъ и нелѣпою выдумкой, существующая во многихъ мѣстахъ Сибири жалоба на что бы вы думали? На тѣсноту и недостатокъ земли?!? Но не смотря на всю безсмыслицу подобной жалобы, она существуетъ.

Третій сортъ рассейскихъ людей составляютъ *Вязниковцы.* Подъ этимъ именемъ разумѣются всѣ вообще бродячіе торговцы (не Татары), изъ какихъ бы губерній они ни были. Въ дѣйствительности между ними первое мѣсто принадлежитъ Владимірцамъ разныхъ уѣздовъ и вязниковскихъ ничуть не больше, чѣмъ ковроскихъ и всякихъ. Не мало по Сибири расхаживаетъ также костромичей и вятичей, тоже называемыхъ вязниковцами.

Сибирскіе чиновники раздѣляются также на два отдѣла: на армейскихъ, т. е. военныхъ, и судейскихъ— гражданскихъ. Есть еще пожалуй горные, но у тѣхъ своя *палестина* и своя *линія.*

Чиновники, по происхожденію, бываютъ туземные и заѣзжіе. Послѣдніе зовутъ первыхъ *доморощенными,* а

первые послѣднихъ *навозными*. Пріѣзжіе, очень часто, обзаведясь семействомъ, домкомъ и иными земными благами, остаются въ Сибири навсегда, и производятъ туземныхъ. Не рѣдко между чиновниками и молодыми купцами съ претензіями на образованіе, конечно туземными, попадаются господа, которыхъ всего вѣрнѣе слѣдуетъ назвать Американцами. Эти Американцы считаютъ Сибирь за какое-то эльдорадо, и принимаютъ чуть не за личную обиду малѣйшее замѣчаніе и несогласіе съ ихъ диѳирамбами. Для нихъ сдѣланное г. Ипполитомъ Завалишинымъ сравненіе сибирскаго мужика съ Гумбольдтомъ — евангельская истина *). Соглашайтесь со многимъ, говорите, что въ Сибири много и даже

---

*) Вотъ это сравненіе, потерпѣвшее въ свое время (въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1863 г.) жестокое пораженіе отъ Корсака, близко знакомаго съ Сибирью: «Между мужикомъ сибирскимъ и между русскимъ, отъ Камы до Нѣмана, таже разница, какъ между Гумбольдтомъ и приходскимъ учителемъ, просто поражаетъ каждаго заѣзжаго изъ Россіи въ Сибирь.» (Описаніе Западной Сибири, Ипполита Завалишина, стр. 89). Изъ этой же книги можно составить понятіе, до чего доходитъ непріязнь къ новоселамъ не только у природныхъ сибиряковъ, но даже у людей русскихъ, но проживщихъ очень долго въ Сибири; «Вообще замѣчено, что крестьяне всего крайняго сѣвера цѣлой Сибири: въ Пелымѣ, Березовѣ, Нарымѣ, Туруханскѣ и Енисейскѣ и въ селеніяхъ по Ленѣ до Якутска, гораздо образованнѣе, нежели въ среднихъ и южныхъ округахъ всего края, гдѣ отъ непрерывнаго прилива *дикихъ* переселенцевъ *лапотниковъ*: псковскихъ (!), тамбовскихъ (!!), воронежскихъ (!!!), и всякого сброда ссыльно-поселенцевъ, еще много *невѣжества и неряшества*» (ibid. стр. 276)

Вотъ отзывъ о лучшихъ русскихъ, пахаряхъ, какими безспорно можно назвать тамбовцевъ и воронежцевъ, и лучшихъ производителяхъ льна—псковичахъ!

очень много хорошаго, но намекните на что нибудь несовсѣмъ ладное, и вамъ говорятъ: «Да вы здѣсь недавно, ну что вы видѣли? Что вы могли видѣть? Подождите, поживите, попривыкните. Вотъ тогда вы оцѣните и поймете Сибирь, а теперь что?..» И если кто нибудь попробуетъ сказать на это извѣстную аксіому, что люди привыкаютъ ко всему, даже къ тюрьмѣ, чему бывали примѣры, то... разговоръ можетъ принять оборотъ чрезвычайно непріятный. Этому примѣры тоже бывали.

Въ Сибири весь чиновный людъ пользуется титуломъ: «ваше высокоблагородіе». Купцамъ говорятъ: «ваше почтеніе и ваше степенство». Названія: баринъ и барыня принадлежатъ только станціоннымъ смотрителямъ и ихъ супругамъ.

Съ Тугулыма начинается длинный рядъ сибирскихъ этаповъ; на тугулымскомъ выставленъ № 1-й.

Сибирскіе этапы не состоятъ въ вѣдѣніи корпуса внутренней стражи, и потому препровожденіе арестантовъ производится нижними чинами линейнаго № 1-го батальона по Тобольской, и № 11-го по Томской губерніи.

По разсказамъ арестантовъ, слѣдованіе въ Сибири для нихъ несравненно легче, чѣмъ по другимъ губерніямъ, и линейные солдаты, точно также какъ и офицеры, не въ примѣръ снисходительнѣе *гарнизонныхъ*.

— Бываютъ и здѣсь непріятности для нашего брата, говорили мнѣ арестанты изъ бывалыхъ, да все не этакія.

— Ну, а тамъ какія?

— Какія? да вотъ взять къ примѣру: придешь на этапъ; курить запрещено, а всѣ курятъ; это точно. На этапѣ какой нибудь солдатикъ продастъ нашимъ ребятамъ табаку, денежки возьметъ, а тамъ слѣдомъ, за нимъ, приходитъ унтеръ и отберетъ, и деньги пропали, и табаку нѣтъ. Или вотъ еще на счетъ пищи, кормовыя деньги—извѣстно небольшія, а глядишь, на иномъ этапѣ покупай все у солдатокъ, а тѣ берутъ зря, что угодно.

— Ну, это и по Тобольской и по Томской губерніи бываетъ.

— А за Ачинскимъ ужъ *) не бываетъ.

— Точно не бываетъ? Смотри, не сглазь!..

Сообщая эти факты, могу поручиться только въ томъ, что о нихъ мнѣ было дѣйствительно разсказано на тугулымскомъ этапѣ, гдѣ арестантская партія дневала (осеневка кончилась).

Уныло грустная мѣстность, предшествовавшая Тугулыму, за этимъ селомъ дѣлается еще грустнѣе, что, быть можетъ, мнѣ показалось вслѣдствіе проливнаго дождя, обратившаго болотистую равнину въ озеро, а дорогу въ каналъ грязи. Ровно 6 часовъ было употреблено на проѣздъ 24-хъ верстъ, и это въ легонькой бричкѣ; обозы же просто бѣдствовали.

Село Успенское, иначе Кермаки, постройками едва-ли уступитъ Тугулыму, только оно кажется меньше.

Отъ Успенскаго къ Тюмени начинаютъ изрѣдка попадаться поля, луга и березовыя рощи; земля видимо

---

*) Первый городъ и этапъ Енисейской губерніи.

лучше, а подъ городомъ встрѣчаются заимки, т. е. подгородніе хутора, или, лучше сказать, дачи, принадлежащія богатымъ и тороватымъ городскимъ жителямъ.

Рядъ каменныхъ церквей съ высокими колокольнями издали показываетъ, что приближаешься къ городу, вдобавокъ къ хорошему, и точно, Тюмень не только хорошій, даже отличный уѣздный городъ, но какая въ немъ грязь по улицамъ, просто ужасъ! Мостовыхъ нѣтъ и едва ли скоро будутъ: камня взять негдѣ; скажутъ: возить, да откуда и во что это обойдется? При дешевизнѣ лѣса остается возможнымъ вымостить городъ деревомъ, и не иначе, какъ торцами, потому что мощенье улицъ бревнами въ лежку, т. е. пластинами, гдѣ мнѣ доставалось видѣть его, никуда не годится. Въ Тюмени этимъ способомъ вымощенъ спускъ и подъемъ при переѣздѣ чрезъ глубокій оврагъ, пересѣкающій городъ, и отъ души жаль потраченнаго дерева.

Большая и лучшая часть города расположена на правомъ, нагорномъ берегу р. Туры. За рѣкою строеній не много.

Въ Тюмени оканчивается сибирскій водяной путь, начинающійся отъ Томска (по Томи, Оби, Иртышу, Тоболу и Турѣ) и Семипалатинска (по Иртышу) *).

---

*) По Иртышу пароходы подымаются только до Павлодара (Корякова), въ 388 верстахъ выше Омска, хотя могли бы ходить до Семипалатинска и даже, какъ это дознано опытомъ, до озера Норъ-Зайсана. Честь перваго плаванія къ Норъ-Зайсану и устью Чернаго Иртыша, принадлежитъ везенбергскому купцу Г. Б. Беренсу, снарядившему въ іюнѣ 1863 года, при содѣйствіи его высоко-

Прежде этотъ путь, —съ 80-верстнымъ волокомъ между селомъ Маковскимъ острогомъ на р. Кети, притокѣ Оби, и городомъ Енисейскомъ, шелъ по Енисею и Ангарѣ до Байкала.

Доставка до Тюмени и вывозъ оттуда огромнаго количества клади имѣли слѣдствіемъ значительное развитіе въ Тюменскомъ округѣ извознаго промысла, называемаго въ Сибири повсемѣстно *ямщиною*. Ямщикомъ, по-сибирски, называется не только человѣкъ, лично отбывающій почтовую гоньбу, но и извощикъ, перевозящій товары.

Подрядчики-крестьяне и купцы, принимающіе на себя доставку клади, также называются ямщиками,—съ прибавленіемъ слова *хозяинъ*.

Иногда, встрѣтивъ отличный тарантасъ съ тремя, какъ видится, сѣдоками-купцами, спрашиваешь у ямщика, раскланявшагося съ проѣзжими: кто это?

— Знакомые, такіе-то ямщики, отвѣчаетъ онъ.

— Да это, должно-быть, купцы?

— Купцы и есть, ямщиною занимаются.

превосходительства г. генералъ-губернатора Западной Сибири, А. О. Дюгамеля, пароходъ «Ура», подъ командою подполковника Зряхова. Пароходъ этотъ 20-ти сильный и осадкою въ 6-ть четвертей. Считаю нужнымъ прибавить, что вслѣдствіе чрезвычайно сухой весны и начала лѣта 63-го года, Иртышъ былъ необыкновенно маловоденъ, и потому успѣшное плаваніе глубоко-стоящаго парохода, въ самую малую воду, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ возможности устройства постояннаго сообщенія между богатѣйшею мѣстностью верховьевъ Иртыша и изобилующимъ превосходною рыбою озеромъ.

Тюмень имѣетъ свою спеціальность — ковры гладкіе и мохнатые. Шерсть, тканье, окраска, иначе узоръ — не особенные, но эти ковры очень дешевы и потому ихъ расходится довольно много. Другое и даже главнѣйшее занятіе тюменскихъ жителей составляютъ выдѣлка кожъ и шитье обуви. Но эти издѣлія въ торговлѣ слывутъ кунгурскими. Приготовляемою въ Тюмени и Тюменскомъ округѣ обувью снабжается вся Сибирь, въ особенности много ея требуется на золотые пріиски. Сибирская обувь состоитъ изъ трехъ главныхъ видовъ: 1) обыкновенные сапоги изъ черной кожи, 2) *бродни*, тоже сапоги, но безъ ранта, съ прошивными голенищами, при чемъ переда дѣлаются изъ черной, а голенища изъ бѣлой кожи, и 3) *чарки*: это бродни безъ голенищъ.

За рѣкою, подъ самымъ городомъ, виднѣются десятки вѣтренныхъ мельницъ, на которыхъ мелютъ ивовую и тальниковую кору, замѣняющими въ Сибири дубовую. По привычкѣ, вынесенной изъ Россіи, эту молодую кору называютъ *дубомъ*, не смотря на то, что дерева съ этимъ названіемъ во всей Сибири отъ Урала до Амура нѣтъ вовсе.

При мнѣ изъ Тюмени выступила огромная арестантская партія. Въ ней были перемѣшаны всѣ слѣдующіе въ Сибирь безъ разбора, какъ въ работы, такъ и на поселеніе, мужчины, женщины, дѣти—все шло вмѣстѣ. Этотъ порядокъ продолжается до Тобольска, гдѣ уже партіи дѣлятся на кандальныя, поселенскія и женскія.

Милостыня въ городѣ раздавалась щедрая и обильная: подавали деньги, хлѣбъ, булки, мясо, яйца, сушеную рыбу и чай, какъ кусками кирпичный, такъ и завернутый въ бумажки байховскій.

Подаванье милостыни чаемъ основано на томъ, что въ Сибири чай давно уже сдѣлался одною изъ первыхъ потребностей. Сибирское семейство, не пьющее чаю, представляетъ тоже самое, что русское, не имѣющее соли, т. е. послѣднюю степень нищеты.

Все съѣстное тутъ же складывалось на особыя подводы, деньги поступали къ старостѣ. Дѣлежъ между арестантами производится самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Предметы неудободѣлимые, какъ, напримѣръ, многое изъ съѣстнаго, а также части одежды и обуви, въ партіяхъ продаются съ аукціона и остаются за тѣмъ изъ арестантовъ, кто дастъ больше, а вырученныя деньги поступаютъ въ общую кассу. Все это производится съ педантическою точностью. Личная подача оставляется въ пользу получившаго, но это бываетъ рѣдко и зависитъ отъ воли того, кто подалъ.

Партія слѣдовала въ такомъ порядкѣ: впереди кандальные, т. е. закованные въ кандалы. Это слѣдующіе на каторгу, или, какъ говорятъ въ Сибири, въ работы; за ними группами, по 6 человѣкъ въ каждой, прикованные къ цѣпи—это идущіе на поселеніе въ Восточную Сибирь, за ними на свободѣ, т. е. безъ всякихъ оковъ, посылаемые на жительство, всѣ вообще женщины, люди, прежде принадлежавшіе къ привиллегированнымъ классамъ, и, наконецъ, семейства ссылаемыхъ, т. е. мужья,

слѣдующіе за жонами, или жоны — за мужьями. У семейныхъ арестантовъ часто бываетъ по многу дѣтей и слѣдованіе въ общихъ партіяхъ едва ли способствуетъ развитію нравственности. Въ особенности страдаютъ дѣвочки. Я слышалъ отъ людей знающихъ и правдивыхъ, что павшій ребенокъ лѣтъ одиннадцати — вовсе не рѣдкое явленіе въ партіяхъ.

Изъ Тюмени я хотѣлъ взять мѣсто на пароходѣ до Томска, но на мои вопросы: когда отходитъ пароходъ? послѣдовалъ отвѣтъ: неизвѣстно. — Сколько дней плаванія? — Какъ случится. — Что будутъ стоить два мѣста и провозъ экипажа? — Сколько положатъ. Рѣшеніе уравненія съ тремя неизвѣстными для меня показалось затруднительнымъ, и я рѣшился продолжать свое странствованіе по прежнему.

На пароходной пристани я имѣлъ случай убѣдиться, что выученное мною когда то свѣдѣніе о томъ, что въ сибирскихъ рѣкахъ нѣтъ раковъ оказывается положительнымъ вздоромъ, хотя прежде было истиною. Благодаря гастрономическимъ тенденціямъ нѣкоторыхъ личностей (кто говоритъ акцизно-откупнаго, а кто гражданско-административнаго вѣдомства) въ настоящее время я видѣлъ раковъ во многихъ сибирскихъ рѣкахъ, и, между прочимъ, въ Тоболѣ и Ишимѣ. Весьма вѣроятно, что эти вкусныя животныя распространятся по всей системѣ Оби. Сибиряки (я не говорю о людяхъ цивилизованныхъ) не только не ѣдятъ раковъ, но даже сплевываютъ, и удивляются, какъ ихъ можно ѣсть. Впрочемъ подобное отвращеніе существуетъ во многихъ

мѣстностяхъ Россіи, въ особенности тамъ, гдѣ придерживаются старины.

Нагрузка и выгрузка товаровъ и цѣлыя вереницы обозовъ, въѣзжающихъ и выѣзжающихъ, придаютъ Тюмени оживленный видъ—явленіе, не часто встрѣчаемое не только въ уѣздныхъ, но даже во многихъ губернскихъ городахъ. Находясь на половинѣ дороги между Петербургомъ и Иркутскомъ, этотъ городъ имѣетъ довольно большое торговое значеніе и, казалось бы, могъ быть лучшимъ пунктомъ для ярмарки, чѣмъ Ирбить, находящійся въ сторонѣ, но въ Тюмени ярмарка окончательно не удалась, хотя въ годъ открытія, на ней было много товаровъ, но въ послѣдующіе же годы она обратилась въ довольно незначительную.

Если будетъ когда нибудь устроена желѣзная дорога между Пермью и Тюменью, то ирбитская ярмарка уничтожится сама собою. Это мнѣніе я слышалъ отъ многихъ, и оно мнѣ кажется основательнымъ.

ОТЪ ТЮМЕНИ ДО ОМСКА.

При выѣздѣ изъ Тюмени ямщикъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не хочу ли я взять попутчика, который будетъ платить прогоны на «лошадь, а пожалуй на полторы.»

— Отъ чего же ты не сказалъ мнѣ объ этомъ на станціи?

— Отчего? извѣстно отъ чего, тамъ бы съ него за это слупили. Тутъ вольная поштва,—всякой должонъ свой прогонъ платить.

На улицѣ стоялъ, какъ мнѣ показалось, татаринъ съ маленькимъ чемоданомъ, войлокомъ и подушкою. Мы остановились. Татаринъ сказалъ мнѣ *сдаровъ*, протянулъ руку и усѣлся на козлахъ. Послѣ я узналъ, что мой спутникъ не татаринъ, а ташкентецъ, не знавшій, кромѣ *сдаровъ*, ни одного русскаго слова. Онъ ѣхалъ въ Петропавловскъ изъ Нижняго, въ которомъ бываетъ каждый годъ.

Когда привыкнешь встрѣчать безпрерывные обозы, по Сибирскому тракту, между Пермью и Тюменью, за этимъ городомъ бросается въ глаза совершенное отсутствіе движенія. Это сдѣлали пароходы; за то какъ же ихъ проклинаютъ, просто страсти! «и чортова выдумка,»

и «людямъ разоренье,» и «лѣсу переводъ, чѣмъ топить будутъ?» и «рыбу всю распугали», и прочее въ подобномъ родѣ; всего этого я наслушался въ волю до самаго Томска.

На одной станціи, старикъ, хозяинъ богатаго дома, занимающійся ямщиною въ большихъ размѣрахъ, говорилъ мнѣ, что пароходчикамъ несдобровать, что всѣ они прогорятъ непремѣнно, и что это должно случиться въ самомъ скоромъ времени.

— Отъ чего же ты такъ думаешь?

— Да такъ. Ужъ повѣрь. Ей Богу, великое слово!..

Противъ такого искренняго убѣжденія спорить было невозможно.

— Знаешь, хозяинъ, говорятъ отъ Тюмени до Перми чугунку будутъ строить!..

— Слышали. Только этому не бывать: Богъ не попуститъ. Потому грѣшно, сколько народу безъ хлѣба останется...

За Тюменью опять пошло тоже болото, тотъ же мелкій лѣсъ съ прибавленіемъ песку, и потому между березками стала встрѣчаться чахлая сосна; въ лѣво отъ дороги показалось довольно большое озеро.

— Ямщикъ! какъ называется это озеро?

— А Богъ его знаетъ. Мы такъ озеромъ и зовемъ. Гусиное что-ли, не то Андреевское.

Дорога убійственная, а впереди, говорятъ, будетъ еще хуже; нечего сказать, утѣшительно! Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи, на болотистомъ лугу, пе-

редъ переправою черезъ рѣку, лошади стали. Пришлось вылѣзать изъ повозки.

— Какъ же тутъ съ возами ѣздятъ? спросилъ я.

— Какъ ѣздятъ, извѣстно пропадаютъ. Сказано Сибирь *немшоная*, такая она и есть.

— Отъ чего немшоная?

— А такое ей прозвище; нѣчто не слыхали?

— Нѣтъ. Ты самъ здѣшній?

— Богъ миловалъ. Мы вятскіе, въ работникахъ здѣсь живемъ, нашихъ тутъ въ-волю. Про нашихъ тоже смѣются, что молъ вятскіе—ребята хватскіе, семеро одного не боятся; извѣстно зубоскалятъ.

Названіе Сибири немшоною, мнѣ случалось слышать неразъ, но при всемъ желаніи, я никакъ не могъ узнать причины происхожденія этого слова.

Ташкентецъ, молчавшій всю дорогу, что-то заговорилъ по своему.

— Вспрашиваетъ, можно-ли ему будетъ на станціи чаю напиться, перевелъ ямщикъ.

— Э, да ты знаешь по-ташкентски!

— Знаемъ мало-мало. Все одно—по-татарски. А мы съ татарами сусѣди, почитай дворъ объ дворъ.

На перевозѣ ямщикъ предложилъ мнѣ, вмѣсто почтовой станціи, ѣхать къ дружку, говоря, что это будетъ много сходнѣй, потому что вмѣсто $4^1/_2$ коп. за тройку (прогоны въ Сибири остались до сихъ поръ прежніе, т. е. $1^1/_2$ коп. на лошадь и версту) буду платить 15 ассигнаціями.

— Значитъ три денежки съ версты въ карманѣ. Со-

рокъ верстъ отъѣхалъ, почитай гривенникъ. Да и народъ супроти почтоваго много лучше. Я согласился.

Въ с. Богандинскомъ, первой станціи за Тюменью, меня ввезли въ тотъ самый домъ, въ которомъ останавливался возвращавшійся изъ Пекина въ Парижъ французскій посланникъ Бурбулонъ. Объ этомъ мнѣ сейчасъ объявили хозяева. Хозяйка, какъ видно, не разъ уже освѣдомлявшаяся у проѣзжихъ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, ходятъ ли француженки въ шароварахъ. На мой отрицательный отвѣтъ, она высказала сомнѣніе, основывая его на томъ, что жена посланника была одѣта по-мужски, т. е. на ней была коническая шляпа и шаровары.

— Вѣроятно для того, что такъ покойнѣе ѣхать, замѣтилъ я.

— Гдѣ тамъ спокойнѣе. Надо быть, у нихъ всѣ такъ ходятъ, вотъ какъ татарки; а то какъ же женщинѣ штаны надѣть? срамъ. Мало-ли тутъ женщинъ проѣзжаетъ: и генеральши, и чиновницы, и купчихи, всѣ по-женски одѣваются.

Мѣсто, на которомъ построено большое и богатое, повидимому, село Богандинское, нельзя назвать удобнымъ. Возлѣ села въ р. Пышму впадаетъ другая, и во время половодья часть дворовъ всегда затапливается и все село бываетъ окружено водою. Пахатной земли около жилья ни клочка, и поля находятся въ двадцати верстахъ, гдѣ грунтъ посуше. Богандинскія зимовья, правильнѣе — лѣтники, т. е. полевые дворы, въ которые перебираются во время страды, не разбросаны въ раз-

ныхъ мѣстахъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ Сибири, а собраны въ одно мѣсто, и составляютъ цѣлую деревню «Кійскія избенки». Все это я узналъ потому, что хозяинъ дома, онъ же и дружокъ, попросилъ у меня позволенія положить въ повозку мѣшокъ съ разнымъ съѣстнымъ для работниковъ. Послѣ мнѣ разсказывали, что въ разбросанныхъ зимовьяхъ не рѣдко проводятъ зиму бродяги, которыхъ принимать во дворы жители опасаются.

Въ сосѣднемъ съ Тюменскимъ, Ялуторовскомъ округѣ земля лучше; за то постройки видимо хуже.

Замѣчаніе, сдѣланное И. С. Тургеневымъ, при сравненіи калужскаго крестьянина-торговца, промышленника и отчасти земледѣльца, съ орловскимъ, исключительнымъ пахаремъ, *) поразительно вѣрно и примѣняется всюду въ Россіи. Трудолюбивые земледѣльцы лучшихъ черноземныхъ уѣздовъ вездѣ живутъ несравненно бѣднѣе и грязнѣе самыхъ плохихъ фабричныхъ и промышленныхъ. Пахари ѣдятъ гораздо хуже, одѣваются тоже, за то исправно платятъ подати и любятъ заберечь про черный день копѣйку, хотя крупныхъ капиталистовъ, какіе бываютъ въ фабричныхъ и торговыхъ селахъ, между ними никогда не встрѣчается. А какіе изъ этихъ пахарей выходятъ солдаты—просто чудо! Это было замѣчено еще адъютантомъ Миниха, Манштейномъ.

При выѣздѣ изъ села Романова, второй станціи отъ

---

*) Записки Охотника, «Хорь и Калинычъ».

Тюмени, у меня спросили, не нужно ли заѣзжать въ Ялуторовскъ? Если же нѣтъ, то городъ объѣзжаютъ, чѣмъ выигрывается нѣсколько верстъ и дорога лучше.

— А каковъ городъ?

— Вниманія не стоитъ. Только одно званіе.

— Ступай въ объѣздъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, при впаденіи Исети, которую, не знаю почему, г. И. Завалишинъ называетъ Геснеровою идилліею, переправа черезъ Тоболъ, разливающійся во время половодья, какъ говорятъ, верстъ на 40, даже больше; но въ это время ширина рѣки была около версты. На перевозѣ я увидалъ въ первый разъ поселенцевъ; они были перевозчиками; ихъ было трое и всѣ, по ихъ словамъ, сосланы по волѣ владѣльцевъ.

— Неужто намъ нельзя домой воротиться? вѣдь теперь, говорятъ, прежнее порѣшилось? Мы бы ужъ какъ нибудь добрались; хоть христовымъ именемъ, говорилъ мнѣ старикъ лѣтъ шестидесяти. Провинности за мною никакой не было, вся вотчина знаетъ.

— За что же тебя господа сослали?

— Господа, какіе господа? Управляющій сослалъ, а за что? за правду. Грубіянъ говоритъ, ну и сослалъ.

Не знаю, правду-ли говорилъ этотъ старикъ, но подобные случаи бывали. Сколько я могъ замѣтить, въ Россіи ссылка людей на поселенье по волѣ помѣщиковъ въ особенности возросла въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, т. е. передъ самымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса. Слышалъ я также объ одномъ помѣщикѣ, кажется

Владимірской губерніи, яромъ поборникѣ православія, который, для уничтоженія раскола въ своемъ имѣніи, не испугался издержекъ, которыхъ ему стоила ссылка цѣлыхъ сорока семействъ *). Жаль, что я забылъ фамилію этого благочестиваго мужа. Ссылка по общественнымъ приговорамъ у крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ, въ точномъ значеніи, не рѣдко была ни что иное, какъ воля окружныхъ начальниковъ и даже волостныхъ головъ, по приказу которыхъ общество *давало руки,* т. е. подписывало все, что требовалось.

Перевозчики предложили мнѣ купить у нихъ раковъ, и за гривенникъ насыпали больше сотни. Спутникъ мой Ташкентецъ, скорчилъ преуморительную гримасу, а ямщикъ махнулъ рукою, сказавши: «Экая погань! Охота душу марать! Чудно...»

Въ селѣ Заводоуховскомъ, гдѣ я мѣнялъ лошадей, хозяйка отказалась рѣшительно не только дать посуду, но даже варить этихъ «водяныхъ шутовъ», т. е. чертей, прости-Господи. Нечего дѣлать, пришлось стряпать самому, и хорошо, что случилась своя кострюля: иначе хоть горшокъ покупай.

Сибирскіе раки, вѣроятно вслѣдствіе собственнаго приготовленія, мнѣ показались необыкновенно вкусными.

---

*) Ссылка въ Сибирь многихъ семействъ разомъ прежде не составляла особенной рѣдкости. Мнѣ говорили, что въ 25 верстахъ отъ Омска поселены 60 семей, сосланныхъ одновременно помѣщикомъ П—скимъ, изъ Б. уѣзда Т. губерніи.

Бряцанье цѣпи прервало мое гастрономическое наслажденіе.

— Хозяинъ, что это такое?

— А надо быть бродягу ведутъ.

Я выглянулъ въ окно. Передъ домомъ стоялъ рослый дѣтина, съ окладистою свѣтлорусою бородой, въ ножныхъ кандалахъ, одѣтый въ плохой побурѣвшій армякъ и стоптанные бродни, и при немъ, въ видѣ конвойнаго, дряхлый старичокъ десятскій, съ палочкою.

— Подайте Христа-ради! проговорилъ бродяга.

Хозяинъ подалъ большой кусокъ пшеничнаго хлѣба.

— Здравствуй, братецъ! сказалъ я.

— Здравія желаю, в. в.

— Ты какой губерніи?

— Херсонской.

— Отчего же такъ чисто говоришь по-русски?

— Да я только родился въ Херсонской губерніи, а у меня отецъ и мать были Русскіе.

— Ты вѣрно изъ солдатъ?

— Точно такъ, в. в.

— Гдѣ служилъ?

— Въ N кирасирскомъ полку, в. в.

— Имени не скрываешь?

— Никакъ нѣтъ, в. в.: Семенъ Васильевъ Скляровъ.

— За что же ты попалъ сюда?

— Долго разсказывать, в. в.

Вотъ разсказъ Семена Склярова, съ которымъ мнѣ еще разъ пришлось встрѣтиться:

— Служилъ я, в. в., какъ уже докладывалъ, въ N полку. Характеръ у меня, то есть, самый неподходящій, не уважилъ я разъ вахмистру, тотъ ротмистру; расправа въ то время была извѣстно какая; я заортачился, до грубости дошелъ большой; ну, подъ-судъ отдали; прошелъ полторы тысячи и попалъ въ арестантскую роту.

— А потомъ?

— Потомъ, в. в., не могъ потрафить въ арестантской ротѣ.

— И что же?

— Да ничего. Попалъ подъ судъ, прогнали скрозь строй, лишенъ солдатскаго званія и сосланъ въ каторжную работу въ Александровскій винокуренный заводъ; оттуда бѣжалъ, пойманъ, наказанъ плетьми, съ поставленіемъ литеры Б. ниже локтя, съ назначеніемъ въ Петровскій желѣзный заводъ, откуда бѣжалъ вторично, и добровольно явился въ Омутинской волости.

— И не добровольно, а поймали, вмѣшался десятскій.

— Почтенный старичекъ, гдѣ же поймали? какъ бы я хотѣлъ уйдти, нечто ты укараулишь? Смотри.

Скляровъ тряхнулъ ногою, и деревенскіе кандалы слетѣли. Ты это видишь? То-то же!

— Куда же ты пробирался?

— Да куда глаза глядятъ. Мы, бродяги, все больше такъ ходимъ. А что, в. в., объ манифестѣ ничего не слышно?

— О какомъ манифестѣ?

— Да вотъ памятникъ въ Новгородѣ открываютъ, такъ по этому случаю?

Слухи и толки о манифестѣ, по случаю открытія новгородскаго памятника, въ Сибири были повсемѣстны, и бродяги сильно на него расчитывали.

— Что же теперь съ тобою будетъ?

— Да ничего. Накажутъ плетьми, поставятъ слово како (с. к., то есть ссыльно-каторжный), на рукѣ и на лопаткѣ и пошлютъ въ нерчинское вѣдомство. Вы, в. в., куда изволите ѣхать?

— Въ Иркутскъ.

— Бывалъ-съ, городъ хорошій.

— Послушай, Скляровъ, ты правду мнѣ говорилъ?

— А на что же мнѣ лгать? Пріѣдете въ Иркутскъ, можно справиться въ экспедиціи о ссыльныхъ по статейному списку.

— А изъ Нерчинскаго вѣдомства уйдешь? или оттуда трудно?

— Это, в. в., глядя по дѣлу. Труда большаго нѣтъ. Оттуда всего больше бѣгаютъ. Года вотъ мои проходятъ. Вотъ что-съ! Мнѣ вѣдь безъ года пятьдесятъ, в. в.

На видъ ему было не больше сорока.

— Надо полагать, в. в., въ Сибири недавно?

— Отъ чего ты такъ думаешь?

— Да нашимъ братомъ антиресуетесь. Поживите, присмотритесь; тутъ насъ много.

— По дорогѣ буду встрѣчать?

Никакъ нѣтъ-съ. Наши тутъ все сторонами проби-

раются, маршлутъ свой имѣютъ. До самой Бирюсы, т. е. до Иркутской границы, по большой дорогѣ не ходимъ. Ну, а тамъ, еслибъ ѣхали весною, то какъ бараны идутъ. Теперь къ осени становится меньше, а все еще будутъ попадаться. Только теперь настоящихъ старыхъ бродягъ мало. Въ тѣхъ мѣстахъ по осени идутъ больше перваки. Настоящіе мастера проходятъ раннею весною.

— Ты же изъ какихъ?

— Да я что, всего по второму. А есть молодцы: *кругомъ шестнадцать*, или *кругомъ Иванъ Иванычъ,* значитъ весь въ клеймахъ. По десятому и больше. Раза по два на приковку къ тачкѣ осужденъ.

Скляровъ видимо одушевился.

— Ну, а встрѣтишься съ этакимъ, ничего?

— Я, в. в., докладывалъ бараны, бараны и есть. Мухи не обидятъ, не то что человѣка. Христа-ради попроситъ: дали—спаси Господь; нѣтъ—на здоровье.

— Ну, кое-когда и забижаютъ, замѣтилъ хозяинъ.

— Съ голоду развѣ, да и то не всегда. А что вотъ этимъ калужскимъ, что подъ Омутинскимъ живутъ, объ тѣхъ толковать нечего. Когда-нибудь припомнятъ.

Мнѣ объяснили, что живущіе въ Омутинской волости новоселы-калужане очень часто ловятъ бродягъ и представляютъ по начальству. Скляровъ былъ задержанъ ими же.

— Послушай, Скляровъ, ты человѣкъ бывалый, скажи гдѣ лучше: въ арестантскихъ ротахъ, или на заводахъ?

— Это, в. в., какъ кому. Для человѣка слободнаго, напримѣръ, для мужика, для мѣщанина, для приказнаго званія, для господъ, въ заводахъ много лучше, сравненія нѣтъ; а вотъ для человѣка казарменнаго, какъ нашъ братъ—бѣда просто...

— Отъ чего же это?

— Да какъ же, съ малолѣтства тебя одѣвали, кормили, вотъ привычки и нѣтъ какъ съ собою обойтись. Въ заводахъ дадутъ тебѣ паекъ, жалованье,—распоряжайся, какъ знаешь. А нашъ братъ, извѣстно, жалованье въ кабакъ, съ пайкомъ тоже обойтись не умѣетъ: привыкъ къ готовому. А въ арестантской ротѣ я сытъ, обутъ, одѣтъ; сидѣть подъ замкомъ привыкъ съ измала, а работа не Богъ знаетъ какая. Общество большое, все свои. А вотъ слободнымъ, такъ тѣмъ въ арестантскихъ ротахъ шибко круто приходится; особенно которые съ Капказа, а на заводахъ—ничего, скоро обживаются.

Разспросы и наблюденія, сдѣланныя мною послѣ, привели къ убѣжденію, что эти слова Склярова положительно вѣрны.

Лошади были уже давно готовы и Ташкентецъ, успѣвшій совершить опредѣленное число намазовъ, что онъ дѣлалъ при каждой перепряжкѣ, началъ показывать знаки нетерпѣнія. Нужно было ѣхать.

— Счастливо оставаться, в. в.—крикнулъ по солдатски Скляровъ.

Я ему подалъ цѣлковый, онъ не взялъ.

— Много даете, в. в. Вамъ дорога дальняя, пожалуйте гривенникъ, больше не нужно.

Ташкентецъ, видѣвшій все это, разчувствовался, и подалъ копѣйку.

— Вѣдь вотъ, в. в., у этого подлеца вѣрно тысячи, а что подаетъ? и то, пожалуй, въ первой съ роду; ну да съ бѣшеной собаки—хоть шерсти клокъ!...

Мы тронулись.

— Мотри паря, на горахъ полегче! закричалъ вслѣдъ хозяинъ.

— А тутъ развѣ горы? спросилъ я.

— Престрашенныя, отвѣчалъ ямщикъ, помахивая кнутомъ.

Престрашенныя горы, въ дѣйствительности, оказались незначительными песчаными холмиками. Горами, да еще престрашенными, ихъ могутъ называть съ непривычки мѣстные жители. Нѣсколько верстъ отъ станціи тянется сосновый лѣсъ, единственный до самой Оби, въ чемъ я убѣдился впослѣдствіи. За холмами, которыхъ было всего два-три, опять началась равнина, только по-суше прежней. Стали попадаться хлѣбныя поля около дороги—ясный признакъ, что ѣдешь по странѣ населенной. Въ каждой деревнѣ встрѣчаются ссыльные, которыхъ легко отличить отъ коренныхъ сибиряковъ по одеждѣ, а еще болѣе по выговору. Деревенскіе мастеровые, какъ-то: плотники, кузнецы, печники, портные, сапожники и проч. 9-ть изъ 10 непремѣнно поселенцы. При видѣ, на краю деревни еле живой избенки, можно ручаться смѣло, что она принадлежитъ ссыльному. Не

многимъ изъ нихъ удается обзавестись порядочнымъ домомъ, и это случается только съ семейными. Люди одинокіе, проживши лучшіе годы въ работникахъ, подъ старость очень часто не знаютъ куда преклонить голову, и живутъ Христовымъ именемъ. Это неутѣшительное явленіе въ Сибири весьма обыкновенно.

Подъѣзжая къ селу Осмутинскому со мною встрѣтилось десятка два подводъ, возвращавшихся порожнякомъ. Лица, одежда и самая упряжъ показались знакомыми. Громко сказанныя слова: *ёнъ* (онъ) и *яны* (они), съ-разу объяснили мнѣ что это за люди и почему показались знакомыми.

— Здравствуйте братцы! Вы курскіе?

— А курскаи, усе (всѣ) какъ есть курскаи. А твоя милость откѣлича? Съ нашихъ сторонъ что-ли-ча? посыпались вопросы.

— Нѣтъ, братцы, я орловской, только долго жилъ въ Курскѣ.

— Орловской, ето значить сусѣдъ, усе едино.

Ребята, снявши шапки, побросали телѣги и обступили повозку. Молодые парни, по курскому обычаю, молча разинули рты (признакъ особаго вниманія). Душою я невольно перенесся на родину.

— Давно вы переселились?

— *Дамно*. Годовъ тридцать ёсть; ёти усѣ понародились здѣсева; я мальченкой пришелъ, отозвался мужикъ постарше. Стариковъ много примерло, а кое-какіе ешшо есть.

— Гдѣ же вы живете?

— А тутъ по близости, версты четыре.

— И гдѣ четыре! нябуде четырехъ—три.

— Я табѣ говорю четыре: а я табѣ говорю три. Споръ поднялся горячій.

— Чаго загорланили! Дорога не мѣреная, крикнулъ одинъ и всѣ притихли.

— А изъ какого уѣзда?

— А изъ самой губерніи, Курскаго значить. Може знаетъ село Плетенево?

— Какъ не знать, знаю.

— Мы стало быть и здѣсева деревню Плетеневою прозвали, такъ Плетенева и пишется.

— Ямщикъ, вези меня въ Плетеневу, я тебѣ за это прибавлю. Братцы, я къ вамъ хочу въ гости заѣхать.

— Милости просимъ! Ради будемъ. Пошелъ ребята упередъ, скажи молъ такъ и такъ, къ намъ землякъ ѣдя, проговорилъ тотъ, который по-старше, и ребята поскакали. Телѣжная скачка по-курски производится такъ: надобно стать въ телѣгѣ на ноги и погонять лошадь возжами; плетеневцы сохранили и это обыкновеніе.

Ташкентецъ, ничего не понимая, оглядывался во всѣ стороны.

При въѣздѣ въ деревню меня встрѣтила огромная толпа, состоявшая изъ людей всѣхъ возрастовъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на земляка, и я начиналъ уже жалѣть о томъ, что заѣхалъ и былъ причиною поднятой суматохи. Какъ на бѣду день былъ праздничный, и потому всѣ дома.

— Охъ батюшка! Охъ родненькій! причитали бабы, приложивши руку къ щекѣ. При этомъ я замѣтилъ, что старыя сохранили курскій нарядъ: красную шерстяную юбку, а молодыя были уже одѣты по-сибирки, т. е. въ ситцевыя платья и сарафаны. Нарядъ мужчинъ тоже подвергся измѣненію. Лапти, конечно, давно уже брошены, ихъ и плести не изъ чего. Зипуны замѣнены азямами. Это, пожалуй, тотъ же зипунъ или армякъ, только не суконный, а изъ какой-то свѣтлой волосяной матеріи, въ родѣ полустамеда, съ вышитыми разноцвѣтною бумагою воротникомъ, краями и углами на полахъ. Эти азямы въ общемъ употребленіи во всей Сибири; ихъ привозятъ шитыми, кажется, изъ Нижегородской губерніи. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ старикахъ были и зипуны.

Помѣстившись въ большой и довольно чистой горницѣ, я сталъ разспрашивать о житьѣ-бытьѣ, и мнѣ разсказали вотъ что:

— Таперича ничего, какъ будто попривыкли, а по первоначалу — бѣда. Пуще всего бабы голосомъ голосили. У насъ онѣ, самъ знаешь, привыкши два раза въ годъ къ Владычицѣ, Знаменью Коренской Божьей Матери ходить, а здѣсь етаго заведенія нетути—ну и тосковали. Другое, опять наша сторона садовая, а здѣсева нѣтъ табѣ ни яблочка, нѣтъ табѣ ни дульки,— етимъ скучали. Вѣришь ли, отъ-селева бабъ пять, должно быть, у Коренную, къ 9-й пятницѣ ходили. Что жъ, Богъ привелъ, поворотились. Пробовали мы и яблони садить, сѣмечками стало быть взой*дѣтъ*, рас*тѣтъ*, а

тамъ пропа*дљть*. Что будешь дѣлать. Климантъ такой что-ли-ча? А вотъ на счетъ хлѣбушка — ничего, земля уродимая. Пашаница растѣть, рожь, только настоящей *аржи* тутъ самая малость, больше ярица. Скусъ тотъ же, а силы нѣтъ. На счетъ скотинки тоже слободно, а чтобъ лошадей крали, какъ по нашимъ мѣстамъ, здѣсева не слыхать.

— А каковы сосѣди?

— Всякіе есть, и худые, и добрые... На счетъ сибирскихъ, мы ихъ чалдонами дразнимъ, больше чаями занимаются, а работать не охочи. Иные живутъ справно, а есть и нищета. А то вотъ недалеко новоселы калуцкіе: къ пахотѣ непривычны, народъ лѣсной, тѣ бѣдуютъ, то есть такъ бѣдуютъ, что Боже мой!...

Подали самоваръ, и нечего грѣха таить, кажется не чищенный со дня покупки.

— Э, да вы чай пьете?

— Нѣтъ, мы къ нему не привычны; молодые стали баловаться. Ето мы больше про чалдановъ держимъ. Яны безъ етаго не могутъ.

— А чалдоны у васъ часто бываютъ?

— А то какъ же? Извѣстно по сусѣдки: хлѣбушка когда купить, когда взять до новины.

— Развѣ у нихъ нѣтъ хлѣба?

— Есть, какъ не быть, да все меньше супроти нашего, имъ такъ на спахать, мы на томъ стоимъ. Вѣришь ли, до насъ тутъ и косъ, литовокъ по ихнему, малость было, все горбушами косили, а много ею на-

косишь? Вотъ тоже крюки, значить, косы съ граблями, для хлѣбовъ, тоже отъ насъ пошли.

— Это точно, что отъ нихъ, отозвался мой ямщикъ, до сихъ поръ слушавшій молча, я и отъ тятьки слышалъ...

При прощаньи съ плетеневцами мнѣ было предложено столько съѣстной всякой всячины, что можно бы было нагрузить цѣлую повозку. Ямщика и ташкентца угостили на славу. Первый даже оказался выпивши.

— Хорошій народъ, в. в., только всѣ почитай мужичье какъ есть...

— Чѣмъ же?

— Помилуйте! живутъ необрядно, имѣвши такія богачества, на счетъ хлѣба или скота и всего прочаго... Ямщикъ оказался изъ образованныхъ: жилъ два года въ Тобольско у хозяевъ и плавалъ на пароходѣ до самаго Томско и обратно. Замѣчу, кстати, что окончаніе многихъ городовъ на *скъ*, по-сибирски измѣняется въ *ско*, и потому безпрестанно слышишь Томско, Омско, Канско, Каиньско и Ялутороско. Одинъ только Тюкалинскъ называется просто Тюкалою, да Семипалатинскъ—Семипалатнымъ.

Въ Ишимскомъ округѣ земля гораздо лучше, чѣмъ въ Ялуторовскомъ, за то постройки несравненно хуже, и начинаютъ попадаться дома, крытые берестою и даже дерномъ. Соломенныхъ кровель сибиряки не терпятъ, и смѣются надъ новоселами, у которыхъ бываютъ такія кровли.

Въ селѣ Безруковѣ я разстался съ своимъ спутникомъ ташкентцемъ. Ему надобно было ѣхать на Ишимъ,

а меня повезли по прямой дорогѣ, и городъ остался въ сторонѣ.

За Ишимомъ начинаютъ показываться горы. Это правый берегъ рѣки Ишима, которому, со временемъ, также, какъ и р. Тоболу, вѣроятно, придется играть важную роль въ сибирскихъ водяныхъ сообщеніяхъ.

Рѣки Ишимъ и Тоболь, вытекая изъ глубины киргизскихъ степей, проходятъ чрезъ земли успѣшнѣйшаго земледѣлія и огромнаго скотоводства, и въ тоже время нуждающіяся въ лѣсѣ; въ дальнѣйшемъ теченіи обѣ рѣки вступаютъ въ область дремучихъ лѣсовъ—урмановъ, гдѣ и хлѣбъ и мясо дороги; это въ самой Сибири. Непрерывный водяной путь отъ Петропавловска и Кургана до Тюмени легко можетъ доставить возможность многимъ произведеніямъ этихъ городовъ и ихъ окрестностей появляться на рынкахъ Европейской Россіи. И что же? До сихъ поръ все пароходство по Тоболу ограничивается плаваньемъ отъ Тобольска до устья Туры, а по Ишиму еще не пробовали.

Противъ этого говорятъ, что между Ялуторовскомъ и Курганомъ по Тоболу, и между Ишимомъ и Петропавловскомъ по Ишиму есть мельницы; но неужели онѣ могутъ составлять непреодолимое препятствіе и неужели частный интересъ будетъ всегда предпочитаться общественному?

Есть еще другое возраженіе: пока въ водномъ сообщеніи нѣтъ надобности, оно и не существуетъ, а придетъ время—устроится. Между тѣмъ, конечно, могутъ быть частные случаи, какъ напримѣръ въ 1862

году, когда около Кургана хлѣбъ былъ нипочемъ, а около Березова былъ голодъ!... Но на это были и другія причины....

Дорога, проложенная невдалекѣ отъ лѣваго берега р. Ишима, идетъ по мѣстности слегка волнистой. Земля превосходная. За селомъ Боровскимъ начинается рядъ кургановъ. Это первые курганы, которые я встрѣтилъ въ Сибири.

Между мѣстными жителями ходитъ повѣрье, что здѣсь прежде, когда-то, очень давно, жили какіе-то *чудаки* или *чудь*, устроевавшіе свои жилья подъ землею, и что не снеся русскаго духа, они подрубили подпорки и были задавлены обрушившеюся землею.

Въ видахъ подтвержденія этого преданія ссылаются на то, что въ курганахъ находятъ бревна, человѣческія кости, посуду и разную домашнюю утварь. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего не случалось видѣть изъ этихъ находокъ.

Передъ большимъ и богатымъ селомъ Абатскимъ я встрѣтилъ первую партію переселенцевъ. Это была пензенская Мордва, о которой мнѣ говорилъ ямщикъ подъ Тугулымомъ. Всѣхъ семействъ было около пятидесяти; шли они изъ Краснослободскаго уѣзда въ Томскую губернію. По словамъ переселенцевъ, ихъ партія была по порядку послѣднею, и впереди *многогораздъ*, т. е. очень много.

Всего изъ Пензенской губерніи въ этомъ году отправилось до 500 семействъ, и все государственные крестьяне.

Слышанный мною эпитетъ о Черемисахъ: «смирные какъ куры,» вполнѣ можетъ быть примѣненъ и къ Мордвѣ, съ которою я былъ знакомъ во многихъ уѣздахъ Пензенской губерніи. Переселенцы были замѣтно изъ бѣдняковъ: плохія лошадки, такія же повозки и упряжь,—все показывало, что малоземелье, единственная причина переселенія, довело ихъ до крайности.

На переселенцевъ, какъ я уже замѣтилъ выше, сибиряки смотрятъ косо, а эти еще вдобавокъ смирные, и потому имъ не оказывалось даже содѣйствія, предписаннаго правилами. «Дикіе лапотники» г. И. Завалишина, дѣйствуютъ настойчивѣе, и что имъ положено, вытребуютъ непремѣнно, а Мордва «сказано чудь-заблудящая, такая она и есть».

Добряки жаловались мнѣ на какихъ-то проѣзжихъ, которые, увидѣвъ, что тѣ стали ловить рыбу въ озеркѣ около дороги (переселенцы имѣли съ собою кой-какія рыболовныя снасти), напали на нихъ, рыбу отняли и бредень порвали.

— Много ихъ было? спросилъ я.

— Двое, подводчикъ третій.

— За чѣмъ же вы позволили? вѣдь васъ сколько.

— А можетъ начальники.

Оказалось, что на одномъ изъ храбрыхъ проѣзжающихъ былъ сюртукъ съ форменными пуговицами, имѣющими въ глазахъ Мордвы магическое значеніе. Что дѣлать! привычка.

На перевозѣ черезъ р. Ишимъ я опять увидалъ ра-

ковъ у перевозчиковъ-поселенцевъ. Бывшій на паромѣ сибирякъ поспѣшилъ мнѣ объяснить, что эта погань приплыла къ нимъ изъ Петропавловска, гдѣ военные чиновники развели этихъ чертей даже въ крѣпостномъ рву.

— Отъ нихъ вся рыба передохнетъ, ей-Богу, великое слово, и теперь ужъ поменѣло!

Перевозчики принялись было спорить и доказывать противное, говоря, что въ Россіи... но сибирякъ прикрикнулъ на нихъ такъ грозно, что они тутъ же опѣшились.

Послѣ я узналъ, что это какое-то немаловажное лицо въ волости и шибко *бодеръ*, т. е. дерзокъ на руку....

Какъ ни велико для русскаго крестьянина значеніе волостнаго головы и писаря, но оно не даетъ даже понятія о томъ, что значатъ эти сановники для ссыльнаго въ Сибири.

На другомъ берегу нѣсколько переправившихся переселенцевъ обратились къ волостной особѣ съ какою-то просьбою. Всѣ они, какъ и слѣдуетъ, стояли безъ шапокъ въ самомъ покорно-почтительномъ положеніи.

— Вамъ чего, свиньи? Дома небось лаптями щи хлебали, а здѣсь тоже тово.... Пошелъ, крикнула особа, садясь въ легонькую повозку на длинныхъ дрогахъ, и тройка земскихъ понеслась по-фельдъегерски.

Бѣдняки-просители, что-то заговорили по-мордовски. Мнѣ хотѣлось узнать, разспросить въ чемъ дѣло, да—

«Что и жалѣть, коли не чѣмъ помочь!» подумалъ я вмѣстѣ съ Некрасовымъ, и поѣхалъ дальше....

За р. Ишимомъ земля уже похуже и начинаютъ показываться озера и займища. Между станціями Камышевою и Орловымъ есть займище, получившее даже названіе Орловскаго. Оно тянется, какъ мнѣ говорили, верстъ на полтораста или около того.

Въ Сибири займищемъ называютъ болото, болѣе или менѣе мокрое, заросшее травою и имѣющее видъ луга. По народному и очень похожему на правду объясненію, всѣ займища были прежде озерами, которыя, постепенно мелѣя и заростая, превращаются въ то, что называется займищемъ. Со временемъ на займищахъ появляются маленькія березки въ видѣ кустарника; грунтъ съ каждымъ годомъ дѣлается тверже, деревца крупнѣе и чаще, потомъ являются рощицы, рощи и, наконецъ, образуется елань, т. е. мѣсто удобное для хлѣбопашества. Всѣ эти видоизмѣненія можно видѣть, проѣхавши отъ Абатскаго до заштатнаго города Тюкалинска, что составляетъ съ небольшимъ 130 верстъ.

Въ 80 верстахъ отъ Абатскаго находится деревня Крутая, при озерѣ Икѣ (не знаю, можно ли склонять слово Икъ?). Это озеро соединяется протокомъ съ двумя другими Салтаиломъ и Денгизомъ *). Въ этихъ трехъ озерахъ, незначительныхъ по величинѣ, зимою производится огромный уловъ окуней. Рыбу эту ловятъ удочкою на блѣсну, т. е. на искусственную насадку, къ чему обыкновенно служитъ кусочекъ краснаго сукна, или бумажной матеріи, прикрѣпленной къ крючку.

---

*) Иначе Тенисомъ. Слово денгизъ, кажется, значитъ озеро.

Рыбы попадается такъ много, что на долю ловца или ловицы (рыболовствомъ занимаются всѣ безъ исключенія) достается по 50 рублей серебромъ, для чего надобно поймать не менѣе 100 пудовъ рыбы. Окунь преимущественно мелкій, болѣе ста штукъ на пудъ (норма 110). Съ мѣста ловли, рыба идетъ главное на Шадринскъ, а куда оттуда—«Богъ ее знаетъ.» Вотъ все, что я узналъ о сбытѣ; относительно же ловли, мнѣ разсказывали слѣдующее:

Какъ только озеро покроется льдомъ, и старый и малый, обоего пола, отправляются и рубятъ проруби, «кто сколько сможетъ.» Въ проруби спускаютъ удочки безъ удилища, а такъ—одна лѣса, и волосяная и нитяная, какая у кого есть съ блѣсною; «только спустишь, глядь — и есть рыбица; это — кому задача, а иной и такъ просидитъ.» Впрочемъ, съ пустыми руками никто не возвращается, и разница въ томъ, что счастливецъ поймаетъ въ день пуда два и больше, а несчастный удовольствуется десятью фунтами. Къ этому же времени являются и покупатели. Озера, сколько помнится, составляютъ оброчную статью и сдаются съ торговъ, при чемъ... Но, не имѣя въ своемъ распоряженіи формальныхъ доказательствъ, краснорѣчиво умалчиваю и передаю то, что слышалъ. Замѣчательно, что окуни, которыхъ такая пропасть зимою, чрезвычайно рѣдко попадаются лѣтомъ. Въ это время года, ихъ смѣняютъ караси.

Я оставался въ Крутой почти сутки. Ѣздилъ на рыбную ловлю (по-сибирски на *рыбалку*); ходили съ

небольшимъ бреднемъ и поймали пудовъ 5 карасей, и только одного окуня, вершка въ два, не больше. Караси мелкіе и сильно пахнутъ тиною. Кромѣ карася и окуня, въ озерахъ нѣтъ другой рыбы, по словамъ однихъ; другіе же утверждали, что хотя очень рѣдко, но попадаются щуки и чебаки *).

По многочисленнымъ озерамъ этой мѣстности кишатъ, въ буквальномъ смыслѣ, дикія утки и гуси, и это у самой дороги, гдѣ ихъ пугаютъ выстрѣлами; что же должно быть въ сторонѣ? Только видя это страшное количество дичи, можно понять жалобы мѣстныхъ жителей на опустошенія, производимыя ею въ поляхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ.

Еще въѣзжая въ Ишимскій округъ, я замѣтилъ, что тесовыя кровли на домахъ начинаютъ замѣняться берестяными и дерновыми; число послѣднихъ, по мѣрѣ приближенія къ Тюкалинску, увеличивается, и въ селѣ Колмыковѣ, въ 22 верстахъ отъ города, видны только дерновыя. Приписать это скорѣе всего слѣдуетъ обычаю, а уже никакъ не бѣдности жителей, или совершенной невозможности достать другой матеріалъ.

Тюкалинскъ, или по общеупотребляему названію

*) Въ Малороссіи чебакомъ называютъ леща; въ Сибири же подъ этимъ именемъ извѣстна плотва, мало чѣмъ отличающаяся отъ обыкновенной. Замѣчу кстати, что судаковъ, лещей и сазановъ (карповъ) въ Сибири нѣтъ вовсе. Послѣдняя рыба встрѣчается только въ Амурѣ и его притокахъ, да въ озерѣ Исыкъ-Куль, гдѣ ее такъ много, что ловятъ пиками и шашками, въѣзжая въ воду верхомъ на лошади.

Тюкала, былъ когда-то окружнымъ городомъ. Тогда въ немъ творили судъ и расправу, тогда жили и веселились (разумѣется не всѣ), и теперь, пожалуй, тоже живутъ и веселятся, но уже не по прежнему.

Всѣ вообще сибирскіе города служатъ убѣжищемъ для ссыльныхъ изъ «господъ и приказнаго званія». По словамъ большей части этихъ людей, они пострадали за растрату и потерю казеннаго имущества, что, какъ извѣстно, въ глазахъ большинства, составляетъ самое невинное преступленіе. Поляки и уроженцы западныхъ губерній выдаютъ себя непремѣнно за политическихъ. Но статейные списки (увы!) часто говорятъ не то. По этимъ сердитымъ документамъ, многіе терятели и политики оказываются чистѣйшими ворами и мошенниками. При этомъ необходимо замѣтить, что дѣйствительные политическіе терпѣть не могутъ мнимыхъ, и при случаѣ обличаютъ ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Ссыльные изъ привилегированныхъ классовъ общества въ сибирскихъ городахъ пристроиваются къ судамъ и управленіямъ, въ которыхъ, не имѣя права занимать штатныя мѣста, исполняютъ обязанности канцелярскихъ служителей. Много ихъ также служитъ по откупу. Все это относится только къ людямъ на что нибудь годнымъ, а главное трезвымъ.

Несчастная страсть къ вину, сдѣлавшая многихъ преступниками, не разстается съ ними и въ ссылкѣ. Неисправимые пьяницы большею частію гибнутъ всюду, но въ Сибири они доходятъ до такой степени моральнаго безобразія и падаютъ такъ низко, что чувство

сострадания невольно переходитъ въ омерзеніе, и надобно имѣть слишкомъ твердую волю для того, чтобы помнить: «это братъ твой!» Одна изъ самыхъ грустныхъ сторонъ этого, къ сожалѣнію, не рѣдкаго явленія, состоитъ въ томъ, что между людьми окончательно погибшими, встрѣчаются личности, одаренные замѣчательнымъ умомъ, способностями и въ нравственномъ отношеніи безъ сравненія лучшія устроившихся какъ слѣдуетъ...

Всякаго рода воры, мошенники и похитители, если имъ случится припрятать и принести съ собою деньги, живутъ въ Сибири припѣваючи. Для многихъ изъ этихъ художниковъ ссылка служитъ перемѣною мѣста жительства и театра дѣйствій, не больше. Для нихъ отворяются двери и сердца даже тѣхъ, кто съ благороднымъ негодованіемъ и ужасомъ казнитъ копеечныхъ воришекъ.

— Скажите, пожалуйста, кто это? спрашиваю я разъ на гуляньи въ городской рощѣ въ О. у одного немаловажнаго чина, показывая глазами на небольшаго, франтоватаго развязнаго господина лѣтъ пятидесяти слишкомъ.

— Это В—чъ, бывшій когда-то статскимъ совѣтникомъ и губернскимъ почтмейстеромъ.

— За что же онъ попалъ сюда?

— Говорятъ по несчастью, какой-то недочетъ.

Разскащику было очень хорошо извѣстно, что несчастье В—ча состояло въ томъ, что онъ попался въ похищеніи какихъ-то денегъ и драгоцѣнныхъ камней. Кушъ былъ значительный.

— Прекрасный человѣкъ, умный, образованный.

— Мое почтеніе, М — П — чъ! проговорилъ онъ, раскланиваясь съ В — мъ, который отвѣтилъ на поклонъ вѣжливо, но съ замѣтнымъ чувствомъ собственнаго достоинства.

— Согласитесь сами, несчастье можетъ случится со всякимъ.

— Да, но не такое. Надобно вамъ замѣтить, что я прожилъ въ Х. лѣтъ пять, и знаю, за что этотъ господинъ сосланъ.

— Конечно, можетъ быть, только это было такъ давно...

Всѣ ѣдущіе изъ Россіи въ Томскъ и далѣе во всю Восточную Сибирь, если не имѣютъ надобности быть въ Омскѣ, то могутъ слѣдовать изъ Тюкалы, не по почтовой, а по проселочной дорогѣ, на дружкахъ. Этимъ выигрывается верстъ 80, или около того: дорога немѣрянная, или, какъ я одинъ разъ слышалъ: «мѣряли Сидоръ да Тарасъ, да цѣпь у нихъ порвалась; одинъ говоритъ свяжемъ, а другой: э, такъ скажемъ». Этимъ, способомъ у насъ измѣряно и вычислено очень многое. Сокращеннымъ путемъ, кромѣ всѣхъ вообще купцовъ большею частію слѣдующихъ по собственной надобности, ѣздятъ многіе съ казенными подорожными. Мнѣ тоже совѣтовали, но я хотѣлъ видѣть Омскъ, и потому отправился по почтовому тракту.

Приближаясь къ Иртышу, видишь ясно, что степи близко. На ямщикахъ уже часто встрѣчаются халаты изъ полушелковой матеріи съ зигзагами, очевидно нерусской выдѣлки, кое-гдѣ попадается Киргизъ съ своею

типичною физіономіей. Лошади и рогатый скотъ видимо степные; овцы съ курдюками. Вотъ на горизонтѣ показалось что-то движущееся, непомѣрно высокое; что это? кажется, верблюдъ, да откуда ему взяться?

— Ямщикъ, что это виднѣется впереди?

— Гдѣ это? А, да верблюды. Орда, кыргызы значить. Они эту скотину держатъ.

— Твои лошади не боятся верблюдовъ?

— Чего имъ бояться? Онѣ не расейскія. Тѣ боятся, а наши ничего: споважены.

Наконецъ мы поровнялись съ верблюдами. Впереди на маленькой поджарой лошадкѣ ѣхалъ верхомъ Киргизъ (можетъ быть и Татаринъ). Отъ сѣдла была протянута волосяная веревка съ деревяннымъ гвоздемъ, продѣтымъ сквозь носовой хрящъ передняго верблюда; второй такимъ же образомъ былъ привязанъ къ первому, третій ко второму, и т. д. Всѣхъ верблюдовъ было пять. При встрѣчѣ каждый непремѣнно поварачиваетъ немного голову, внимательно смотритъ прямо въ лицо и провожаетъ своими свѣтлыми, кроткими глазами. Это, впрочемъ, были единственные верблюды, которыхъ я встрѣтилъ на всей дорогѣ. Хорошенько присмотрѣться къ этимъ, незамѣнимымъ въ степи, животнымъ, мнѣ случилось впослѣдствіи.

При переправѣ черезъ Иртышъ, подъ селомъ Красноярскимъ, у вольныхъ ямщиковъ существуетъ обычай, который можетъ сильно озадачить человѣка новаго. Вы подъѣзжаете къ берегу, лошадей отпрягаютъ, повозку ставятъ на паромъ. Словомъ, все какъ слѣдуетъ,

наконецъ отчалили. Да гдѣ же ямщикъ? гдѣ лошади? спрашиваетъ озабоченнымъ голосомъ проѣзжающій, видя передъ собою широкую рѣку съ крутымъ обрывистымъ берегомъ; до жилья отъ воды больше версты. Кто же меня повезетъ дальше? на чемъ я поѣду? Но не безпокойтесь, на противоположномъ берегу давно уже стоятъ соглядатаи. Они уже успѣли разсмотрѣть, что и кто привезъ, и потому знаютъ кому придется везти дальше. Никита возитъ къ Борису, Сидоръ къ Прохору, слѣдовательно, затрудненія быть не можетъ; и дѣйствительно, только что паромъ присталъ къ берегу, какъ уже явились двѣ тройки (вмѣстѣ со мною переправлялись купцы, ѣхавшіе въ Семипалатинскъ).

Мнѣ разсказали потомъ, что если переправа производится ночью, или во время разлива, когда съ одного берега на другомъ ничего не увидишь, тогда обязанность передать сѣдоковъ красноярскимъ дружкамъ возлагается на перевощиковъ, и все устроивается въ *лучшемъ видѣ.*

Переѣзжая такую значительную рѣку, какъ Иртышъ, весьма естественно спросить, гдѣ тутъ можно достать рыбы? Отвѣтъ былъ отрицательный. Жители Красноярскаго, не смотря на то, что живутъ надъ рѣкою, *рыбалкою* не занимаются, а когда у нихъ случится надобность въ рыбѣ, то покупаютъ.

— Развѣ въ Иртышѣ нельзя словить?

— Съ чего нельзя? да не занимаются; обыкновенія такого нѣтъ, а то лови сколько хочешь: здѣсь на счетъ этого слободно.

— Ну, а много рыбы въ Иртышѣ?

— Допрежь было—страсть, а теперь всю пароходы распужали; теперь самая малость.

— А въ Омскѣ можно достать?

— Въ Омско достанешь. Тамъ все есть: потому везутъ.

Взобравшись на гору, ямщикъ попросилъ у меня позволенія заѣхать домой, время было обѣденное.

— Мы, в. в., не долго; за то получше поѣдемъ; поѣвши, извѣстно, веселѣе. Два часа съ половиною—больше до города не провезу.

Я согласился. Отъ Красноярскаго до Омска 43 версты, и вольные ямщики всегда возятъ въ одну упряжку, т. е. безъ перемѣны.

Когда я и ямщикъ вошли въ избу, хозяева уже сидѣли за столомъ и хлебали щи; но да не подумаетъ читатель, что сибирскія щи тоже, что русскія. Между ними нѣтъ никакого сходства. Въ сибирскихъ щахъ, кромѣ воды, мяса, соли и толстой *) крупы, нѣтъ никакихъ примѣсей. Класть капусту, лукъ и вообще какую бы то ни было зелень, считается совершенно ненужнымъ. За щами послѣдовалъ студень, къ которому подали незнакомую нашему простонародью горчицу, разведенную квасомъ. Далѣе явился, не то чтобы вареный, и не то чтобы жареный, а скорѣе пареный поросе-

---

*) Толстою крупою называютъ ободраный ячмень. Обыкновенная же ячная существуетъ подъ именемъ просто крупы, безъ прибавленія какая. Пшено именуется просяною крупою.

нокъ, слегка просоленый и очень жирный. Четвертымъ блюдомъ былъ открытый пирогъ (растягай) съ просоленою щукой. Въ пирогѣ ѣли только начинку; края и сподку ѣсть не принято. Наконецъ, явилось что-то вродѣ оладьевъ съ творогомъ, жаренныхъ въ коровьемъ маслѣ. Каши не было. Сибиряки до нея не охотники, а гречневой крупы даже не любятъ. Хлѣбъ исключительно пшеничный, но очень кислый, и печеный изъ жидкаго тѣста. Это былъ ежедневный обѣдъ исправнаго крестьянина. Квасъ, и даже очень хорошій, въ Сибири можно найти въ каждомъ порядочно-построенномъ домѣ. Гдѣ пекутъ хлѣбъ изъ ржаной муки, тамъ ее всегда сѣютъ на сито. Употреблять рѣшето считается предосудительнымъ.

— Мы, слава Богу, не свиньи! говорятъ сибиряки.

— Какъ же таки мякину *исть* (ѣсть) *), сохрани Господи! говорятъ сибирячки.

За рѣшетный хлѣбъ много достается новоселамъ, имѣющимъ къ нему сильное пристрастіе.

— Знаешь, твое высокое благородіе, говорилъ мнѣ разъ подгулявшій старикъ (это было въ Томской губерніи): наша сибирская собака не станетъ исть вашего расейскаго хлѣба—вѣрно, потому пробовали **).

---

*) Въ словѣ *ѣсть* звукъ *ѣ* произносится сибиряками почти на *и*. Единственный случай новогородскаго превращенія буквъ, замѣченный мною.

**) Этимъ словамъ я вполнѣ вѣрю, основываясь на собственномъ наблюденіи. Проѣзжая зимою, въ 1847 году чрезъ шляхетскую околицу (слободу) Дудичи Игуменскаго уѣзда Минской губерніи, я

— Гдѣ же ты взялъ расейскаго хлѣба?

— Гдѣ взялъ? Нечто у насъ вашихъ, новоселовъ, то есть, мало?

Вмѣстѣ съ большимъ семействомъ хозяина, за столомъ сидѣло человѣкъ пять, видимо не сибиряковъ. Покрой платья и лица обличали что-то малороссійское.

— А что, братцы, вы вѣрно не здѣшніе? спросилъ я.

— Нѣтъ, это наши сосѣди, отвѣчалъ хозяинъ.

— Мы воронежскіе, Коротоякскаго уѣзда, сказали двое; а вотъ они бирючинскіе; есть и богучарскіе; нашихъ тутъ много.

— Давно переселились?

— Годовъ десять, а можетъ и больше. Наши тутъ живутъ и по Иртышу, и по Оми, за Омскомъ.

— Ну что же, каково здѣсь?

— Благодаримъ Бога, жить можно.

Послѣ я узналъ, что воронежцы, занявши земли, бывшія до того пустыми, отлично устроились, а иные даже такъ разбогатѣли, что далеко перегнали сибиря-

---

взялъ съ собою хлѣбъ, печеный, по мѣстному обыкновенію, изъ невѣйки, т. е. невѣянной ржи, и привезъ его въ Елецкій уѣздъ Орловской губерніи. Моимъ словамъ, что этотъ хлѣбъ ѣдятъ люди, въ добавокъ вольные и, кромѣ того, не бѣдные, никто не хотѣлъ вѣрить. Потомъ куски игуменскаго хлѣба роздали крестьянскимъ собакамъ, которыя только понюхали, а ѣсть не стали. За дѣйствительность этого факта ручаюсь. Сдѣлать повѣрку легко: хлѣба съ мякиною можно достать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Псковской губерніи во всякое время. (*Примѣчаніе для петербургскихъ читателей*)

ковъ. Я слышалъ, что между ними теперь уже есть хозяева, имѣющіе тысячи по двѣ овецъ. Хлѣба они сѣютъ много; у нихъ явились и просо, и гречиха, которыхъ у сибиряковъ не было, или было очень мало.

Быстрому развитію благосостоянія трудолюбивыхъ воронежцевъ сильно способствовала близость Омска, гдѣ всегда есть возможность сбывать за порядочныя деньги всякую всячину.

— Вотъ этотъ старинькой, въ бѣломъ азямѣ, что сидѣлъ возлѣ тятьки, запримѣтили небось, говорилъ мнѣ ямщикъ дорогою, какой богачъ—бѣда: овцы болѣ тысячи, хлѣба сколько; а живетъ—просто страсти, самовара нѣтъ! Ей Богу! Мы съ тятькой какъ-то были у нихъ на *храмъ* (храмовомъ праздникѣ) — отъ людей бралъ. Ну, мы попили и онъ самъ пилъ, а семья не понюхала. А вотъ и Омско видать.

Вдали дѣйствительно виднѣлись три колокольни и какое-то большое бѣлое зданіе.

— Это что бѣлѣется въ городѣ? спросилъ я.

— Острогъ; новый, только *лонись* (въ прошломъ году) отдѣлали.

— В. в. въ городѣ куда пристанете? Въ Кузнецовскую гостинницу? Тамъ всѣ большіе господа останавливаются.

— Нѣтъ, я изъ маленькихъ, вези на постоялый дворъ.

— Можно. Я вашу честь свезу къ коновалихѣ. Она, тоже, какъ и мы, лошадей держитъ, ямщичитъ то есть. Люди отмѣнные.

— Хорошо, вези къ коновалихѣ.

ОТЪ ОМСКА ДО ТОМСКА.

I.

Омскъ издали гораздо лучше, чѣмъ вблизи, что происходитъ отъ того, что не доѣзжая до города видишь цѣлую группу прекрасныхъ каменныхъ зданій, которыя на самомъ дѣлѣ разбросаны въ довольно порядочномъ одно отъ другаго разстояніи. Не видные издалека деревянные дома и домики, между которыми много еле живыхъ и сильно пострадавшихъ отъ времени, разрушаютъ при проѣздѣ впечатлѣніе, составленное версты за четыре.

— Гдѣ ѣхать? черезъ крѣпость, али мимо Мокраго?

— Гдѣ ближе.

— Оно все одно, а какъ вы прикажете?

— Ступай, куда хочешь.

Мы поѣхали черезъ крѣпость. При въѣздѣ въ Тарскія ворота съ надписью 1792 года, на лѣво въ углу виднѣлся высокій частоколъ, какимъ обносятся остроги прежней постройки.

— Ямщикъ, что это?

— Гдѣ это? въ углу что-ль, ристанская рота. Ристанты содержатся, каторжные значитъ.

Почему-то мнѣ вспомнились «Записки изъ Мертваго Дома».

Немного дальше я увидалъ арестантовъ, занятыхъ какою-то поправочною работою. Одни изъ нихъ, съ обритою половиною головы отъ маковки къ уху, въ кандалахъ —это испытуемые, другіе съ выбритыми лбами, какъ прежде брили рекрутъ, безъ кандаловъ—это исправляющіеся—два разряда, на которые дѣлятся всѣ содержащіеся въ арестантскихъ ротахъ.

Проѣздъ по крѣпости не длиненъ: какихъ-нибудь шаговъ 500, не болѣе, отъ Тарскихъ воротъ, и уже другія ворота Омскія. При выѣздѣ изъ крѣпости, заомская часть города, въ которой сосредоточены лучшія зданія, кажется очень красивою. Два парохода съ баржами, стоявшіе у самаго впаденія Оми въ Иртышъ, довершали картину, на которой темнымъ пятномъ ложились толпы арестантовъ, поправляющихъ дорогу черезъ Омь. За Иртышемъ виднѣлись юрты киргизовъ, прикочевывающихъ каждое лѣто въ сосѣдство города.

За мостомъ мнѣ сейчасъ же пришлось убѣдиться въ томъ, что или я дурно учился географіи, или дурно меня ей учили. Къ этому печальному сознанію привели меня воза дынь и арбузовъ, которыми былъ установленъ берегъ.

Я твердо помнилъ, что Омскъ находится подъ 55° сѣверной широты, гдѣ «сіи аристократы огуречнаго міра», какъ выражался одинъ мой знакомый, учитель ботаники, «и произростать не могутъ».

Пятьдесятъ-пятый градусъ, да это широта Москвы, куда, положимъ, дыни и арбузы являются тоже возами, только тамъ они кусаются, а въ Омскѣ 10 копеекъ

штука — на взрѣзъ и выборъ, гуртомъ много дешевле.

Педагогическая истина оказывается почти правою! дыни и арбузы около Омска родятся плохо, но ихъ привозятъ на судахъ и на телѣгахъ съ *верху*, съ *линіи*, т. е. изъ казачьихъ станицъ, которыя тянутся по правому берегу Иртыша до Семипалатинска.

Сибирскіе арбузы превосходны, только не крупны, въ родѣ перекопскихъ. Дыни похуже, но тоже попадаются отличныя. Это я говорю по личному убѣжденію и собственному опыту, ссылаясь, впрочемъ, на всѣхъ, кому случалось бывать въ Омскѣ въ концѣ августа или въ началѣ сентября. Цѣны, показавшіяся мнѣ чрезвычайно дешевыми, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, изъ рукъ вонъ высоки. Вообще Омскъ для жизни крайне дешевый городъ, хотя здѣсь, точно также какъ и вездѣ, раздаются жалобы на страшное возвышеніе цѣнъ на все, разумѣется сравнительно съ недавноминувшимъ прошлымъ.

Омскъ вполнѣ можетъ называться городомъ служебнымъ. Девять-десятыхъ, если не больше всего народонаселенія, разумѣется мужескаго пола, или служитъ, или служило, или будетъ служить. Глаголы—*жить* и *служить* въ Омскѣ давно уже сдѣлались для многихъ синонимами.

Прекрасный полъ тоже содѣйствуетъ, по возможности, облегчая службу супруговъ, братцевъ и папенекъ своими домашними заботами, чѣмъ, конечно, не мало способствуетъ къ безпорочному прохожденію оной. Че-

му доказательствомъ могутъ служить многочисленные, убѣленные сѣдинами старцы, украшенные знаками съ краткими, но многозначительными надписями: за 25 и 35 лѣтъ. Такого количества отставныхъ чиновниковъ съ крестами, мундирами и пенсіонами, я, изъѣздивъ всю Россію, не видалъ ни въ одномъ городѣ. Омскіе дома не снабжены табличками, обозначающими хозяевъ, но я, принимая на себя отвѣтственность, объявляю, судя по многимъ даннымъ, что способность пріобрѣтать дома у омскихъ жительницъ несравненно сильнѣе, чѣмъ у жителей. Справка въ книгахъ квартирной коммиссіи, надѣюсь, подтвердитъ мое предположеніе.

Дешевизна первыхъ потребностей въ Омскѣ повлекла за собою, какъ необходимое слѣдствіе, развитіе семейной жизни. Куда ни оглянись—все женатые. Холостяковъ чрезвычайно мало, да и тѣ скоро женятся; по крайней мѣрѣ свахи, или правильнѣе, особы обоего пола, устраивающія семейное счастіе, не теряютъ надежды обрезонить ихъ по возможности. О каждомъ, вновь прибывшемъ на службу, забираются немедленно точныя справки, и если онъ оказывается безбрачнымъ, то въ этомъ состояніи ему оставаться не долго: женятъ какъ разъ, да еще пожалуй такъ, что иной не успѣетъ опомниться. Молодые люди гибнутъ, какъ мухи. Всѣ эти особенности я слышалъ, и передаю, какъ слышанное.

Въ Омскѣ находятся: штабъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, съ управленіями артиллерійскимъ, инженернымъ, провіантскимъ и комендантскимъ, войсковое правленіе Сибирскаго казачьяго войска, 8-го округа кор-

пуса жандармовъ, кадетскій корпусъ, военное училище, два линейныхъ баталіона, дивизіонъ конной артиллеріи и военный госпиталь. Чрезъ это въ служебномъ народонаселеніи города, военный элементъ преобладаетъ. Гражданскихъ чиновниковъ тоже много, потому что кромѣ общихъ всѣмъ окружнымъ сибирскимъ городамъ присутственныхъ мѣстъ, въ Омскѣ помѣщено главное управленіе Западной Сибири и областное сибирскихъ Киргизовъ.

Городъ Омскъ состоитъ изъ крѣпости, построенной при устьѣ Оми, и форштатовъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ этой рѣки. Черезъ Омь въ городѣ два постоянныхъ моста на сваяхъ.

Омская крѣпость давнымъ давно уже утратила всякое стратегическое значеніе: ближайшая граница находится почти въ 1,000 верстахъ.

Въ ряду укрѣпленій, тянувшихся по Иртышу до Бухтармы, всѣ находившіяся между Омскимъ и Семипалатинскимъ, со включеніемъ послѣдняго, давно упразднены за ненадобностью. Впрочемъ, та же участь, кажется, предстоитъ и первому.

Одинъ изъ омскихъ форштатовъ совершенно основательно называется Мокрымъ: на площади красуется великолѣпнѣйшая лужа, такая лужа, что случись снимать Омскъ какому нибудь иностранному топографу, это водное пространство непремѣнно было бы означено если не озеромъ, то по крайней мѣрѣ болотомъ. Около лужи въ страшнейшей, невылазной грязи размѣщены лавочки, и вся площадь служитъ мѣстомъ для базара.

Всего удивительнѣе, что рядомъ съ этою площадью находится, ни кѣмъ и ни чѣмъ не занятая, другая, совершенно сухая и вполнѣ удобная. Мостовыхъ въ Омскѣ нѣтъ (куски улицъ и дорогу отъ крѣпости къ мосту, усыпанную кирпичнымъ мусоромъ и кое-какимъ щебнемъ, нельзя назвать мощеными), хотя могли бы быть: довольно хорошій камень въ городѣ продается не дороже 10 рублей за кубическую сажень. Узнать о стоимости камня, и вообще строительныхъ матеріаловъ, для меня было очень удобно: какъ разъ напротивъ квартиры, строили новую католическую церковь—доказательство, какимъ гоненіямъ подвержено у насъ римское исповѣданіе.

Каменьщики всѣ до одного орловскіе, только не ссыльные, а изъ новоселовъ. По ихъ словамъ, они взялись за прежнее ремесло по причинѣ страшнаго неурожая, испытаннаго въ 1861 году во многихъ мѣстахъ Западной Сибири.

Къ числу особенностей, рѣдко встрѣчающихся въ провинціальныхъ городахъ, не исключая и большихъ губернскихъ, принадлежитъ въ Омскѣ прекрасный оркестръ. Музыканты всѣ до одного сибирскіе казаки. Оркестръ этотъ существуетъ уже давно, и обязанъ своими достоинствами извѣстному композитору Алябьеву. Отправленный въ Сибирь еще въ двадцатыхъ годахъ, Алябьевъ прожилъ довольно долго въ Тобольскѣ, гдѣ до 1838 года помѣщался штабъ отдѣльнаго сибирскаго корпуса. Занимаясь музыкою съ казаками, отличный учитель произвелъ отличныхъ учениковъ. Давно уже нѣтъ

здѣсь Алябьева, но посѣянное имъ упало на хорошую почву, и вѣроятно сохранится на долго.

Я прожилъ въ Омскѣ четверо сутокъ. Хозяева, изъявившіе желаніе доставить меня съ полнымъ удовольствіемъ, ко времени моего отъѣзда, не могли исполнить своего обѣщанія. Обѣ хозяйскія тройки повезли сѣдоковъ и еще не возвращались, и потому пришлось пустить въ дѣло свою подорожную по казенной надобности. Лошадей я получилъ сейчасъ же. Затрудненія для проѣзжающихъ въ Омскѣ бываютъ только при встрѣчѣ разомъ двухъ почтъ, московской и сибирской, а это случается не рѣдко, въ особенности во время дурной дороги. По положенію, черезъ Омскъ московская почта должна проходить ежедневно, а иркутская четыре раза въ недѣлю; но за распутицею и переправами, имъ же нѣсть числа, бываетъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней нѣтъ ни оттуда, ни отсюда; а какъ хватитъ разомъ, троекъ по десяти съ тракта, то только приходится изумляться, какъ при самомъ ограниченномъ числѣ почталіоновъ и чиновниковъ, контора можетъ управиться, а управляется—и ничего: все обстоитъ благополучно. При этомъ вспомнивъ, что въ Томскъ и восточную Сибирь слѣдуютъ милліоны, да столько же оттуда, невольно подумаешь:

Великъ Богъ русской земли!!...

Не разъ это восклицаніе приходило мнѣ въ голову при встрѣчѣ съ почтами, въ особенности по восточной Сибири. Ну, да объ этомъ послѣ.

За Омскомъ тоже, что и передъ Омскомъ, березы, озера и равнины, озера и березы, и это тянется на нѣсколько сотъ верстъ безъ перемежки. Для разнообразія встрѣчаются переправы черезъ рѣки, и вотъ одна изъ нихъ на первой станціи отъ Омска.

— Ямщикъ, какая это рѣка?

— Извѣстно какая, все таже самая.

Это значило Омь, которую надобно подъ селомъ Сыропятскимъ переѣзжать во второй разъ (въ первый разъ въ Омскѣ).

У перевоза столпились Чумаки; это были воронежцы изъ чистыхъ малороссовъ, поселенные по Оми и сохранившіе все свое родимое. Хохлы и волы третируются сибиряками свысока. Глупое ругательство *мазепъ*, даже еще *чортовъ*, извѣстно всюду.

У самой пристани пристроилась одиночка; лошадка крошечная, повозка на мѣстный ладъ, только съ измѣненіями; на ней сидѣла женщина, повязанная не по-русски, бѣлымъ полотнянымъ платкомъ. Лошадь за поводья держалъ крестьянинъ съ длинными свѣтлорусыми волосами.

— Куда ты лѣзешь, чухна проклятая? пропасти на васъ нѣтъ! Видишь, чиновникъ ѣдетъ! Закричалъ ямщикъ на крестьянина, хотѣвшаго въѣхать на паромъ.

Оппозиція ямщика оказалась неудачною, и не смотря на то, что магическое слово *чиновникъ*, произвело подобающій страхъ, повозка была поставлена.

Крестьянинъ, въ дѣйствительности, оказался чухон-

цемъ, или, какъ онъ самъ назвалъ себя, *ведомъ* изъ *Виборкъ*.

Эти «веды изъ Виборкъ», вмѣстѣ съ чухною, майнистами, латышами и прочимъ людомъ, населяющимъ прибалтійскія губерніи, собраны бывшимъ генералъ-губернаторомъ Гасфордомъ со всей западной Сибири, и поселены на Оми особою деревнею. Для нихъ построена лютеранская кирка и опредѣленъ пасторъ. До этого истинно-христіанскаго распоряженія, лютеранамъ поселенцамъ, попавшимъ въ Сибирь, приходилось или отказаться отъ слушанія слова Божія, или посѣщать другія церкви. При этомъ нужно замѣтить также, что генераломъ Гасфордомъ построено много православныхъ церквей тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, какъ, напримѣръ, въ Киргизской степи.

Со второй отъ Омска станціи Юрьевой, почтовая дорога недавно переложена, чѣмъ сокращено около 25 верстъ, и три станціи замѣнены одною. Проѣзжающіе, конечно, довольны, но ямщики сильно ропщутъ.

— Вишь чего понадѣлали! Тридцать пять верстъ (разстояніе отъ Юрьевой до новооткрытой станціи Кобырлинской), легко ли дѣло! говорилъ мнѣ юрьевскій ямщикъ. Допрежъ всего было восемьнадцать. Опять и куликовскихъ, и таволжанскихъ, и локтинскихъ (названія закрытыхъ станцій) всѣхъ порѣшили.

— За то ближе...

— Важное дѣло ближе, а кобырлинскимъ, ни въ жисть, ямщиками не бывать; какъ были мужичье, такъ и останутся.

Вообще, сколько я могъ замѣтить, достаточные крестьяне во всей Россіи, не исключая и Сибири, страшные консерваторы и ненавидятъ отъ души все новое. Да оно и понятно: «отъ добра, добра не ищутъ» и «своя рубашка къ тѣлу ближе», говорятъ пословицы, на которыхъ держится чуть ли не весь свѣтъ (въ особенности на послѣдней).

Къ первой станціи Томской купеческая дорога, отдѣлившаяся отъ Тюкалы, соединяется съ почтовою, на которую тутъ же выходитъ и этапная, уклонившаяся отъ Тюмени на Тобольскъ. Заходя въ Тобольскъ, партіи дѣлаютъ верстъ 250 крюку, что, конечно, составляетъ вздоръ въ сравненіи съ трехтысячнымъ разстояніемъ до Иркутска.

Первая партія, которую я обогналъ, была женская: бабы, по обыкновенію, бранились, а конвойные самымъ дружелюбнымъ образомъ посмѣивались. Впрочемъ, въ партіи было нѣсколько и мужчинъ. Мнѣ сказывали, что вообще мужья гораздо рѣже слѣдуютъ въ Сибирь за жонами, чѣмъ жоны за мужьями. За партіею тянулось нѣсколько подводъ, между которыми были и собственныя арестантскія, и земскія, и солдатскія. Многіе изъ этапныхъ солдатъ по Сибири держатъ своихъ лошадей, которыхъ нанимаютъ арестантамъ. Въ этомъ наймѣ не было бы ничего предосудительнаго, если бы не встрѣчались случаи, когда онъ дѣлается принудительнымъ, т. е. когда не допускаютъ мѣстныхъ жителей наниматься, или не позволяютъ арестантамъ нанимать другія подводы, кромѣ принадлежащихъ нижнимъ чинамъ.

Послѣ женской партіи попались на дорогѣ кандальная и двѣ поселенскихъ. Поселенскія партіи, также какъ и женская, шли *на слободѣ,* т. е. безъ всякихъ цѣпей; у кандальныхъ же кандалы оставлены только на одной ногѣ и прикрѣплены къ поясу. Такъ, говорятъ, идти несравненно способнѣе. Подобное облегченіе запрещено, но допускается; за это арестанты даютъ слово идти спокойно, и въ большей части случаевъ исполняютъ свое обѣщаніе. Члены кандальныхъ партій держатъ себя гораздо солиднѣе, чѣмъ поселенскіе, и конвойные передъ этимъ народомъ находятся въ нѣкоторомъ респектѣ. Не даромъ на этапахъ существуетъ поговорка: пойдешь съ кандальными—наплачешься, пойдешь съ поселянами—насмѣешься; пойдешь съ бабами... но тутъ употребляется выраженіе, не пользующееся правомъ гражданства даже въ Америкѣ.

Первыя села Каинскаго округа, Томской губерніи, обстроены почти также, какъ тюменскія, и ужъ гораздо лучше ишимскихъ и омскихъ. За то казенный станціонный домъ въ Камышевой, первой станціи Томской губерніи, такой, какого я отъ роду не видывалъ: въ немъ нѣтъ ни одного окна на улицу. Любопытно бы было знать фамилію автора этого архитектурнаго произведенія. Встрѣтившійся со мною на одной станціи почталіонъ увѣрялъ, что я встрѣчу другой такой же въ Итатѣ, за Маріинскомъ.

— Скажи, пожалуйста, любезный хозяинъ, гдѣ у васъ тутъ Барабинская степь? спрашивалъ я въ боль-

шомъ селѣ Вознесенскомъ у богатаго старика крестьянина, къ которому заѣхалъ пообѣдать.

— Какая такая Барабинская степь? нѣтъ такой во всей Сибири. Я Сибирь, стало быть, наскрозь произошолъ, отъ самой Тяхты вплоть ажно до Тюмени!..

— Да какъ же мнѣ сказывали?

— Дураки сказывали, вѣрно. Никакой Барабинской степи нѣтъ и не было.

— Да я читалъ въ книжкахъ.

— Пустое въ книжкахъ. А есть тебѣ Бараба, понялъ, Бараба, а не степь. Тамъ лѣсу куда больше супроти здѣшнева. Ну такъ знай, проѣдешь ты Каинско, тамъ она и пошла до самой Колывани; то есть маненько не хватило до Колывани, а до самой Тырышкиной, деревня такая есть, бергалы живутъ. Тамъ и конецъ этой самой Барабѣ.

— А что за народъ бергалы?

— Пріѣдешь, такъ увидишь. Это имъ такое званіе, а они настоящіе россейскіе люди: старожилы тутошніе. Барабинская степь! грѣхи.

Но я твердо стоялъ на своемъ, основываясь на авторитетѣ «Учебной географической карты всей россійской имперіи, составленной по новѣйшимъ географическимъ и историческимъ свѣдѣніямъ, исправленной въ 1851 году и изданной съ дозволенія военно-топографическаго депо.» А въ этой картѣ есть не только «Барабинская степь,» но даже народъ «Барабинцы.»

Потерпѣвъ рѣшительное пораженіе по поводу степи,

о Барабинцахъ я уже побоялся спрашивать—и хорошо сдѣлалъ: Барабинцы существуютъ въ однихъ учебникахъ.

— А сколько тебѣ за обѣдъ?

— Да сколько положишь. Ну, да давай полтину.

— Какъ это, серебромъ?

— Жирно будетъ... мѣдью, ассигнаціями, то есть. Да ты куда ѣдешь?

— Въ Иркутскъ.

— Ну такъ ничего не нужно... дорога дальняя. А ты мнѣ табачку дай на трубочку, я до вашего, до господскаго, куда охотникъ, а простаго не могу — душа не принимаетъ.

Ямщикъ, бывшій свидѣтелемъ моей бесѣды со старикомъ, поспѣшилъ мнѣ объяснить дорогою, что дядя Василій только говорку имѣетъ грубую, а человѣкъ—душа. На сходкѣ или въ обчествѣ никому не дастъ куражиться не по настоящему. Съ самимъ исправникомъ разговариваетъ. Спѣшу оговориться: въ Сибири управленія министерства государственныхъ имуществъ не существуетъ, и потому значеніе исправника въ глазахъ казеннаго крестьянина такое же, если не больше, какое было во всей Россіи до 1838 года. Опять около дороги стали попадаться курганы, и опять я услыхалъ о чудакахъ, то есть слово въ слово уже слышанное въ Ишимскомъ округѣ.

Но вотъ и Каинскъ, о которомъ я читалъ уже, что онъ переполненъ евреями. Это правда, но сибирскіе

евреи, какъ мѣстные уроженцы, такъ и сосланные *) не имѣютъ ни суетливости, ни назойливости своихъ польскихъ и литовскихъ земляковъ. Евреи, попадая въ Сибирь, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, вообще устроиваются не дурно. Такіе страшные бѣдняки, какихъ между ними можно видѣть въ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній и Царства Польскаго, въ Сибири не мыслимы.

Въ воспоминаніяхъ каинскихъ евреевъ живо до сихъ поръ, и вѣрно проживетъ очень долго, распоряженіе, бывшее около 40 лѣтъ тому назадъ, когда изъ Сибири значительное число сыновъ и дщерей Израиля изъ города Каинска переселили въ Россію. Казнѣ эта операція стоила не дешево, не дешево обошлось и тѣмъ, которыхъ переселили, а во что обошлось оставшимся:

Хранитъ упорное молчанье
Неподкупной уѣздный судъ,

какъ сказано въ одной ненапечатанной поэмѣ.

Посреди города совершенно неожиданно пришлось переправляться.

— Какая это рѣка?

— Омь.

— Тьфу ты пропасть! въ который это разъ? Оказалось, что въ третій и послѣдній. Ну, и слава Богу.

Каинскъ городокъ не важный, и ничего не имѣетъ въ себѣ замѣчательнаго.

---

*) Можно держать пари сто противъ одного, что на вопросъ, предложенный еврею: за что онъ сосланъ? послѣдуетъ отвѣтъ: «за контрабанду.» Статейные списки говорятъ тоже почти на половину, если не больше.

Впослѣдствіи я слышалъ, какой прибыльный торгъ ведутъ сибирскіе евреи невѣстами. Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ: на 10 мужчинъ, сосланныхъ въ Сибирь, идетъ какъ извѣстно, туда же не болѣе одной женщины. Между евреями эта пропорція еще меньше. По ихъ закону каждый обязанъ жениться, а на комъ? Число дѣвочекъ, родившихся въ Сибири, далеко не удовлетворяетъ насущной потребности, и вотъ какіе нибудь Хаимъ, Мордохъ и Шлема, пользующіеся полными правами гражданства, составляютъ компанію, и ѣдутъ, большею частію, въ Бѣлоруссію. У бѣдныхъ своихъ единовѣрцевъ (а тамъ бѣдняковъ пропасть) берутъ дѣвочекъ подростковъ и везутъ ихъ въ Сибирь, гдѣ выдаютъ всѣхъ безъ исключенія замужъ, получая съ жениховъ за всѣ дорожные расходы, съ надлежащимъ процентомъ за коммиссію. Цѣны опредѣляются сколько по достоинству невѣстъ, а еще болѣе по достатку жениховъ. Бѣднякъ можетъ получить даже даромъ, или за самую умѣренную плату. Многіе находятъ торговлю невѣстами дѣломъ въ высшей степени безнравственнымъ, и удивляются, почему до сихъ поръ не принимаютъ самыхъ строгихъ мѣръ для его прекращенія, но дѣло говоритъ само за себя, и потому на эти жалобы положительно не стоитъ обращать вниманія.

При въѣздѣ въ Барабу, я видѣлъ сонъ. Представилось мнѣ, что я пріѣзжаю на станцію и вижу смотрителя въ мундирѣ и попыхахъ: онъ получилъ совершенно неожиданно извѣстіе, что два господина, сами по себѣ и не крупные, но женатые на дочеряхъ одного

изъ губернскихъ почтовыхъ Дуппель-шнеповъ (по выраженію надворнаго совѣтника Щедрина), изволятъ проѣзжать по тракту. Къ довершенію смотрительскаго ужаса, одинъ изъ этихъ джентльменовъ былъ сынъ какого-то почтоваго лица, одна фамилія котораго могла растревожить не только смотрителя, а подымай и выше. Кое-какъ мнѣ запрягли лошадей, и я отправился. Далѣе мнѣ пригрезилось, что я встрѣчаю два огромныхъ тарантаса, запряженныхъ пятью лошадьми въ рядъ (въ Сибири съ уносомъ подъ гужи не запрягаютъ), которыя неслись съ страшною быстротою, не смотря на чрезвычайно грязную и тяжелую дорогу.

— Пошелъ! Кричала молодая женщина, сидѣвшая въ переднемъ тарантасѣ.

Снилось мнѣ потомъ, что ямщики жаловались на полученіе прогоновъ, вмѣсто пятерика, всего на тройку, а еще больше на ѣзду.

— Самъ еще ничего, а ужъ она и чортъ ее не знаетъ! этакихъ мы и не видывали! Однимъ словомъ, я увидѣлъ во снѣ происшествіе совершенно невозможное въ дѣйствительности.

Опредѣленіе дяди Василія по моему не совсѣмъ точно. Бараба начинается не сейчасъ за Каинскомъ, а отъѣхавъ верстъ тридцать. До самыхъ Осиновыхъ Колковъ, первой станціи отъ города, мѣстность такая же, какъ и передъ городомъ, т. е. ровная, даже съ легкими тянигузами, но дальше начинается, дѣйствительно, что-то особое, не даромъ получившее собственное имя: низменная равнина съ кочками, озерами, зарос-

шая березникомъ, тянется отъ самаго Тугылыма, но мѣстами пересѣкается, то рѣчкою въ крутыхъ берегахъ, то возвышенною площадкою; на Барабѣ этого не встрѣтишь.

270 верстъ продолжается земляная насыпь, составляющая дорогу по Барабѣ. Направо и налѣво рѣдкій лѣсъ или кустарникъ, выросшій на болотистой почвѣ и все береза, осина и тальникъ кое-гдѣ. Грунтъ черноземъ, образовавшійся отъ растительнаго перегноя. Хлѣбъ родится отлично, но не всякій годъ. Онъ то вызябнетъ, то вымокнетъ, то его хватитъ спозаранку инеемъ, то погніетъ въ снопахъ, и поговорка «по усамъ текло, да въ ротъ не попало», получаетъ практическое примѣненіе.

Скотоводство по Барабѣ затруднено весною избыткомъ воды на пастбищахъ, а лѣтомъ *паутомъ* и всякаго рода *гнусомъ* *). Въ іюнѣ и іюлѣ паутъ свирѣпствуетъ днемъ и въ ясную погоду; комары и мошки не унимаются и ночью. Къ августу является для несчастныхъ животныхъ новый мучитель: *строка*, что-то въ родѣ осы, имѣющая привычку кусать въ губы и въ ноздри.

Лучшее время для скота—осень, если она сухая и снѣгъ выпадетъ поздно, что, къ сожалѣнію, не всегда случается. Считаю нужнымъ прибавить, что Барабу посѣщаетъ сибирская язва и чума рогатаго скота.

---

*) *Паутомъ* въ Сибири называютъ оводовъ (слѣпней), которыхъ встрѣчается одновременно нѣсколько видовъ. *Гнусъ*—всякое насѣкомое.

Возвращаясь изъ Иркутска, я ѣхалъ по Барабѣ въ первыхъ числахъ іюня (между 10 и 15 числами), и видѣлъ какъ коровы и лошади, собравшись кучами около костровъ, становятся подъ вѣтеръ, для того, чтобы задыхаясь въ дыму, сколько нибудь избавиться отъ насѣкомыхъ; тутъ уже, конечно, не до ѣды, а корма удивительные.

Вправо отъ дороги, т. е. къ югу, Бараба тянется не далеко, верстъ на сто, не больше, и есть деревни; за то влѣво, «Богъ ее знаетъ докудова», говорятъ мѣстные жители, «мы тамъ не бывали, да туда и ходу нѣтъ.»

Огромное пространство отъ дороги къ сѣверу до Нарыма, совершенно необитаемо. По Барабѣ ходятъ слухи, что гдѣ-то за Убинскимъ озеромъ, живутъ дворами и даже деревнями какіе-то *богомолы*, не признающіе надъ собою никакой власти, и потому неотбывающіе никакихъ повинностей. «Кто говоритъ, что изъ бродягъ они, а кто толкуетъ, что по своей волѣ, издавна зашли — не разберешь.» Вотъ все, что я могъ узнать объ этихъ загадочныхъ богомолахъ. Считаю необходимымъ прибавить, что слухи о неизвѣстныхъ никому деревняхъ и независимыхъ ихъ обитателяхъ существуютъ во многихъ мѣстахъ Сибири. Справедливость этихъ слуховъ неоднократно подтверждалась оффиціальными дознаніями.

Деревни по Барабѣ неважныя; особенно большихъ и хорошихъ крестьянскихъ домовъ нѣтъ, но довольно порядочные встрѣчаются.

У села Убинскаго, построеннаго на берегу озера того же названія, растетъ по кочкарнику низкорослая корявая сосна, придающая особенно унылый видъ и безъ того печальной мѣстности.

II.

На 33-хъ-верстномъ перегонѣ отъ Осиновыхъ колковъ до Убинскаго, я объѣхалъ арестантскую партію. Дождь лилъ какъ изъ ведра, грязь по колѣно, вѣтеръ и холодъ. Люди промокли до нитки, и впереди перспектива просидѣть полтора дня въ этапномъ острогѣ въ тѣсномъ помѣщеніи. Перемѣниться — нечѣмъ, обсушиться—негдѣ. При видѣ этихъ промокшихъ до костей и продрогшихъ до скрежета зубовъ существъ, созданныхъ по образу Божію и по подобію, невольно забудешь, что они преступники, а назовешь ихъ такъ, какъ называетъ русскій народъ: несчастными. Партія была кандальная и довольно большая, человѣкъ 200; повозка моя двигалась шагомъ; арестанты шли справа и слѣва. Въѣхавъ въ средину, я поздоровался по-военному; мнѣ отвѣчали по-солдатски, что и не мудрено: половина, или около того, въ партіи побывали въ службѣ.

— Что, братцы, не хорошо теперь идти?

— Ничего, в. в. Никто какъ Богъ. На все Его святая воля...

Маленькая милостыня, поданная старостѣ, вызвала самую громкую благодарность.

До станціи оставалось версты три; дождь сталъ прекращаться и выглянуло солнышко. Все это быстро развеселило народъ, посыпались шутки и прибаутки. Человѣкъ двадцать,если не больше, разжились отъ меня огнемъ, и вся партія закурила трубки. Разговорившись съ арестантами, я узналъ, что между ними *свѣжихъ*, т. е. идущихъ въ первый разъ на каторгу, всего человѣкъ 70, остальные — кто во второй, кто въ третій и больше. Староста, видный молодецъ лѣтъ подъ сорокъ, шолъ по пятому. Я спросилъ, кто знаетъ Семена Склярова; оказалась цѣлая куча. Сообщивъ, гдѣ и какъ я съ нимъ познакомился, я долженъ былъ отвѣчать: «ничего не знаю» — на вопросъ о манифестѣ по случаю памятника. Пошли споры.

— Ничего не будетъ.—Нѣтъ, будетъ. Нѣтъ, не будетъ.—Толкуй, безпремѣнно будетъ.—Говорятъ, не будетъ.

— Ну, а вамъ что́? Мы судимся что ли? Рѣшены, стало быть шабашъ! отозвался старый бродяга.

При въѣздѣ въ деревню, ямщикъ пріударилъ по лошадямъ и подъѣхалъ къ станціи, построенной рядомъ съ этапомъ почти на выѣздѣ.

Возлѣ острожныхъ воротъ, въ ожиданіи партіи, всегда приходящей въ опредѣленный день недѣли, стояла цѣлая вереница бабъ съ готовымъ кушаньемъ, чрезвычайно разнообразнымъ: хлѣбъ, калачи, мясо, рыба (преимущественно сушеные караси), молоко, яйца, похлебка (назвать щами эту штуку я не рѣшаюсь), каша; ну, да всего не пересчитаешь. Цѣны, какъ мнѣ показалось,

довольно дешевыя, какъ разъ по арестантскому карману (кормовыхъ денегъ по Томской губерніи 6 к. сер. въ сутки). Для имѣющихъ деньги были кушанья по-лучше и по-дороже, какъ-то *верещега* (яичница съ запеченнымъ хлѣбомъ) и *творожники* (аладьи съ творогомъ).

Когда партія поровнялась съ бабами, посыпались остроты и шутки, большею частію непечатнаго свойства. Бабы хохотали и отшучивались, тоже не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Молодой арестантъ, съ клеймами на лицѣ, подойдя къ крыльцу почтовой станціи, просилъ меня, когда я догоню слѣдующую впереди другую кандальную партію, передать отъ него поклонъ Ивану Соколову Московскому.

— Мы съ нимъ отъ самой Казани вмѣстѣ шли до Тобольска; тамъ вмѣстѣ въ больницѣ лежали; только онъ впередъ выписался, а я, думали, помру. Такъ вотъ нѣтъ, Богъ далъ, поднялся...

— Что ты изъ пустяковъ безпокоишь ихъ высокоблагородіе! Простите ему—молодъ, потому дуракъ, замѣтилъ староста.

Посылавшій поклонъ, какъ я справился, былъ изъ свѣжихъ и шолъ за святотатство изъ К—ской губерніи. Онъ былъ пастухомъ и разбилъ церковную кружку. Въ маѣ 1863 года, я случайно встрѣтилъ этого несчастнаго въ иркутской экспедиціи о ссыльныхъ, и онъ мнѣ обрадовался какъ родному. Приговоренный всего на четыре года работы въ заводахъ, бѣднякъ страшно горевалъ о своихъ клеймахъ: ему всего 22 года. Вывести

клейма, говорятъ, очень трудно, въ особенности литеру К. на лбу*).

Впродолженіи моей 24-хъ лѣтней скитальческой службы въ Россіи много я видѣлъ остроговъ, арестантскихъ ротъ, какъ гражданскаго вѣдомства, такъ и крѣпостныхъ, перегналъ и встрѣтилъ не одну сотню партій, но о томъ, что я увидѣлъ въ партіяхъ слѣдующихъ по Сибири мнѣ даже не приходило въ голову.

«Это наша сторона», говорятъ про Сибирь арестанты, и дѣйствительно они въ ней точно дома.

Вы здѣсь не увидите взглядовъ изъ подлобья, какими

---

*) Высочайшимъ указомъ 17-го апрѣля 1863 года клеймленіе уничтожено, и потому, не опасаясь слишкомъ оскорбить читателей, рѣшаюсь привести слѣдующія подробности: большая часть преступниковъ заклеймлены такъ: на правой щекѣ А., на лбу К., на лѣвой Т. «Значитъ Акатуевскаго завода», говорятъ въ шутку арестанты. Изрѣдка попадаются имѣющіе А на лбу, это «по сибирской модѣ». Неудовольствіе палача или особое негодованіе исполнителей, по мнѣнію каторжныхъ, выражалось въ постановленіи буквъ *въ верхъ ногами.* (Я видѣлъ двухъ заклеймленныхъ этимъ способомъ). Что клеймленіе совершенно не достигло своей цѣли, лучше всего доказывается существованіемъ *кругомъ Ивановъ Ивановичей*, которые не только не стыдятся, а пожалуй чванятся своими клеймами, превратившими иныхъ случайныхъ, т. е. удобоисправимыхъ преступниковъ, въ закоренѣлыхъ злодѣевъ.

Буквы К. А. Т. введены въ употребленіе уложеніемъ 1842 года. Прежде накладывали В. О. Р. и затирали порохомъ. Эти знаки выводились чрезвычайно легко; но впослѣдствіи предложила свои услуги наука, и какой-то трудолюбивый химикъ изобрѣлъ мазь, слѣды которой отличаются необыкновенною устойчивостью. Объ этой мази въ свое время производилась оффиціальная переписка и дѣлались тщательные опыты...

смотрятъ у насъ на посѣтителя подсудимые, не услышите запуганно-торопливыхъ и какъ бы заученныхъ отвѣтовъ, принадлежности арестантскихъ ротъ. Здѣсь каждый глядитъ на васъ смѣло, даже весело; отвѣчаетъ прямо, просто, короче—по человѣчески.

Весьма обыкновенныя въ острогахъ жалобы на напраслину, въ партіяхъ чрезвычайно рѣдки. Съ глаза на глазъ, иной, пожалуй, не прочь сообщить, что его осудили неправильно, но при публикѣ нельзя ни подъ какимъ видомъ: засмѣютъ товарищи. За то если случится человѣкъ дѣйствительно пострадавшій напрасно, принимая это слово даже въ значеніи наказанія превысившаго, по мнѣнію арестантовъ, вину, то объ этомъ знаетъ вся партія и является многое множество адвокатовъ за напрасно наказаннаго.

Для примѣра разскажу одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ.

Бывши разъ въ иркутской экспедиціи о ссыльныхъ, во время осмотра кандальной партіи, я невольно остановился на молоденькомъ арестантѣ, чрезвычайно болѣзненнаго вида.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Какой губерніи.

— Т—ской.

— За что сосланъ?

— За отравленіе.

Вотъ буквальная выписка изъ статейнаго списка.

«А—сій М—овъ Т—овъ, 15-ти лѣтъ. *)

«Изъ дворовыхъ людей г-жи I. за убійство посредствомъ отравленія мышьякомъ хозяина своего съ семействомъ цеховаго К — ва. Т—овъ, по рѣшенію Правительствующаго Сената, изъясненному въ доставленномъ приговорѣ т — ской уголовной палаты, лишенъ всѣхъ правъ состоянія, наказанъ чрезъ полицейскихъ служителей розгами 100 ударами и сосланъ въ каторжную работу въ рудникахъ на *двадцать* лѣтъ; а по окончаніи срока въ работѣ, поселить въ Сибири на всегда.»

— Сколько лѣтъ ты судился? спросилъ я.

— Три года.

Изъ нескладнаго и довольно безтолковаго разсказа Т. (онъ былъ, какъ говорится, изъ плохенькихъ, т. е. глуповатъ), я понялъ, что мышьякъ дала ему хозяйка и велѣла насыпать въ кашу, которую ѣлъ хозяинъ съ дѣтьми и самимъ отравителемъ. Что потомъ, когда дѣйствія яда стали обнаруживаться, хозяйка его и дѣтей отпоила молокомъ, а мужу молока не давала.

Я перебилъ его вопросомъ:

— А что хозяйка скоро вышла замужъ?

— Въ тужъ пору вышла, какъ изъ острога выпустили, такъ и вышла. Ее въ подозрѣніи оставили. Я признался, что сыпалъ, а она, выходитъ, во всемъ заперлась.

---

*) Т. е. при приведеніи рѣшенія въ исполненіе; годъ слѣдованія до Иркутска.

Арестанты стояли горой за то, что все сказанное Т. истинная правда.

— Да вы, в. в., посмотрите на него, вмѣшался *кругомъ Иванъ Иванычъ*, тутъ же бывшій, онъ, къ примѣру, въ нашей екидеміи четыре года произошелъ и, изволите видѣть, дуракъ дуракомъ, каковъ же онъ былъ въ ту пору?

— А ты, братъ, вѣрно изъ профессоровъ этой екидеміи, замѣтилъ кто-то изъ чиновниковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, в. б. Есть люди супроти меня далеко превосходнѣе; хоша и мы можетъ отчасти понимаемъ, что будь ефтотъ парень въ настоящихъ годахъ и при полномъ разсудкѣ и тогда ему больше 20 годовъ работы невозможно предоставить, а тутъ, посудите сами, при малолѣтствіи...

— Это ужъ не наше съ тобою дѣло.

— Это точно такъ, в. б.

Но я слишкомъ забѣжалъ впередъ. Передо мною все еще Бараба, съ ея грязью, насыпями и плотинами. Отъ Убинскаго считается семь станцій (вѣроятно, по числу смертныхъ грѣховъ) самой убійственной дороги. Каргатъ, Каргатскій форпостъ, Каргатская дуброва, Иткуль, Сектинская, Овчинникова, Крутые лога, остаются въ памяти у каждаго, кто проѣхалъ на колесахъ это прекрасное пространство. Зимою—другое дѣло; мнѣ же пришлось путешествовать осенью.

Въ Каргатскомъ форпостѣ судьба, сжалившись надъ моимъ одиночествомъ, послала мнѣ спутника. Это былъ отецъ Иванъ П., пробывшій около тридцати лѣтъ мѣст-

нымъ приходскимъ священникомъ, и недавно переведенный во вновь устроенный приходъ, гдѣ-то около озера Чаны.

Спутникъ мой оказался родомъ изъ Пермской губерніи, гдѣ служилъ діакономъ въ единовѣрческомъ приходѣ. Тамъ онъ, по молодости лѣтъ, предался куренію богомерзскаго зелія, выросшаго, какъ это несомнѣнно извѣстно, изъ чрева блудницы; табакомъ рекомаго.

Для насъ съ вами, читатель, не бѣда, что діаконъ дозволилъ себѣ покуривать, но единовѣрцы на это посмотрѣли иначе: люди они богатые, и духовное начальство, какъ и слѣдуетъ, приняло ихъ сторону. Діакону приходилось плохо, но въ это время вызывали желающихъ въ Сибирь. Онъ рискнулъ—и не кается. Рукоположенный въ священники, отецъ Иванъ получилъ приходъ на Барабѣ, и изучилъ ее превосходно.

— Отчего, батюшка, это село называется Каргатскимъ форпостомъ?

— Каргатскимъ по рѣчкѣ Каргату, а форпостомъ отъ того, что здѣсь былъ прежде форпостъ. И теперь еще кое что уцѣлѣло отъ бывшей постройки. Тутъ вѣдь прежде было не спокойно, ѣздили не иначе, какъ съ конвоемъ. Только это давно было, не за нашу память.

— Кто же тутъ дѣлалъ нападенія?

— Мало ли кому. Киргизы изъ степи, татарва, ясачныя, ну, а за ними и свои пошаливали. Теперь здѣсь смирно, такъ смирно, какъ я думаю нигдѣ. Вы, вѣроятно, читали про Дениса Ивановича Чичерина. Это онъ проложилъ здѣсь дорогу и построилъ деревни. Много,

говорятъ, первые поселенцы муки приняли, сколько ихъ померло, сколько разбѣжалось—бѣда. Ну а теперь ничего, обжились. Я самъ, какъ пріѣхалъ, думалъ, что года не выживу, а потомъ такъ привыкъ, что забылъ и про родину.

— Кого же здѣсь селили, ссыльныхъ?

— Есть и ссыльные, а всего больше господскихъ людей изъ Россіи. Но что удивительно, сборный народъ завелъ у себя всѣ сибирскіе порядки. Напримѣръ, какъ здѣсь устроиваются свадьбы. Вы не знаете?

— Разумѣется не знаю.

— Тутъ женятся чудно. Нѣтъ ни сватовъ, ни свахъ, ни даже родительскаго благословенія. А такъ, выглядѣлъ парень дѣвку, сговорился съ нею, да уходомъ и уйдутъ. Случается, что и отобьютъ дѣвку; опять начнетъ стараться, только это бываетъ рѣдко. Всего больше какъ ушли, такъ и повѣнчаются. Куда въ село попали, тамъ и свадьба, и въ ночь, и въ полночь, и за полночь. Сколько старалось начальство искоренить этотъ обычай; священникамъ запрещали вѣнчать, взыскивали за это—все ничего, все по прежнему.

Тащились мы шагомъ. Ямщикъ, равнодушно слушавшій разсказъ о заселеніи Барабы, когда зашла рѣчь о свадьбахъ, выказалъ вниманіе и заговорилъ, обращаясь ко мнѣ.

— А сколько у насъ берутъ за свадьбы — просто страсти, рублей по сту берутъ!

— Какъ, на ассигнаціи?

— Какія тамъ ассигнаціи. По сту серебра...

— Это бываетъ рѣдко, замѣтилъ отецъ Иванъ.

— Чего рѣдко, я самъ отвалилъ восемь рассейскихъ золотыхъ, да три красненькихъ, и то на силу взяли.

Молодые послѣ вѣнца обыкновенно ѣдутъ въ домъ новобрачной съ повинною, и, конечно, тогда же получаютъ прощеніе; по обычаю тесть беретъ отъ зятя деньги. Большею частію, какъ похищеніе, такъ и вся остальная обстановка производятся съ вѣдома родныхъ невѣсты, и преслѣдованіе бѣгущихъ производится только для видимости, потому что выдать дочь замужъ обыкновеннымъ порядкомъ, или не гнаться за похитителемъ, считается совершенно не приличнымъ. Иной бѣднякъ зять получаетъ отъ тестя потихоньку деньги, которыя возвращаетъ публично, какъ будто свои, во время церемоніи прощенія. Обычай похищать невѣстъ существуетъ, какъ я слышалъ, въ большей части Томской губерніи. По словамъ отца Ивана, въ старые годы тоже дѣлалось и въ Пермской *); немудрено, что и на всемъ русскомъ сѣверѣ, откуда обычаи перешли въ занятую Біармію. Такъ ли это было, или иначе, предоставляю разсудить знатокамъ русской старины и современныхъ народныхъ обычаевъ. Въ особенности мнѣ бы хотѣлось знать мнѣніе С. В. Максимова, автора «Года на Сѣверѣ».

На половинѣ дороги между Каргатскимъ форпостомъ и Каргатскою дубровою, живутъ особой деревней ново-

*) Мнѣ положительно извѣстно, что въ концѣ сороковыхъ годовъ, этотъ обычай во всей силѣ существовалъ въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ у Мордвы.

селы-обоянцы (Курской губерніи). Бѣдняки, не будучи знакомы съ свойствами Барабы, выбрали для себя чрезвычайно неудобное мѣсто. Принявъ обширное займище за лугъ, годный для пашни, они построили деревню на берегу озера, и хотя уже прошло болѣе 10-ти лѣтъ со дня поселенія, все еще бѣдуютъ. Удобная земля по обѣ стороны Курской деревни давно уже занята старожилами, и имъ приходится круто.

— Мы, было, на Амуръ просились отселева. Бумаги, значитъ, подавали, да рѣшеніе не вышло. Оставайтесь, говорятъ, тамъ, гдѣ живете. Сами мѣсто облюбили. Что будешь дѣлать? говорили мнѣ обоянцы.

Отецъ Иванъ, въ приходѣ котораго находились эти новоселы, отзывался съ большою похвалою о ихъ набожности, трудолюбіи и честности, но строго и справедливо осуждалъ за *необрядность*, т. е. неопрятность въ избахъ.

Многочисленныя озера Барабы изобилуютъ рыбою. Въ нихъ также, какъ въ упомянутомъ мною выше Икѣ, между Ишимомъ и Тюкалою, ловятся зимою окуни, а лѣтомъ—караси. Между послѣдними попадаются крупные (я видѣлъ самъ карася въ 5 фунтовъ вѣсомъ, но, говорятъ, бываютъ еще крупнѣе).

Жители Барабы,—впрочемъ я замѣчалъ тоже и въ другихъ мѣстахъ Сибири,—не любятъ свѣжей рыбы и всегда ее просаливаютъ.

— Что въ ней, въ свѣжей-то, трава травою, никакого скуса нѣтъ, говорили мнѣ въ видѣ объясненія.

Въѣзжая въ село Иткуль передъ разсвѣтомъ, я былъ

пораженъ нестерпимымъ, какъ мнѣ показалось, трупнымъ запахомъ.

— Ямщикъ, что это такъ воняетъ?

— Гдѣ воняетъ? Здѣсь, что-ли? Ничего не воняетъ, а это духъ такой отъ озера.

Вонючее озеро заставило меня дожидаться утра.

Отъ отца Ивана, смотрителя и нѣсколькихъ крестьянъ я узналъ, что озеро прежде было такое же, какъ и всѣ другія, но лѣтъ семь или восемь тому назадъ вода въ немъ къ концу лѣта стала портиться, порча усиливалась съ каждымъ годомъ, а года за три передъ настоящимъ возрасла до того, что вся рыба выдохла. Потомъ вонь начала нѣсколько уменьшаться. Не знаю, что было прежде, а въ первыхъ числахъ сентября 1862 года, озеро воняло сильно. Вода довольно чистая, но съ отвратительнымъ запахомъ, чѣмъ-то въ родѣ протухлыхъ яицъ съ какою-то примѣсью *).

Село тянется вдоль большой дороги между двумя озерами: Большимъ и Малымъ Иткулемъ **). Большой имѣетъ верстъ восемь въ длину и версты четыре въ ширину.

Когда я подошелъ къ берегу, по озеру плавали дикія утки, гуси и лебеди. Послѣдніе на Барабѣ счита-

---

*) При проѣздѣ черезъ Иркутскъ, съ 62 года на 63-й, геолога Шмидта, возвращавшагося въ Петербургъ съ ученой поѣздки на островъ Сахалинъ, я сообщилъ ему объ Иткулѣ, но не знаю, было ли дѣлано какое нибудь изслѣдованіе.

**) Татарское слово иткуль, значитъ буквально собачье озеро.

ются неприкосновенными; стрѣлять ихъ признается большимъ грѣхомъ. Умныя птицы, какъ видно, знаютъ свои права, и потому подпускаютъ людей на самое близкое разстояніе *).

Большой Иткуль отъ жилья находится вправо (къ югу). Вода въ Маломъ Иткулѣ совершенно чистая и безъ запаха.

Когда я въѣзжалъ въ село Сектинское, въ него вступала команда солдатъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, шедшая на Амуръ. Гарнизонные солдаты, посылаемые изъ Россіи на Амуръ, въ Сибири пользуются невыгодною репутаціею. Жители по всей дорогѣ считаютъ ихъ бездѣльниками.

— Тѣже варнаки, — говорятъ сибиряки, а надобно помнить, что ничѣмъ нельзя такъ обидѣть, даже бродягу, какъ назвать его варнакомъ.

— Первые, которые проходили — вотъ были моты, просто бѣда, замѣтилъ мнѣ отецъ Иванъ.

— Ну, да и начальство имъ не мирволило; который проштрафился, сейчасъ стегать, да еще какъ-то по новому: въ четыре пучка.

Но отецъ Иванъ ошибался, это было по старому...

Разсказъ о сѣченьи въ четыре пучка перенесъ меня невольно къ моему вступленію въ службу (въ началѣ сороковыхъ годовъ), когда строгости были еще въ

*) Мнѣ говорили, что стрѣльба лебедей почитается грѣхомъ во многихъ мѣстахъ Западной Сибири.

ходу, и я самъ нѣсколько разъ видѣлъ подобныя наказанія...

Теперь я могу только отъ души пожелать всѣхъ возможныхъ благъ и счастія Тому, кто сдѣлалъ на всегда невозможными всѣ эти *исправительныя* мѣры, которыя многихъ хорошихъ испортили и ни одного дурнаго не исправили.

— Что съ вами? спросилъ у меня мой спутникъ заботливо.

— Ничего, припомнилъ старое.

— Э, развѣ не знаете? кто старое помянетъ...

— Тому глазъ вонъ, какъ же, знаю.

— Теперь намъ остается всего верстъ сорокъ дурной дороги, а тамъ хоть бокомъ катись. Погода поправилась.

— Смотрите — не сглазьте.

За станціею Крутые Лога, такъ названною, вѣроятно, потому, что около деревни есть двѣ, три промоины съ мостиками, которыя Барабинцамъ съ непривычки показались логами, да еще въ добавокъ крутыми. Дорога стала немного лучше.

Въ Тырышкинѣ я вспомнилъ дядю Василія—точно какъ отрѣзало. За маленькою рѣчкою разомъ измѣняется мѣстность и переходъ необыкновенно рѣзокъ.

— Да, батюшка, хорошо что вспомнилъ; мнѣ говорили, что съ Тырышкина пойдутъ бергалы, а въ немъ такіе же рассейскіе люди, какъ и вездѣ по Сибири.

— Такіе да не такіе, то все были казенные, вольные, а теперь пойдутъ до самаго Томска горькіе, то

есть горные, я хотѣлъ сказать. А бергалы они потому, что бергъ по-нѣмецки значитъ гора, вотъ и бергалы.

Съ этимъ я согласился, зная, что еще не очень давно существовали и оберъ-гинтеръ-фервалтеры, а главное бергъ-гешворены.

Сейчасъ за Тырышкинымъ, вмѣсто болотистой равнины являются открытые холмы; тучный барабинскій черноземъ переходитъ въ суглинокъ; вдали синѣютъ лѣса, сопровождающіе Обь, до которой уже близко. Вотъ и городокъ Колывань, недавно перенесенный на теперешнее мѣсто. Прежде онъ былъ построенъ ближе къ рѣкѣ, и его каждый годъ топило.

Во время весенняго разлива отъ Колывани до Дубровина (около 40 верстъ) ѣздятъ водою. Въ Колывани прежде былъ такой же форпостъ, какъ Каргатскій; такой же былъ и въ Кланскѣ.

Въ старые годы, когда объ этапахъ не было и слуху, арестантовъ, по тогдашнему невольниковъ, конвоировали, состоявшіе въ вѣденіи особаго чиновника коммисара, крестьяне.

На почтовой станціи, въ городѣ ко мнѣ явился человѣкъ, показавшійся по наружности отставнымъ солдатомъ; но прежде чѣмъ я успѣлъ предложить обыкновенный въ подобномъ случаѣ вопросъ, гдѣ служилъ, я услышалъ такую рекомендацію:

Z...., byty szlachcic z Wilenskiego, pozbawiony wszelkich praw *).

*) Бывшій виленскій шляхтичъ, лишенный всѣхъ правъ.

На мой вопросъ: за что-же? я ожидалъ отвѣта — за что нибудь въ политическомъ родѣ, но услышалъ: Za sprzedaz wlasnego konia *). За этимъ послѣдовалъ длинный, и, какъ видно, много разъ повторенный разсказъ, что Z.... продавалъ собственную лошадь, въ которую вклепался «пся вяра жидъ», и продавца судили и осудили какъ вора. Въ разсказѣ часто упоминались пани-матка и панъ-братъ, послѣднiй не иначе, какъ съ прибавленiемъ «бестiя». Не послѣднее мѣсто занималъ также панъ-исправникъ, съ прибавленiемъ «галганъ» и «лайдакъ». О панѣ-городничемъ тоже было сказано, что когда Z.... съ лошадью былъ приведенъ въ полицiю и ему тамъ сдѣлали *импертиненцiю* (дерзость), то онъ «сдубельтовалъ», т. е. отвѣчалъ тѣмъ же, съ удвоенiемъ. Z.... былъ единственный встрѣченный мною въ Сибири Полякъ (а я ихъ встрѣчалъ много) безъ примѣси политики. Не знаю, на сколько справедливъ разсказъ шляхтича, но въ литовскихъ мѣстечкахъ не разъ мнѣ случалось видѣть, какъ у бѣдняковъ крестьянъ и мелкихъ шляхтичей отбирали ихъ собственный скотъ по жидовскимъ претензiямъ. А тутъ еще присоединилось отвѣтное *дубельтованье* сдѣланной *импертиненцiи*. Судейскiе промахи въ любой юридической практикѣ, даже тамъ, гдѣ существуетъ и полная гласность, и судъ присяжныхъ, къ сожалѣнiю, не составляютъ рѣдкости.

---

*) За продажу собственной лошади.

Изъ числа многихъ мнѣ извѣстныхъ примѣровъ разскажу одинъ весьма оригинальный.

Въ городѣ Омскѣ у совѣтника Коньяра случилась пропажа денегъ изъ письменнаго стола; кушъ былъ довольно значительный. Полиціймейстеръ Шепелевъ взялъ въ свои руки прислугу. Розыскныя средства не привели ни къ чему. Коньяръ вспомнилъ, что за нѣсколько дней до пропажи, у него въ домѣ былъ столяръ изъ ссыльныхъ, исправлявшій тотъ самый столъ, изъ котораго исчезли деньги. Столяра взяли, но вся дѣятельность Шепелева не вытянула сознанія. Да, оказалалась улика: столяръ имѣлъ 50-ти рублевый билетъ. Суду показалось этого достаточнымъ. Столяра осудили наказали и сослали. Все это очень просто и естественно. Но вотъ теперь начинается нить завязки романа. Коньяръ, уѣзжая изъ Омска, продалъ всю свою мебель, въ томъ числѣ и вышеупомянутый столъ, какому-то незначительному чиновнику. Новый владѣлецъ, осматривая тщательно свою покупку, подъ доскою нашелъ деньги, считавшіеся украденными. Невинно сосланнаго, конечно, возвратятъ, а чѣмъ можно вознаградить нравственныя и физическія страданія, которыя ему пришлось вытерпѣть?... *).

Выѣхавъ изъ Колывани поздно ночью, къ утру я былъ у перевоза черезъ Обь. Было довольно холодно. Дня за два до моего проѣзда выпадалъ уже снѣгъ, но не удержался. У переправы стояла поселенская партія:

*) Въ концѣ будетъ приложено возраженіе на этотъ случай.

народъ съ виду плоховатъ, куда противъ кандальныхъ. Одѣты хуже, обуты тоже; конвойные обращаются съ поселенцами гораздо строже, чѣмъ съ кандальными, даже милостыню имъ подаютъ несравненно скуднѣе. Кандальные называютъ поселенцевъ почему-то *омулями*, и обходятся съ ними свысока и почти презрительно.

Перевозчики предлагали мнѣ купить у нихъ рыбицу. Это была стерлядь фунтовъ въ 30 вѣсомъ, что, по ихъ словамъ, не очень еще много, потому что въ Оби попадаются штуки въ пудъ и даже слишкомъ. Отецъ Иванъ подтвердилъ слова перевозчиковъ, показавшіяся мнѣ сомнительными. За тридцати-фунтовую стерлядь просили всего полтора рубля серебромъ; я хотѣлъ купить, но мой спутникъ отсовѣтовалъ, говоря, что въ Татариновѣ (такъ называется первая за Обью станція), можно достать рыбы сколько угодно.

— Вы не смотрите, что она *хрушкая* (крупная), мелкія для ухи вкуснѣе.

Въ Татариновѣ дѣйствительно рыбы «сколько угодно», хо[illegible]жители жаловались на худой уловъ, и точно также ка[illegible] вездѣ, уменьшеніе рыбы приписывали пароходамъ.

На правомъ берегу Оби я увидѣлъ въ первый разъ камень, котораго нѣтъ нигдѣ по всей дорогѣ, какъ мнѣ показалось, отъ самаго Камышлова.

За Обью начинается густой дремучій лѣсъ и встрѣчается лиственница—дерево, неизвѣстное въ большей части Европейской Россіи. Въ первый разъ въ жизни я увидалъ лиственницу за Екатеринбургомъ, но тамъ

ея немного. Свѣтло-зеленыя иглы этого стройнаго дерева къ осени принимаютъ золотисто-жолтый цвѣтъ, который необыкновенно красиво оттѣняется на густой зелени пихты и ели. Сплошной лѣсъ на правомъ берегу Оби, по большой дорогѣ, тянется не долго, всего верстъ 40; дальше идутъ болѣе или менѣе открытыя мѣста, и есть уже довольно крутые подъемы и спуски.

На двухъ сосѣднихъ станціяхъ Проскоковой и Варюхиной я услыхалъ, въ первый разъ въ Сибири, извѣстное словцо: пошаливаютъ. Разспрашивать какъ и кто, не было времени. На послѣдней станціи передъ Томскомъ, Калтайской, живутъ, на половину съ Русскими, Татары, уцѣлѣвшіе на большой дорогѣ. Всѣ же другія татарскія деревни снесены въ сторону; не знаю, сами ли они это сдѣлали по доброй волѣ или вытѣснены нашими переселенцами,—послѣднее кажется вѣрнѣе. А что Татары жили во многихъ селахъ, занятыхъ теперь Русскими, всего лучше доказывается видимо татарскими названіями, сохранившимися до сихъ поръ. Есть даже села, имѣющія по два названія: одно русское, оффиціальное, другое татарское, и послѣднее употребляется чаще и охотнѣе. Напримѣръ, село Успенское *) мѣстные жители и сосѣди всегда называютъ *Кермаки*.

Версты за три передъ Томскомъ приходится переѣзжать черезъ широкую Томь; за рѣкою до города проведено шоссе, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы показать,

---

*) Тюменскаго округа.

какія есть, и какія могли бы быть дороги. При довольно густомъ народонаселеніи и возможности добыть камень по сосѣдству, устройство шоссе отъ Томска до Колывани не можетъ стоить слишкомъ дорого.

ОТЪ ТОМСКА ДО КРАСНОЯРСКА.

При въѣздѣ въ Томскъ сейчасъ видно, что онъ не даромъ пользуется репутаціей лучшаго города въ Сибири. Прекрасныя церкви, каменные дома, разбросанные почти по всему городу, лавки, магазины, движеніе по улицамъ, съ разу показываютъ, что этотъ городъ имѣетъ полное право называться губернскимъ, независимо отъ пребыванія въ немъ губернатора и соотвѣтствующихъ властей. Поднявшись на гору, бросается въ глаза соборъ, который постигла участь новочеркасскаго и еще двухъ какихъ-то: въ немъ обрушился куполъ прежде, чѣмъ зданіе было окончено. Домъ Асташева былъ бы замѣтнымъ даже на Англійской набережной. Сквозь зеркальныя стекла этого дома пахнетъ большими тысячами. Тутъ же домъ Попова, одного изъ самыхъ первыхъ, по времени, золотопромышленниковъ, такъ-себѣ, деревянный, въ родѣ встрѣчающихся въ губернскихъ городахъ, на дворянскихъ улицахъ.

Желая воспользоваться правомъ путешествующаго по казенной надобности—имѣть даровую квартиру, я велѣлъ везти себя въ такъ называемую казенную гостинницу, въ которой даютъ безплатно номера для слѣдующихъ по дѣламъ службы. Вѣроятно, на томъ основаніи,

что даровому коню въ зубы не смотрятъ, «Мысъ доброй надежды» (названіе казенной гостинницы) находится въ ужасномъ захолустьѣ. Номера съ виду и днемъ ничего, но за то ночью—это такіе клоповники, которые, можно думать, не уступаютъ приснопамятнымъ московскимъ отъ розыскныхъ дѣлъ и хивинскимъ настоящаго времени. (Теперь уже помѣщенія для проѣзжающихъ по казенной надобности въ другомъ домѣ и содержатся несравненно опрятнѣе). Цѣны на всѣ жизненные припасы въ Томскѣ очень дешевыя (справлялся самъ на базарѣ); но въ гостинницѣ, вѣроятно для однообразія, петербургскія съ тою, впрочемъ, разницею, что вмѣсто петербургскаго «дорого да мило,» съ васъ возьмутъ тоже дорого, но дадутъ не то, чтобы гнило, а очень скверно. Счетъ представляется ежедневно въ такомъ родѣ:

Сщетъ

Господину N въ номери

самъоваръ (нечищенный)	30 к
сухары (горькіе)	30 »
слифки (кислыя)	30 »

Обѣтъ

порція счи (съ тараканами)	30 »
порція перошки (съ мухами)	30 »
порція филѣй (съ тѣмъ и другимъ).	30 »

Итого 1 р. 80 к.

Это значитъ, что вамъ подали самоваръ, тарелку щей и кусокъ говядины, въ видѣ особаго блюда; все остальное, ѣли ли вы, или нѣтъ, въ разсчетъ не принимается, на основаніи народной сентенціи: «что ѣлъ что кушалъ».

На любомъ сибирскомъ постояломъ дворѣ и въ каждомъ порядочномъ крестьянскомъ домѣ, за сомоваръ и щи съ говядиною посовѣстятся взять больше двугривеннаго; ну, а здѣсь гостинница, съ вывѣской, съ сухарями, пирожками, салфетками, слѣдовательно другое дѣло. Мѣстные жители посѣщеніе гостинницъ считаютъ дѣломъ предосудительнымъ, и совершенно правы.

— Помилуйте, что за дорого-съ, говоритъ хозяинъ съ пріятною улыбкой. При отправленіи въ Сибирь, вы изволили получить двойные прогоны и годовое жалованье.... А впрочемъ, какъ вамъ угодно-съ: здѣсь есть господинъ полиціймейстеръ и его превосходительство, господинъ начальникъ губерніи. Они сами изволятъ утверждать таксію, и намъ-съ, ей-Богу, даже въ убытокъ, опять акцизъ.... А на счетъ лошадей не извольте безпокоиться, у насъ въ Томскомъ, почтовыхъ получаютъ только фетъегеря да кульеры; а прочіе господа проѣзжающіе нанимаютъ вольныхъ, и не дорого, всего три серебра за станцію...

— До которой 29 верстъ?

— Такъ-точно-съ; только дорога, можно сказать, самая необработанная.

— Ну, мнѣ будетъ выгоднѣе взять почтовыхъ.

— Это какъ вамъ угодно, только едва ли получите; а если и запрягутъ почтовыхъ, то съ мѣста не тронутъ; у насъ эти примѣры бывали.

Не имѣя ни малѣйшей охоты, вмѣсто 87 копеекъ, платить три рубля, беру извощика и ѣду къ почтъ-содержателю, который объявилъ мнѣ, что лошадей нѣтъ, да

еслибы и были, то безъ записки изъ почтовой конторы онъ не отпуститъ, а до подорожной ему нѣтъ никакой надобности; и тутъ же, во избѣжаніе хлопотъ, предложилъ мнѣ взять у него же вольныхъ. Нечего дѣлать, ѣду въ контору, гдѣ, кромѣ спящаго дежурнаго, не было ни души (часа въ 4 послѣ полудня). Дежурный говоритъ, что это дѣло старшого. Отыскался и старшо́й, предложившій мнѣ, зѣвая и потягиваясь, тоже взять вольныхъ; но когда я объявилъ, что пойду къ самому губернскому почтмейстеру, а пожалуй и къ губернатору, то записка явилась.

Опять ѣду къ почтъ-содержателю, показываю записку и требую лошадей; цѣлый потокъ татарскихъ ругательствъ (почтъ-содержатель татаринъ) посыпался, вѣроятно, на мою голову; тутъ были и анасыны и бабасыны, но все-таки явились лошади (ихъ стояла полная конюшня).

— Подлецы! сказалъ ямщикъ, слѣдовавшій за мною уже за воротами.

Брань относилась, безъ сомнѣнія, къ лошадямъ, и совершенно напрасно: лошади были отличныя.

— А ты какъ думаешь: настоящіе, томскіе, прибавилъ извощикъ.

Въ Томскѣ я пробылъ трое сутокъ и, на сколько было возможно, ознакомился съ городомъ.

Если Омскъ можно считать городомъ военнослужебнымъ, то къ Томску вполнѣ идетъ названіе торговый, и кромѣ того, онъ, замѣтно, ростетъ и улучшается. Десятки большихъ каменныхъ домовъ, изъ которыхъ одни

только что построены, другіе оканчиваются, третьи начинаются, могутъ служить яснымъ доказательствомъ справедливости моего мнѣнія. Человѣку, привыкшему къ тишинѣ и безжизненности русскихъ городовъ, при въѣздѣ въ Томскъ, можетъ показаться, что онъ попалъ на ярмарку, и это осенью; зимою же, говорятъ, движеніе значительно больше. О дешевизнѣ первыхъ потребностей я уже упоминалъ, а теперь скажу о сахарѣ и стеариновыхъ свѣчахъ. Цѣна тому и другому, лучшаго качества, 12 р сер за пудъ, т. е. дешевле, чѣмъ во многихъ провинціальныхъ городахъ внутреннихъ губерній. Къ этому прибавлю, что сахаръ отвѣшивается безъ бумаги. По поводу же чая разскажу невѣроятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливое событіе.

Уѣзжая изъ Москвы, я купилъ на дорогу чаю въ магазинѣ И. О. Корещенко въ 3 р. фунтъ. Взялъ я немного, разсчитывая, что въ лѣсъ дровъ возить не слѣдуетъ. Московскаго чаю у меня хватило до Тюмени, гдѣ за чай, немного похуже, я заплатилъ 3 р. 50 коп. Въ Омскѣ за чай похуже тюменскаго съ меня взяли въ лавкѣ Терехова (перваго омскаго торговца) 4 рубля. Въ Томскѣ я ожидалъ цѣны уже въ 5 руб., но ошибся. Чай какъ разъ подходилъ къ московскому и стоилъ всего одиннадцать съ полтиною ассигнаціями, т. е. 3 р. 28 к. сер. Всѣхъ этихъ чаевъ я сберегъ образчики и показывалъ ихъ иркутскимъ экспертамъ. Сколько я могъ замѣтить, цвѣточный чай, съ разными названіями, въ Сибири не въ употребленіи. Всѣ пьютъ черный и такъ называемый хунмы или красненькій. Лянсины покупаютъ толь-

ко пріѣзжіе изъ Россіи, да и то, пока не обживутся. Ничтожность требованія заставляетъ купцовъ возвышать цѣны, и этимъ только можно объяснить, почему товаръ, провезенный черезъ Сибирь, въ Москвѣ продается дешевле. Замѣчу еще, что превосходные московскіе сухари въ томскихъ лавкахъ продаются дешевле, чѣмъ отвратительные у мѣстныхъ хлѣбниковъ изъ Нѣмцевъ (московскіе 25, а мѣстные 30 к. фунтъ). Купленные мною въ Москвѣ у извѣстнаго булочника Филипова, такъ называемые сушки, доѣхали со мною до Иркутска, оставаясь такими же вкусными, какими были при покупкѣ; эти сушки могу смѣло рекомендовать всѣмъ отправляющимся въ дальнюю дорогу.

Изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ ни одинъ не пользуется такою невыгодною извѣстностію, какъ Томскъ. Разсказовъ о случаяхъ мошенничества, воровства, грабежей и даже убійствъ, совершенныхъ въ самомъ городѣ, много можно наслушаться. Насколько эти разсказы справедливы, не знаю.

Томскъ можно назвать городомъ ***неминуемымъ***, т. е. его нельзя миновать ни подъ какимъ видомъ: всѣ дороги изъ Россіи, проложенныя черезъ западную Сибирь, въ Томскѣ сходятся въ одну. За Томскомъ начинаютъ попадаться обозы, слѣдующіе какъ въ восточную Сибирь, такъ и оттуда. Первые везутъ всякую всячину, вторые— исключительно одинъ чай.

Сибирскіе обозы, между Томскомъ и Иркутскомъ, бываютъ двухъ видовъ: конные и безконные; но да не подумаетъ читатель, что безконные обозы двигаются на

волахъ или верблюдахъ; нѣтъ, въ повозки запряжены точно также лошади, но дѣло вотъ въ чемъ: если извощики (по сибирски ямщики) взялись везти *сквозную*, т. е. прямо изъ Иркутска въ Томскъ, или обратно, тогда они конные; если же товаръ перекладываютъ въ дорогѣ послѣ 200 верстъ или около того, то безконные. Для первыхъ извозъ есть главное занятіе, а вторые—упражняются между дѣломъ. У конныхъ повозки, лошади и упряжь вообще въ исправности, вторыхъ—со всячиной, т. е. бываютъ хорошія, а есть и *унеси ты мое горе*. Отправивши товаръ съ конными ямщиками, торговецъ знаетъ, что ему будетъ стоить перевозка, ему отвѣчаютъ за пропажу и доставятъ къ сроку. Въ обозахъ же безконныхъ цѣны Богъ строитъ; можно прогадать, можно и выгадать; а случись пропажа, дѣлать нечего. Самъ виноватъ: зачѣмъ плохо караулилъ. Сроковъ никакихъ. За то, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, безконная доставка можетъ обойтись вдвое дешевле конной. Разумѣется само собою, что при безконномъ обозѣ непремѣнно слѣдуетъ или самъ хозяинъ, или приказчикъ.

Мѣстность за Томскомъ, большею частію, волнистая, изрѣдка попадаются довольно порядочные подъемы и спуски. Паромныхъ переправъ много, но въ рѣкахъ системы Оби, съ правой стороны, замѣтна большая разница съ рѣками, впадающими слѣва; послѣднія довольно мутны, имѣютъ тихое теченіе и иловато-глинистое дно; за то первыя текутъ быстро, извилисто; дно каменное и вода—кристаллъ. Впрочемъ, я ѣхалъ въ такое время года, когда вода отличается повсемѣстно своею прозрачностью. Де-

ревни по дорогѣ хорошо обстроены; поселенцевъ, т. е. ссыльныхъ, встрѣчается гораздо больше; къ нимъ начинаешь привыкать и перестаешь разспрашивать: какъ? за что? откуда? и когда? Записывателями подорожныхъ начинаютъ попадаться грамотныя личности, готовыя сообщить каждому о своемъ несчастьи, въ видѣ потери или растраты казеннаго имущества, и также съ *пшестемпствомъ политычнымъ*. Но сколько я имѣлъ возможности удостовѣриться, по сдѣланнымъ выправкамъ, всѣ эти господа, сами навязывающіеся съ объясненіями, принадлежатъ къ разряду второстепенныхъ проходимцевъ. Назвать ихъ первостепенными положительно невозможно. Первостепенныхъ въ западной Сибири не оставляютъ: они въ полномъ составѣ отправляются въ восточную. Да и, кромѣ того, первостепенные, во всѣхъ отношеніяхъ, оказываются далеко лучше второго сорта. Я, конечно, не говорю о тѣхъ, которымъ удалось царапнуть пристойный кушъ денегъ, преимущественно казенныхъ, какъ, напримѣръ, нѣкто N, картежникъ по призванію, взяточникъ по ремеслу и колоссальный воръ по стеченію обстоятельствъ. Сей доблій мужъ играетъ въ преферансъ по цѣлковому, ami cochon съ губернскими дуппельшнепами, и даже.... ну, да чортъ съ нимъ. Оно такъ, а все-таки досадно, что любая арестантская рота, въ полномъ составѣ, не украла столько въ продолженіи всей своей преступной карьеры до изобличенія, суда, наказанія и ссылки, сколько *благопріобрѣлъ* иной господинъ. Конечно, не пойманъ — не воръ, а бываетъ, что и ловили, да вывернулся. Въ результатѣ—4-хъ этаж-

ный домъ, съ фонтаномъ посреди двора, и тихая покойная старость, плюсъ — трогательный некрологъ въ перспективѣ. Впрочемъ, одинъ мой хорошій пріятель доказывалъ, что такъ-называемая служебная честность есть ни что иное, какъ проявленіе: 1) отсутствія надобности, иначе богатство, или обезпеченное состояніе, доставшееся по наслѣдству отъ папеньки и маменьки, которые, въ свое время, упражнялись съ успѣхомъ; 2) отсутствія возможности, т. е. нахожденіе на такихъ мѣстахъ, гдѣ украсть нечего и 3) отсутствія умѣнья, по просту, глупость. Пріятель мой былъ большой проказникъ, и брался любаго изъ такъ-называемыхъ честныхъ людей подвести подъ одну изъ трехъ названныхъ категорій. Я не соглашался, будучи убѣжденъ въ томъ, что есть честные люди по принципу, а мой пріятель, отвергая даже существованіе всякихъ принциповъ, доказывалъ, что безъ денегъ, какія бы онѣ ни были, родовыя или благопріобрѣтенныя, даже не узнаешь, что такое принципъ, откуда онъ взялся и отъ какого латинскаго корня происходитъ. Все это, конечно, софизмы, парадоксы, пожалуй, абсурды, на которые положительно не стоитъ обращать вниманія.

На первой станціи отъ Томска, Семилужной, судьба послала мнѣ спутника, бывшаго моимъ наставникомъ и руководителемъ до самаго Красноярска. Не имѣя права назвать его настоящимъ именемъ, назову, положимъ, Иваномъ Ивановичемъ.

Родомъ онъ—москвичь, но живетъ въ Сибири болѣе 30 лѣтъ безвыѣздно. Попавши юношею для службы по питейной части, Иванъ Ивановичъ остался въ Сибири,

кажется, навсегда. Онъ признавался самъ, что лѣтъ 20 къ ряду все сбирается вернуться на родину, но поѣздка откладывается годъ отъ году, по разнымъ уважительнымъ причинамъ. Питейнымъ дѣломъ Иванъ Ивановичъ занимался недолго и промѣнялъ его на золотопромышленность, которая, по его словамъ, всегда находилась въ самыхъ близкихъ и родственныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ теперь уже откупомъ. По золотой части Иванъ Ивановичъ перепробовалъ всѣ роды должностей: былъ и кассиромъ, и конторщикомъ, и приказчикомъ; занимался развѣдками и на чужой счетъ, и на свой, раза три имѣлъ порядочныя деньги, только не на долго: онѣ постоянно уходили туда же, откуда и являлись, т. е. зарывались въ тайгѣ, гдѣ по его словамъ, зарыто капиталовъ почти столько же, сколько вырыто.

— Таже лотерея, только билеты стоятъ дорого... Иванъ Ивановичъ перебывалъ на всѣхъ пріискахъ Енисейской губерніи; а въ будущемъ году собирался попытать счастья въ Якутской области.

— Чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ быть и наткнусь на что-нибудь путное!...

— А если не наткнетесь?

— Такъ что жъ? перейду изъ хозяевъ въ приказчики, у насъ это нипочемъ. Иной испыталъ подобныя превращенія на вѣку разовъ пятокъ или побольше, а все неймется. Вѣрите ли, Сергѣй Ивановичъ, къ нашему дѣлу пристрастіе получить можно, все равно какъ къ водкѣ, или къ картамъ!

— Какъ же это?

— А такъ. Да вотъ меня взять: этимъ лѣтомъ я хлопоталъ по дѣламъ то въ Красноярскѣ, то въ Томскѣ, въ тайгѣ побывать не пришлось. Тоска, ей Богу. А что въ этой тайгѣ: холодъ, голодъ, паутъ. Въ 56 лѣтъ отъ роду таскаться верхомъ по нашимъ трущобамъ—хорошаго не много, а вотъ поди жъ? Вѣрите ли, что иной все проѣздилъ—и деньги, и здоровье, въ чемъ душа держится, заклятіе сто разъ на себя накладывалъ, а чуть весна, на привязи не удержишь. Знаете пословицу: повадится собака въ мясной рядъ ходить, купить не купитъ, такъ хоть стулъ полижетъ. Такъ вотъ и мы...

— Да что же вы находите привлекательнаго въ этой тайгѣ?

— Что? фантазію свою тѣшимъ. Ѣдешь, голодаешь, мучишься, а самъ думаешь: найду, непремѣнно найду, и такія передъ тобою золотыя горы рисуются. Сто пудовъ въ лѣто намываешь. Такъ вотъ съ разу въ милліонеры и попадешь. Бывали примѣры, что отъ этихъ фантазій съ ума сходили. А сны то какіе снятся!

— Положимъ: такъ мечтаютъ хозяева, ну а рабочіе что же?

— Рабочіе, да они еще больше насъ фантазируютъ. Трясетъ бѣдняка лихорадка, а ему грезится, что вотъ того-гляди старательскаго золота цѣлый пудъ представляетъ.

— Что это, какое старательское золото?

— А вотъ что. Лѣто у насъ короткое; каждый день на счету; по праздникамъ рабочіе не гуляютъ; только этому золоту, которое въ такіе дни добудутъ, ведется

особый разсчетъ и выдается плата съ золотника, сверхъ договорной.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ переправою черезъ рѣчку Китой. Рѣчка эта маленькая лѣтомъ, къ осени, отъ дождей, надувается, а вдобавокъ было вѣтрено. Къ довершенію переправныхъ удобствъ, мы съѣхались съ иркутскою почтою и обозомъ. Замѣчу при этомъ, что какъ почта, такъ и проѣзжающіе, у которыхъ нѣтъ своихъ экипажей, по Сибири ѣздятъ не иначе, какъ въ тарантасахъ, довольно неуклюжихъ и тяжелыхъ, но чрезвычайно покойныхъ. Встрѣтившійся у переправы обозъ былъ татарскій. Лошади и повозки съ виду плохи; да и извощики смотрятъ такими жалкими.

— Что это за извощики, виноватъ, ямщики? спросилъ я у спутника.

— Развѣ не видите — Татары.

— Это я вижу, только отчего они такіе оборванцы?

— Богъ ихъ знаетъ. Отсюда верстахъ въ 35 будетъ огромная татарская деревня, на самой большой дорогѣ. Они вѣрно оттуда. Вы ребята теплорѣченскіе?

— Да, бачки, тепла рѣчка.

— Знаете, что это единственная татарская деревня, уцѣлѣвшая на большой дорогѣ, между Тюменью и Иркутскомъ.

— А какъ же послѣдняя станція передъ Томскомъ, тамъ вѣдь тоже есть Татары?

— Калтайская. Да, только тамъ Татары живутъ вмѣстѣ съ Русскими, а въ Теплорѣченской одни, безъ примѣси.

Отъѣхали мы нѣсколько верстъ, и опять переправа черезъ Яю, подъ самымъ селомъ Ишимскимъ. Иванъ Ивановичъ, въ видѣ утѣшенія, сказалъ мнѣ, что переправы въ Западной Сибири, по качеству и количеству, уступаютъ переправамъ въ Восточной.

— Что здѣсь, рѣки какія-то сонныя, вотъ увидите тамъ, говорилъ онъ.

Татарская деревня, въ которую мы скоро пріѣхали, вытянута вдоль большой дороги; постройки плохія, въ избахъ грязь, вонь. Жители худые, дряблые, съ сибиряками никакого сравненія. Отчего бы это? Живутъ въ той же сторонѣ, земля отличная, и ея сколько хочешь, податей платятъ меньше, а въ добавокъ не отбываютъ рекрутчины, потому что считаются ясачными, и не пьютъ, или, по крайней мѣрѣ, несравненно меньше пьютъ водки...

Объясненія, полученныя мною, состояли въ словахъ: «такой народъ, извѣстно — орда».

— А что, Иванъ Ивановичъ, работаютъ Татары у васъ на пріискахъ?

— Работаютъ, да плохо. Они и не лѣнивы, и не пьяницы, да такъ, какъ-то дѣло у нихъ въ рукахъ не спорится. Это я говорю про Татаръ сибирскихъ. Захожіе изъ Россіи — тѣ молодцы на все.

II.

Городъ Маріинскъ, бывшая Кійская слобода, такъ себѣ, не изъ особенныхъ, хотя гораздо лучше Каинска и Колывани, а бывши слободою имѣлъ значеніе;

здѣсь производился наемъ рабочихъ на пріиски, теперь эта операція передвинулась въ село Богомольское. Такъ, по крайней мѣрѣ, я слышалъ отъ моего спутника.

Въ Маріинскъ мы пріѣхали передъ вечеромъ, и Иванъ Ивановичъ повезъ меня къ своему пріятелю, давнымъ давно поселившемуся въ этомъ городѣ.

— Вы не очень торопитесь?

— Нѣтъ, а что?

— Переночуемъ здѣсь, а завтра рано, рано утромъ.

— Пожалуй, а что скажетъ вашъ знакомый?

— Будетъ радъ-радехонекъ.

Знакомый Ивана Ивановича дѣйствительно принялъ меня чрезвычайно радушно. Вновь пріѣзжіе изъ Россіи, сколько я могъ замѣтить, въ глазахъ людей, зажившихся въ Сибири, имѣютъ въ себѣ много занимательнаго.

Вечеромъ, за чаемъ, разговоръ принялъ исключительно золотопромышленный характеръ. Нашъ хозяинъ долго занимался по этой части, да и теперь еще, какъ кажется, не совсѣмъ ее бросилъ.

— Скажите, пожалуста, господа, я человѣкъ новый и ничего не знаю, вообще отъ золото промышленности чего больше: худаго или хорошаго?

— Я думаю: того и другаго по ровну, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, худаго гораздо больше,—куда, не въ примѣръ больше, перебилъ хозяинъ рѣшительно.

— Да чѣмъ же?

— А вотъ чѣмъ; люди портятся. Вѣдь на пріискахъ всего больше работаютъ поселенцы, ссыльные, по ва-

шему. Въ прежнее время, когда пріисками не занимались, народъ оставался въ деревняхъ; годъ, другой понуждается, а тамъ возьмется за дѣло, начнетъ землю пахать, глядишь и вышелъ изъ него порядочный человѣкъ. Изъ 10 поселенцевъ, если не 9, то навѣрное 8 устроивались какъ слѣдуетъ; остальные пропадали; а теперь, дай Богъ, чтобы изъ 10 двое сдѣлались на что нибудь годными, а объ остальныхъ и толковать нечего...

— Да отъ чего же это?

— Да очень просто: человѣкъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ острогахъ, года два шелъ по этапу, и вдругъ ему даютъ въ руки деньги, да еще столько, сколько у инаго отъ роду не было. Распорядиться съ ними онъ не умѣетъ. Попалъ на пріискъ, отработалъ лѣто, опять у него деньги — вотъ человѣкъ и загулялъ; а тамъ, глядишь, либо спился съ кругу, либо такихъ дѣлъ надѣлалъ, что съ поселенія пойдетъ на казенные работы въ нерчинское вѣдомство, на каторгу то-есть. Да что я вамъ толкую, когда объ этомъ столько писано и переписано. Вы читали нашу сибирскую газету «Амуръ»?

— Нѣтъ, не случалось; я ее даже не видывалъ.

— Жаль: въ «Амурѣ» бывали вещи хорошія; да вотъ, напримѣръ, хоть эта, — и хозяинъ подалъ мнѣ 65 №, 19-го августа 1861 года. Вотъ что было напечатано, между прочимъ, въ этомъ номерѣ:

«Дѣла золотопромышленниковъ невольно обращаютъ на себя всеобщее вниманіе въ Сибири. Каково бы ни было вліяніе золотопромышленности на благосостояніе въ Сибири, на развитіе въ ней земледѣлія, промысловъ, на нравственный бытъ народа, все-таки значеніе ея велико. Золотой промыселъ занимаетъ тысячи

рабочихъ рукъ, милліоны денегъ употребляются на развѣдку и разработку розсыпей. Слѣдовательно, отъ успѣха работъ зависитъ благосостояніе значительной части населенія Сибири, зависитъ увеличеніе или уменьшеніе капиталовъ, которыми такъ скудна Сибирь. Съ другой стороны, отдаленность большей части пріисковъ отъ центровъ администраціи и невозможность учрежденія строгаго надзора за правомѣрностью отношеній между хозяевами и рабочими порождаютъ множество золъ, поселяющихъ въ здравомыслящихъ людяхъ сомнѣніе въ самой пользѣ золотопромышленнаго дѣла. Эксплуатація рабочихъ, и, вслѣдствіе ея, сильный упадокъ народной нравственности, есть одно изъ гибельнѣйшихъ послѣдствій нынѣшнихъ порядковъ на промыслахъ. Тѣ изъ лицъ, внимательно слѣдившихъ за этими порядками, которыя лично не заинтересованы въ дѣлахъ золопромышленности, единогласно увѣряютъ въ неудовлетворительности положенія рабочаго въ отношеніи къ хозяевамъ и особенно къ управляющимъ пріисками. Кто не принимался въ послѣднее время писать о состояніи золотопромышленниковъ, всѣ—согласны въ этомъ пунктѣ *). Безобразный способъ [illegible] людей, при посредствѣ сельскихъ и волостныхъ писарей, спаиванье и привлеченіе людей почти силой къ наемкѣ на работы, огромные задатки,—эта ловушка, въ которую попадаетъ рабочій безъ надежды когда нибудь вылѣзти изъ нея; способъ снабженія рабочихъ обувью, одеждою и предметами роскоши, увеличивающій долги рабочаго до того, что онъ выходитъ съ пріиска безъ копейки въ карманѣ, а чтобы дойти до роднаго селенія долженъ закабалить себя на слѣдующій годъ, наконецъ самая система работъ—изнурительная въ высшей степени, все это факты, извѣстные каждому и не подлежащіе сомнѣнію. Между тѣмъ золотопромышленники постоянно жалуются на рабочихъ, на ихъ наклонность къ побѣгамъ, къ лежанью въ больницахъ, къ неотработкѣ долговъ и т. д. Жалобы эти, конечно, справедливы, потому что подтверждаются фактами. Но съ вопросомъ о томъ: какимъ обра-

---

*) Всѣ статьи, писанныя не золотопромышленниками, согласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Замѣчательно еще, что всѣ, писавшіе въ послѣднее время о состояніи рабочихъ на пріискахъ, дѣлаютъ, почти единогласно, хорошій отзывъ только о содержаніи рабочихъ пищею. См. «Ирк. Губ. Вѣд.» 1859 г., «Амуръ» 1860 г. и журналъ «Промышленность» 1861 г., февраль и мартъ.

зомъ предупредить побѣги и другія неисправности рабочихъ, по нашему мнѣнію, неразрывно связанъ вопросъ и объ обращеніи съ рабочими, начиная съ наемки до окончанія работъ? Не составляютъ-ли побѣги и пр. необходимыхъ послѣдствій организаціи золотаго дѣла, поддерживаемой промышленниками, того порядка, которому они рутинно слѣдуютъ, не заботясь объ его улучшеніи? Съ Адама, всѣ любятъ сваливать свою вину на другихъ. Не то-ли и здѣсь? Конечно, рабочій худо дѣлаетъ, что бѣжитъ съ промысловъ, не отработавъ своего долга. Но прежде, чѣмъ принимать какія-либо мѣры, не мѣшало бы узнать: что заставляетъ рабочихъ бѣжать съ пріисковъ? Лѣность, скажете вы, потворство властей въ неуплатѣ долговъ рабочими... А кто развращаетъ эти власти при наймѣ рабочихъ? Кто подаетъ рабочимъ примѣръ бражничества, тунеядства и кое-чего еще похуже? Мы хотимъ, чтобы рабочій—поселенецъ большею частію — былъ образцомъ, не говоримъ честности, онъ честнѣе въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ кажется на взглядъ, а образцомъ терпѣнія, самоотверженія и рабской покорности. Между тѣмъ рабочій видитъ, что агенты золопромышленниковъ обманываютъ и правительство, и рабочихъ, и хозяевъ. Онъ видитъ, что онъ—волей-неволей—закабаленъ въ египетскую работу. И вотъ рабочій, наученный опытомъ людей высшихъ его по состоянію, деморализованный постояннымъ гнетомъ, изыскиваетъ средства избавиться отъ тягостнаго состоянія и — бѣжитъ. Бросайте въ него камень, вы, невидящіе въ своемъ глазѣ бревна! Земскія власти, говорите, потворствуютъ побѣгамъ. Правда; но, по нашему мнѣнію, они дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ болѣе добросовѣстно, чѣмъ при наймѣ рабочихъ; они искупаютъ послѣднимъ свои грѣхи...

Мы не защищаемъ рабочихъ; разумѣется, они виноваты. Виноваты и тѣ, кто потворствуетъ ихъ побѣгамъ и неуплатѣ долговъ. Мы только хотимъ представить дѣло, какъ оно есть, и предохранить отъ односторонняго увлеченія тѣхъ, до кого это касаться можетъ. Золотопромышленники имѣютъ сильный голосъ; они имѣютъ краснорѣчивыхъ адвокатовъ. У рабочихъ нѣтъ адвокатовъ,—одно указаніе настоящаго порядка дѣлъ можетъ отвратить отъ нихъ бѣду...»

Я читалъ въ слухъ, хозяинъ постоянно кивалъ головою утвердительно, Иванъ Ивановичъ иногда моталъ головою, иногда морщился, а всего больше придакивалъ:

— Да, да; вотъ что правда, то правда, ну, это, пожалуй, и не совсѣмъ такъ; а вотъ это какъ есть; ловко написано.

Къ чему въ этой выпискѣ относилось каждое изъ замѣчаній, я предоставляю разсудить спеціалистамъ; самъ же довольствуюсь обязанностью простаго разскащика.

— Позволите мнѣ списать эту статью?

— Къ чему же вамъ? Вѣдь вы ѣдете въ Иркутскъ, тамъ достанете, безъ всякаго затрудненія. Жаль, продолжалъ хозяинъ, что теперь дѣла редакціи, какъ слышно, что-то позамялись; говорятъ даже, что прекратится изданіе. Было бы досадно *).

Ложась спать, я былъ озадаченъ огоньками, мелькавшими на рѣкѣ Кіѣ. Изъ оконъ указанной мнѣ комнаты рѣка была видна.

— Что это? спросилъ я у старика-поселенца, жившаго въ домѣ и явившагося ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ.

— Гдѣ, на рѣкѣ, что ли? А, рыбу лучатъ, то есть: съ огнемъ бьютъ острогами.

— Можно посмотрѣть?

— Отчего же, я самъ допрежъ охотникъ былъ до рыбалки. Знакомые есть.

Спать хотѣлось сильно, но желаніе видѣть неизвѣстный мнѣ способъ рыбной ловли превозмогло, и мы со старикомъ отправились. Рѣка была тутъ же; подозвав-

---

*) Слухи эти подтвердились. Съ 1862 года газета «Амуръ» перестала выходить, и до сихъ поръ не возобновлялась.

ши одну изъ лодокъ, я попросилъ позволенія посмотрѣть; отказа не было; старикъ усѣлся съ нами, но сейчасъ же перебрался на другую лодку, и завладѣлъ острогою.

Лученье рыбы состоитъ вотъ въ чемъ: въ началѣ осени, когда вода въ рѣкахъ бываетъ особенно чиста и прозрачна, къ носу обыкновенной лодки придѣлываютъ желѣзную рѣшетку, на которой разводятъ огонь; жгутъ преимущественно сухіе сосновые корни, имѣющіе способность горѣть долго и жарко. Вода въ рѣкѣ освѣщается, при порядочной глубинѣ, до самаго дна, такъ-что видѣнъ каждый камушекъ, тѣмъ болѣе рыба. Одинъ изъ рыбаковъ сидитъ на кормѣ и правитъ; другой, вооруженный острогою, стоитъ на носу и смотритъ въ воду. Острога—что-то въ родѣ желѣзнаго гребня, съ зазубринами на каждомъ зубцѣ и прикрѣпленнаго къ длинной, легкой жерди. Замѣтивъ рыбу, *боецъ* даетъ знакъ *правчему* ѣхать тише, потомъ устанавливаетъ острогу надъ рыбою... ударъ—и острога вынимается изъ воды. Промахи случаются только у новичковъ и постоянно возбуждаютъ смѣхъ.

— Ты, баринъ, не хочешь ли попробовать? Это дѣло не хитрое.

Я взялъ въ руки острогу и закатилъ три промаха подъ рядъ.

— Ничего, баринъ, ты не робѣй! Оробѣешь—хуже, и дѣйствительно, мнѣ удалось зацѣпить рыбу фунта въ три вѣсомъ. Это былъ *ленокъ*; по моему, что-то среднее

между судакомъ и щукою. Въ зоологіи эту рыбу причисляютъ къ классу семговидныхъ (salmonei).

Доставивъ меня къ берегу, рыбаки проводили до квартиры и на-чисто отказались отъ *на водку*, но водки выпили; я ихъ поподчивалъ своею дорожною и за это долженъ былъ принять пойманнаго мною ленка. Старикъ вернулся только утромъ, и принесъ рыбы около пуда и все ленки. «Теперь на нихъ самая настоящая пора, ловъ значитъ», говорилъ онъ.

По вкусу, ленокъ рыба не очень важная; сибиряки его не уважаютъ; но ничего, ѣсть можно.

Вмѣсто предположеннаго «рано-рано утромъ,» мы, какъ водится, выѣхали послѣ полудня. Хозяинъ ни за что не хотѣлъ отпускать, не покормивши на дорогу *пельменями* *). Пельмени—блюдо чрезвычайно распространенное въ Сибири. На каждомъ базарѣ непремѣнно встрѣтишь торговокъ съ жаровнями, на которыхъ стоятъ котелки съ кипяткомъ. Потребитель назначаетъ число пельменей, торговка сейчасъ же спускаетъ ихъ въ кипятокъ и черезъ десять минутъ достаетъ уже сварившимися. Въ постные дни пельмени, вмѣсто мяса, начиняютъ рыбою. Пельмени въ особенности хороши для зимнихъ поѣздокъ. Въ этомъ я убѣдился собственнымъ опытомъ.

---

*) Пельменями, или, какъ ихъ называютъ иные, перменями называются обыкновенные вареники, съ тою разницею, что, вмѣсто творога, ихъ начиняютъ мясомъ или рыбою, и ѣдятъ не съ масломъ и смѣтаною, а съ уксусомъ. Сибирскими гастрономами обыкновенному уксусу предпочитается китайскій.

Черезъ рѣку Кію мы переправились скоро и хорошо. На Итатской станціи я удостовѣрился, что встрѣтившійся со мною почтальонъ сказалъ правду. Станціонный домъ дѣйствительно оказался двойникомъ видѣннаго мною прежде въ селѣ Камышевѣ. Точно также ни одного окна на улицу.

За Итатомъ съ нами встрѣтился тарантасъ, запряженный въ пять лошадей въ рядъ, который несся сломя голову. Завидя его издали, нашъ ямщикъ видимо оторопѣлъ и хотѣлъ сворачивать съ дороги.

— Куда ты, говорю я, съѣдемся, они подержутъ вправо и мы подержимъ влѣво.

— Нельзя, в. в., это, надо полагать, кульеры, звѣри они у насъ.

Мнѣ вспомнилась мятель графа Л. Н. Толстова.

— Да ты не тульскій ли?

— А? Тульскій, в. в.

Въ это время съ нами поровнялись кульеры, выставившіе 4 кулака на показъ, но сейчасъ же спрятавшіеся, замѣтивъ на мнѣ военную форму.

— Крапивинскаго уѣзда, слыхали можетъ, продолжалъ ямщикъ: «городъ Крапивна, жить въ немъ противно»...

— Какъ же ты попалъ сюда?

— По бродяжеству, значитъ, мы, выходитъ, были господскіе, ну и ушли; года никакъ три на Украйнѣ прожилъ, въ Одестѣ жили, въ Харьковѣ, оттеда съ хозяевами пріѣхалъ, а тамъ строгости большія начальство заводили.

— Давно это было?

— Да годовъ 20 будетъ. Взяли меня это въ часть, сижу я тамъ; добрый человѣкъ нашелся, спрашиваетъ: ты откуда, а я—такъ молъ и такъ. Ничего, говоритъ, назовись непомнящимъ. Я и послушался.

— Ну и что же?

— Черезъ годъ рѣшеніе вышло, постягали да сюда. Такъ вотъ и живу. Теперь въ крестьяне ужъ выписался, подати плачу, значитъ. Только изъ Сибири не могу, а по Сибири куда угодно. Запрету нѣтъ, по слободѣ значитъ.

— Это у тебя свои лошади?

— Гдѣ свои, хозяйскія. Мы въ работникахъ, значитъ. Мы то-есть и дома этимъ дѣломъ занимались и здѣсь тоже самое.

— Ну, а курьеры часто у васъ ѣздятъ?

— Это порою, когда съ однова, а когда и порѣже.

— Что же, сердиты?

— Есть всякіе, только теперь будто маленько и они посмирнѣй стали, а прежде — бѣда. Да нельзя и имъ тожъ: съ нихъ спрашиваютъ. Пріѣхалъ скоро, ну, сейчасъ ему льгота, а замѣшкалъ—шабашъ. Часы у насъ прописаны.

Дорога пошла по низменной лѣсной равнинѣ, грязь страшная; пришлось ѣхать шагомъ. Словоохотный ямщикъ, выпивши поднесенный мною стаканчикъ, сдѣлался еще разговорчивѣе, и началъ уже говорить мнѣ *ты*, вмѣсто в. в. Иванъ Ивановичъ, наизволившись пельменями, спалъ сномъ праведника.

— Ты, баринъ, вотъ что, я тебѣ разскажу оказію про кульера, а ты слушай. Годовъ съ десятокъ назадъ, коли не больше, жили мы за Ачинскимъ, городъ такой есть, недалече отселева, Красноярской губерніи *). Ну, везу я кульера, бѣдовый былъ, гвоздилъ всю дорогу. Одинъ ѣхалъ, а теперь изъ Иркутскаго города все ѣздятъ больше по двое. Ѣхалъ я важно, лошади были отмѣнныя и дорога ничего: тамъ дорога куда супротивъ здѣшней, потому ладятъ камнемъ безперечь. Ну, пріѣхали мы на станокъ; лошадей запрягли живо; въ перекладной ѣхалъ. Только что ему трогаться, глядь, тарантасъ бѣжитъ, проѣзжающій, изъ полковыхъ, и выходитъ этотъ проѣзжающій—этому самому кульеру благопріятель;сколько годовъ не видались. Ты, говоритъ, въ Расею, а я оттедова. Разговоръ у нихъ пошелъ, сейчасъ самоваръ, пуншты; проѣзжающій, надо полагать, ѣхалъ съ припасомъ. А насупроти станка, какъ разъ въ ту пору прилучилась женская партія, они туда; ну и пошелъ у нихъ такой машкарадъ—страсть. Цѣлыя сутки гуляли съ бабами, да съ дѣвками этими самыми. Ну, думали мы, этому кульеру пропадать, потому цѣлыя сутки. Да должно быть свое нагналъ, потому что назадъ ѣхалъ съ повышеніемъ, значитъ, заслужилъ. На всю партію въ ту пору, какъ гулялъ-то, далъ сколько денегъ; мнѣ

*) Сколько я могъ замѣтить, въ Сибири простой народъ Енисейскую губернію зоветъ по губернскому городу—Красноярскою, точно также, какъ всѣ солдаты называютъ Волынскую губернію, Житомірскою.

тоже, дай ему Богъ здоровья, сперва двугривенный, а потомъ цѣлковый.

— Ну, а кто лучше: фельдъегеря или курьеры?

— А какъ тебѣ сказать, фетъ-егерь тоже простой человѣкъ, присяжный; все одно какъ служивый; а кульеры изъ господъ. Фетъ-егеря, тѣ по-божески, развѣ гдѣ ему уваженія на счетъ прогону не сдѣлаютъ, да этого по здѣшней сторонѣ не слыхать, потому прогонъ дешевый, никто имъ не покорыствуется. Фетъ-егерь на станціи не проклажается: подоспѣлъ къ чаю—ладно, выпьетъ стаканчикъ, а чтобы самовары становить, этого николи. И что еще мнѣ въ примѣту: фетъ-егерь изъ Расеи поспѣшаетъ; а какъ поворачивается назадъ, ѣдетъ легче. А вотъ кульеры, тѣ не такъ. Какъ онъ изъ Иркутскаго, они все больше оттедова, гонитъ—Боже мой; а назадъ, такъ иной и заночуетъ на станціи, ей Богу, великое слово...

— А что до станціи далеко?

— Нѣтъ; сейчасъ, съ версту осталось...

Въ Богатолъ мы пріѣхали ночью. У Ивана Ивановича оказалась цѣлая куча знакомыхъ и дѣлъ столько же.

— Останемтесь ночевать здѣсь.

— А завтра опять по прежнему—рано, рано...

— Нѣтъ; если я къ 10 часамъ утра не покончу своихъ дѣлъ, тогда поѣзжайте безъ меня.

— Пожалуй.

Проловивши чуть не до свѣта рыбу, я былъ не прочь соснуть, тѣмъ больше, что почтовая станція въ Богатолѣ помѣщена въ отличномъ домѣ. На другой день

Иванъ Ивановичъ явился не въ 10 часовъ, а гораздо раньше, и явился ужасно не въ духѣ. Мы сейчасъ же отправились.

— Что это вы, Иванъ Ивановичъ, точно сердитесь?

— Да какъ же не сердиться? Впрочемъ, чего другаго ждать отъ этого народа, отъ этакихъ варначьихъ выродковъ?..

— Кого вы это такъ честите?

— Кого? Извѣстно здѣшнихъ подлецовъ.

— Вѣрно должны, да не платятъ?

— Это бы еще ничего, а то прячутся. Отъ перваго до послѣдняго—всѣхъ дома нѣтъ... Цѣлое село противное!

Спутникъ мой, увлекшись, забылъ, что за день передъ бранью онъ самъ расхваливалъ Богатоль, на чемъ свѣтъ стоитъ. Дѣйствительно, Богатоль, по внѣшнему виду, величинѣ и постройкамъ, лучше многихъ уѣздныхъ городовъ, почему и считается первымъ селомъ въ Сибири. Благосостоянію Богатоли во многомъ способствовало сосѣдство бывшаго казеннаго винокуреннаго, богатольскаго завода. На этомъ заводѣ, точно также какъ на всѣхъ казенныхъ сибирскихъ, работали ссыльно-каторжные, изъ которыхъ, само собою, многіе, отбывши свои сроки, приписывались тутъ же. Все это—дѣла уже прошлаго, впрочемъ, не очень давняго.

Сосѣдство и, пожалуй, нѣкоторое свойство Богатоли съ бывшимъ заводомъ, дало поводъ моему разсерженному спутнику выругать своихъ неисправныхъ должниковъ варначьими выродками, конечно, за глаза.

— Вѣдь какъ божились! Ну да и самъ дуракъ: за-

чѣмъ вѣрилъ. Впередъ буду умнѣе. Будь ты мнѣ первѣйшій другъ,—гроша мѣднаго не дамъ.

— Это вы, Иванъ Ивановичъ, въ первый разъ зарокъ кладете, или случалось?

— Кой чортъ въ первый, я думаю, въ сотый, если не больше.

Отъ Богатоли до Ачинска большая дорога проложена по лѣвому берегу рѣки Чулыма, бывшей когда-то судоходною. Барки грузились въ Ачинскѣ и сплавлялись въ Обь. Теперь объ этихъ сплавахъ нѣтъ и помина. Чрезвычайно извилистое теченіе рѣки значительно удлинняло путь, и было единственною причиною сперва ослабленія, а потомъ окончательнаго уничтоженія судоходства *).

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Краснорѣченскаго, послѣдней станціи Томской губерніи, оканчивается Западная Сибирь и начинается Восточная. Для ѣдущаго по почтовому тракту переходъ очень рѣзокъ: грунтовая дорога разомъ превращается въ шоссе, которое не пользуется этимъ титуломъ, вѣроятно потому, что не вытянута въ струну, а главное, не снабжена черезъ каждыя сто саженей маленькими столбиками: 1, 2, 3, и 4. Не знаю, легко ли было жителямъ 6-ти округовъ: Ачинскаго, Красноярскаго и Каинскаго Енисейской губерніи, Нижнеудинскаго, Балаганскаго и Иркутскаго—Иркутской, при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи, по-

---

*) Отъ Ачинска до Томска сухимъ путемъ 388 верстъ; водою же насчитываютъ 1,500.

строить дорогу въ тысячу верстъ (24 версты передъ Ачинскимъ, 166 отъ Ачинска до Красноярска и 1,003 отъ Красноярска до Иркутска, всего 1,193) въ видѣ натуральной повинности, но ѣхать по этой дорогѣ отлично. Исколесивши большую часть Европейской Россіи, въ разныхъ направленіяхъ, я никакъ не умѣю придумать ни въ одной губерніи 6-ти уѣздовъ, которые были бы въ состояніи, безъ видимаго отягощенія, произвести на свой счетъ подобное сооруженіе. А Сибиряки ничего, кряхтѣли, говорятъ, даже сильно кряхтѣли, но выдержали. Такой ужъ народъ здоровый.

Верстахъ въ 16-ти отъ Ачинска мы въѣхали въ большое село, вытянутое вдоль большой дороги.

— Ямщикъ! какое это село?

— Это не село.

— Что же это—слобода?

— Нѣтъ, это не слобода, это казацкая станица. Оно все одно, что село, только живутъ не крестьяне, а казаки; потому такое и прозвище, Бѣлоярская станица. Суды здѣсь не причемъ, потому свое начальство есть. Станокъ (почтовую станцію) у нихъ заводить хотятъ, *) потому для насъ перегонъ великъ. 30 верстъ, легкое ли дѣло! Особливо когда по веснѣ, бѣда просто.

— Отъ чего же? Дорога здѣсь отличная...

— Чего дорога, на переправѣ мучимся, въ ину пору въ сутки не оборотишься. Этотъ самый Чулымъ

*) Уже заведенъ.

бѣдовый, такой верченый что и-и. Вотъ тебѣ, къ примѣру село Назарово отъ Ачинскова по дорогѣ 25 верстъ, ну 30, а по рѣкѣ два ста.

— Пожалуй, меньше.

— Но это наврядъ, по водѣ точно не мѣряли, а все меньше не будетъ, а пожалуй больше.

Ну вотъ мы подъѣхали къ Чулыму, рѣка какъ рѣка; въ Европейской Россіи считалась бы въ числѣ большихъ, въ Сибири—средственная. Течетъ быстро, вода чистая. Это была первая переправа въ Восточной Сибири. Въ Западной перевозятъ даромъ всѣхъ, здѣсь только казенную надобность. На берегу стоитъ столбъ съ таксою, что стоитъ перевезти пѣшаго, что—коннаго. Такса эта не безъ курьезовъ; можетъ быть я и ошибаюсь, только мнѣ показалось курьезнымъ, почему съ воза, нагруженнаго товаромъ, дозволено взимать $1/2$ копейки съ пуда, что составляетъ отъ 12 до 15 съ телѣги, и тутъ же за карету 4 копейки. Можетъ быть потому, что телѣги являются ежедневно, а кареты изрѣдка. Сборомъ перевозной платы завѣдуетъ сынъ Израиля, полюбопытствовавшій посмотрѣть мою подорожную, и тутъ же скривившійся, усмотрѣвъ, что оная украшена двумя печатями. Переправились мы скоро и хорошо. Паромъ, по сибирски *карбасъ*, ни что иное, какъ плотъ съ приподнятыми кормою и носомъ; боковыхъ перилъ не полагается. Спутникъ мой, обругавши богатальцовъ, молчалъ всю дорогу.

— Иванъ Ивановичъ! началъ я, для васъ я ноче-

валъ два раза, а теперь попрошу васъ подождать, если хотите, меня въ Ачинскѣ.

— А вамъ здѣсь что? тоже долги получать?

— Нѣтъ, но у меня здѣсь есть старый товарищъ. Не видались съ 1842 года, онъ здѣсь служитъ.

— А кто такой?

— Ш—цъ Ка—чь.

— Иванъ Демьяновичъ. Да, это можно сказать, мой другъ и пріятель (Иванъ Ивановичъ оживился). Да его нѣтъ уже здѣсь; мѣсяца три-четыре, какъ онъ отправился въ Е. исправлять должность окружнаго стряпчаго.

— Это вы знаете навѣрное?

— Еще бы! Я вамъ говорю, что онъ—мой пріятель, благодѣтель, если хотите. Рѣдкій человѣкъ Иванъ Демьяновичъ! сколько лѣтъ служитъ въ Сибири, гроша нѣтъ за душою. Такихъ вы здѣсь не много встрѣтите. Душа человѣкъ; за то языкъ—хуже моего. Я ругатель, а онъ.... такъ не приведи Господи! Мало того, что обругаетъ на словахъ; на бумагѣ напишетъ, ей Богу! Да вотъ что: поживите дней пять, шесть въ Красноярскѣ, да и махнемъ въ Е. Мнѣ кстати тамъ есть дѣло.

Предложеніе было соблазнительно, но я устоялъ, о чемъ и теперь еще жалѣю. Въ Восточную Сибирь дозволяется ѣхать полгода, а я добрался въ три мѣсяца.

Ивану Ивановичу въ Ачинскѣ счастье улыбнулось: онъ *накрылъ*, по собственному выраженію, одного изъ главныхъ своихъ богатольскихъ должниковъ, и такъ удачно, что получилъ большую часть своего долга.

Ачинскъ городокъ бѣдный, худо обстроенный, и, кажется, имѣетъ значеніе только административное?

Между Ачинскимъ и станціею Черноръченскою, на дорогѣ, встрѣтилось село, построенное совершенно не по сибирски. Прямая улица вдоль дороги, въ серединѣ расширяется, и образуетъ площадь, въ видѣ прямаго четыреугольника; старые и полуразрушенные дома построены по одному фасону: каждый въ 4 окна съ крытымъ крыльцомъ по серединѣ.

— Иванъ Ивановичъ! какое это село?

— Тарутино.

— Вѣроятно, есть и Бородино?

— А какъ же, есть, только дальше за Красноярскомъ и также построено.

— Что же это такое?

— Вотъ видите: назадъ тому лѣтъ тридцать слишкомъ, когда я только-что пріѣхалъ изъ Россіи, здѣсь былъ главнымъ начальникомъ нѣкто Л.......й. Пришло ему въ голову пристроить хорошенько поселенцевъ, то есть ссыльныхъ. Вотъ онъ и давай строить деревни и дома по особому калиберу. Въ каждомъ домѣ, какъ видите, четыре окна на улицу и по четыре такихъ же на дворъ. Съ крыльца прямо корридоръ, въ которомъ четыре двери, двѣ на право и двѣ на лѣво. Въ каждомъ домѣ поселили по четыре семьи. Можете себѣ представить, что изъ этого вышло. Народъ сборный: кто, какъ говорится, съ дубка, кто съ сосенки, а иной чуть не съ висѣлицы. Пока эти поселенцы жили въ старыхъ деревняхъ, вмѣстѣ съ коренными сибир-

скими, все шло довольно ладно; а какъ собрали да поселили ихъ особнякомъ, — пошла потѣха: ссоры, драки, воровства, грабежи, убійство, ну, да чего хочешь, того просишь. Вотъ это Тарутино, которое мы проѣхали, и теперь еще пользуется самою нехорошею славою, и, кажется, не даромъ. Кромѣ Бородина и Тарутино, есть еще деревни: Степаново, Елизаветина и Лавинское. Всѣ такія же. Рѣдко, рѣдко, кто изъ жителей въ этихъ деревняхъ живетъ порядочно, а большая часть бѣдуетъ. Много ихъ также разбѣжалось, особенно въ началѣ, когда чистота въ домахъ требовалась. Со временемъ, конечно, все обойдется; дѣти и внуки теперешнихъ голышей будутъ жить какъ слѣдуетъ. Вы вѣрно замѣтили, что есть уже нѣсколько домовъ некалиберныхъ; лѣтъ черезъ 20, всѣ будутъ такіе же.

До Красноярска, слѣдовательно и до Енисея, оставалось верстъ 80, когда мы переправились черезъ рѣчку Большой Кемчугъ.

— Какъ вы думаете, куда впадаетъ эта рѣка? спросилъ мой спутникъ.

— Конечно, въ Енисей.

— Нѣтъ,—въ Чулымъ, слѣдовательно въ Обь. Въ этихъ мѣстахъ, съ лѣвой стороны, въ Енисей текутъ только небольшіе ручейки. Да вотъ отъ Енисейска всего верстъ 80 до Маковскаго острога; а острогъ построенъ на рѣкѣ Кети, впадающей въ Обь. Это и во всѣхъ географіяхъ написано.

— Какъ же, помню, мы въ гимназіи даже пѣвали

хоромъ: Томъ, Чулымъ, Кеть. Вахъ! Выходило очень не дурно.

Верстахъ въ 30 отъ Красноярска лѣсъ прекращается и являются волнистыя равнины. Послѣдняя станція находится въ селѣ Заледѣевѣ, которое тянется верстъ на пять. Это самое длинное село въ Сибири.

Въ Красноярскъ мы въѣхали ночью.

ОТЪ КРАСНОЯРСКА ДО БИРЮСЫ.

Красноярскъ мнѣ показался однимъ изъ самыхъ плохихъ губернскихъ городовъ въ Имперіи, а я ихъ пересмотрѣлъ изрядное количество (въ Европейской Россіи всѣ, кромѣ Архангельска и Астрахани). По моему мнѣнію, хуже всѣхъ Черниговъ, а Красноярскъ, ей Богу, не лучше Чернигова. За то Красноярскъ, не смотря на свой сравнительно юный возрастъ, видалъ такіе виды, какіе и во-снѣ не снились Чернигову, какъ извѣстно, одному изъ древнѣйшихъ городовъ нашего пространнаго государства. Дѣло въ томъ, что въ Красноярскѣ, очень не давно, помѣщался центръ золотопромышленности; правильнѣе золотопромышленниковъ. Всѣ эти Атколики, Удерси, Мурожныя и проч. проч. проч. имѣютъ честь и счастіе протекать въ предѣлахъ Енисейской губерніи. Вышепрописанныя рѣки, говорятъ, уже промыты до тла, и если осталось золота, то самая малость. Но кто же мѣшаетъ найти новыя? «Ищите и обрящете.» И ищутъ, хотя далеко не такъ усердно, какъ искали прежде, когда золотое дѣло было въ особой модѣ.

— Да, было времячко! говорятъ одни, вздыхая.

— Слава Богу, что прошло! говорятъ другіе, тоже

со вздохомъ. Слышалъ я также, что въ это присно-памятное время, каждый господинъ, считавшій себя въ разрядѣ порядочныхъ (въ смыслѣ comme il faut), полагалъ за непремѣнное и неизбѣжное условіе, принимать участіе въ золотопромышленности, будь то хотя на словахъ. Увѣряли меня, что тогда самыя тончайшія русскія дамы снисходили не только до лицезрѣнія, но даже до дружескихъ разговоровъ съ разными диковидными Сизыхъ, Бѣлыхъ, Черныхъ, короче *первостатейныхъ* *). При чемъ отечественный языкъ въ устахъ прелестныхъ созданій коверкался нещадно и безъ милосердія. Конечно, разговоръ пересыпался французскими восклицаніями, въ родѣ: «Mon Dieu! Quelle pays!! Quelle richesse!!! но это дѣлалось для отдохновенія, или, лучше сказать, для перевода духа. Этою модой, говорятъ, пользовались только одни первостатейные. Всѣ же остальные, большею частію, вылетѣли въ трубу. Оно и подѣломъ: не берись не за свое дѣло.

Но какъ бы то ни было, золотопромышленность сильно способствовала оживленію Енисейской губерніи. Явились люди, явились потребности. Капиталы пришли въ движеніе, начали перемѣщаться. Многіе нули сдѣлались милліонами. Были и милліоны (увы!), обратившіеся въ количества меньшія нулей, то есть, въ неоплатно-отрицательныя. Послѣднее даже очень скверно: спускай свое какъ знаешь и какъ хочешь, но растрата

».

чужаго, для опредѣленія которой придумано цѣлое собраніе, чуть не лексиконъ, разныхъ мягкихъ и деликатныхъ выраженій, въ сущности есть едва ли не гнуснѣйшій видъ воровства. Одна безнаказанность (въ большой части случаевъ), чего стоитъ.

Золотая лихорадка (febris aurea) свирѣпствовала нѣсколько лѣтъ къ ряду. Это была болѣзнь быстрая: отъ нея скоро умирали, за то скоро и выздоравливали. Но, къ несчастію, лихорадку усложнило другое бѣдствіе рода человѣческаго, которое я предлагаю назвать mania juris posessionis, иначе страсть къ тяжбамъ, о владѣніи, завладѣніи и невладѣніи пріисками.

О золотой лихорадкѣ давнымъ-давно нѣтъ и помину, за то процессы тянутся безъ конца. Старые не умираютъ, молодые рождаются! Любопытно было бы узнать во что обошлись золотопромышленникамъ судебныя издержки, какъ явныя, такъ и секретныя? Конечно это на всегда останется покрыто мракомъ неизвѣстности, но несомнѣнно, что цифра была бы весьма, и даже весьма почтенная. Эдакъ, въ родѣ тѣхъ, какія являются при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ на значительномъ протяженіи.

Въ Красноярскѣ я пробылъ недолго. Иванъ Ивановичъ исчезъ, какъ только мы пріѣхали, и больше не показывался. Оставшись безъ руководителя, рано утромъ я пошелъ бродить по городу, какъ говорится, куда глаза глядятъ. Первый предметъ, на который я обратилъ вниманіе, былъ храмъ Таліи и Мельпомены, по просту деревянный театръ, такъ-называемой амбарной архитек-

туры. Въ день моего пребыванія въ Красноярскѣ спектакля не было, но я слышалъ, что труппа еле держится, отъ недостатка въ посѣтителяхъ. Впрочемъ это не новость, по крайней мѣрѣ я до сихъ поръ не видалъ ни одного города (кромѣ Харькова), въ которомъ бы театръ могъ существовать собственными средствами. Главнымъ источникомъ театральныхъ субсидій въ Европейской Россіи бывали откупа; кто же меценатствовалъ въ Сибири, право не знаю.

Выйдя на главную улицу, на одномъ изъ магазиновъ, со всякою всячиною, я прочиталъ надпись крупными буквами: *иркутскія папиросы.*

Признаюсь, это меня заинтересовало. Прилагательныя французскія, англійскія, с.-петербургскія, московскія, даже одесскія, мнѣ какъ и всякому случалось встрѣчать на вывѣскахъ не разъ, но эпитетъ «иркутскія» былъ совершенною новостью.

Вхожу. Магазинъ какъ магазинъ. Сидѣлецъ, не знаю кто онъ, хозяинъ или приказчикъ, красивый молодецъ, съ вывертомъ, что было легко замѣтить по первому движенію, встрѣтилъ меня обычнымъ вопросомъ, только выраженнымъ въ другомъ видѣ. Вмѣсто стереотипнаго «что покупаете-съ?», я услышалъ:

— Что изволите-съ?

— Есть у васъ иркутскія папиросы?

— Въ лучшемъ видѣ-съ. Какихъ прикажете, есть всякія: Пестерева, Калугина, Марцинкевича....

Названо было еще нѣсколько фамилій, но у меня въ памяти остались только три первыя.

— Развѣ въ Иркутскѣ такъ много папиросныхъ фабрикъ? спросилъ я.

— Болѣе тридцати съ вывѣсками, а есть и безъ вывѣсокъ; о тѣхъ не умѣю доложить...

— И хороши?

— Много превосходятъ всякія...

— А какъ цѣна?

— Самая подходящая; можно сказать незначительная.

— Я взялъ по десятку папиросъ каждой изъ названныхъ выше фабрикъ, и всѣ папиросы оказались отличными. Дешевизна меня изумила. Сотня крупныхъ, чисто сдѣланныхъ папиросъ, насыпанныхъ прекраснымъ турецкимъ табакомъ, стоила всего рубль серебромъ. При этомъ необходимо припомнить, что табакъ долженъ сдѣлать не менѣе 7 тысячъ верстъ отъ любаго изъ черноморскихъ портовъ до Иркутска, потомъ, превратившись въ папиросы, возвратиться въ Красноярскъ, что составляетъ еще тысячу. И послѣ всѣхъ этихъ странствованій, побывавши во многихъ рукахъ, которыя всѣ пользовались, товаръ въ розничной продажѣ идетъ по петербургскимъ цѣнамъ. Изъ этого обстоятельства я вывелъ заключеніе, что русскіе табачные торговцы берутъ огромнѣйшіе барыши, такъ какъ нельзя допустить, чтобы сибирскіе торговали въ убытокъ; точно также какъ нельзя думать, чтобы иркутскія папиросныя фабрики существовали на основаніи теоріи искусства для искусства.

— Больше ничего не прикажите?

— Ничего.

— Покорнѣйше благодарю. Вы, надобно полагать, изъ Россіи? Проѣздомъ?

— Да, я отъ туда.

— Изволили ѣхать черезъ Нижній, въ самую макарьевскую?

— Да, я прожилъ въ Нижнемъ болѣе недѣли и выѣхалъ 12-го августа.

— Значитъ въ самый, такъ-сказать, развалъ. Говорятъ, тамъ строгости большія пошли, опять на счетъ военнаго положенія.

Въ 1862 году въ концѣ августа и началѣ сентября въ Сибири ходили слухи, что въ Нижнемъ ужасъ что такое. Что поджигателей ловятъ чуть не на каждомъ шагу, судятъ военнымъ судомъ, разстрѣливаютъ, вѣшаютъ и т. д., и мнѣ стоило большаго труда разувѣрять въ противномъ. Я говорилъ, основываясь на томъ, что видѣлъ и слышалъ, что порядка противъ прежняго несравненно больше; что полиція сдѣлалась гораздо лучше и вѣжливѣе; что даже казацкія нагайки стали употребляться только для понуканья лошадей. Говоря все это, я былъ убѣжденъ въ томъ, что масса сибирскихъ торговцевъ, возвращающихся съ ярмарки, подтвердитъ вполнѣ мои слова. Ждать приходилось недолго. Во второй половинѣ сентября, большая часть сибирскаго купечества уже дома; а съ возвращеніемъ всѣ нелѣпые толки и слухи должны были по необходимости разсѣяться.

— Стало быть выходитъ, надо быть безъ сумлѣнія.

— Полагаю, что такъ.

— Чаю, сахару, свѣчъ стеариновыхъ не прикажете-съ?

— А почемъ свѣчи?

— 35 за фунтъ, братьевъ Крестовниковыхъ.

— А сахаръ?

— Гауфъ. Въ одной цѣнѣ-съ. Въ Иркутскомъ много дороже. Совѣтую купить.

Выйдя изъ магазина, я направился вдоль по улицѣ, и дошелъ до городскаго сада, то есть березовой рощи, съ прямыми дорожками, на самомъ берегу Енисея. Нѣсколько сибирскихъ кедровъ, замѣченныхъ мною въ саду, вслѣдствіе своей юности, выглядывали весьма жалостно.

Возвращаясь изъ сада, я прошелъ мимо стараго (въ буквальномъ смыслѣ) острога, частоколъ котораго, вѣроятно, давно уже грозитъ разрушеніемъ, впрочемъ, готовъ и новый острогъ, весьма величественный, казенной архитектуры.

Караулы въ Красноярскѣ содержитъ енисейскій конный казачій полкъ, выставляющій команды на этапы съ самаго Ачинска.

Разговаривая съ арестантами, я узналъ, что для нихъ въ Восточной Сибири «много свободнѣе, чѣмъ за Ачинскомъ», т. е. въ Западной, «а супротивъ Россіи такъ никакого сравненія», что казаки прелюбезный народъ и поступаютъ по-божески, ну и опять господъ этапныхъ офицеровъ не впримѣръ меньше *), что од-

*) Въ Западной Сибири, какъ и вездѣ въ Россіи, на каждомъ

нимъ худо, на счетъ подаянія скуднѣе, а вся харчевка куда дороже.

Не знаю почему, присужденные къ каторжнымъ работамъ по 3-му разряду, т. е. на заводы, большею частію предпочитаютъ оставаться въ Енисейской губерніи, вмѣсто того, чтобы слѣдовать въ Иркутскую.

— Отъ чего же это? Вѣдь работа таже, сроки тѣже? спрашивалъ я.

— Оно точно, все одно; да все будто маленько поближе.

— Да вѣдь отбывши срокъ, надобно оставаться въ Сибири навсегда?

— Кто знаетъ! А какъ, Богъ дастъ, милость какая выйдетъ.

Впрочемъ, такъ поэтизируютъ новички «перваки», а старые бродяги, что называется травленные волки, тѣмъ «все одно». Но это неправда, они рисуются, иначе чѣмъ же объяснить смѣны, то есть мѣнянье именами, а слѣдовательно и мѣстомъ каторги, за что платятся иногда порядочныя деньги, кромѣ личной, точнѣе спинной отвѣтственности, въ случаѣ открытія подлога *).

этапѣ находится офицеръ, а въ Восточной офицеры только по городамъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ, гдѣ устроены больницы.

*) За это по закону, кажется, опредѣлено 100 розогъ, что, конечно, составляетъ вздоръ для людей, которымъ влѣпливали «сколько влезетъ» по благоусмотрѣнію. Замѣчу къ этому, что казенныя розги далеко не такъ добросовѣстно отпускались и отщитывались, какъ тѣ, которыми надѣляли по усмотрѣнію начальства, въ особен-

Гостинница Амуръ, въ которой я остановился, показалась мнѣ довольно порядочною; по крайней мѣрѣ, она несравненно лучше, во всѣхъ отношеніяхъ, томскаго Мыса Доброй Надежды.

Обѣдая въ гостинницѣ, мнѣ пришлось выслушать разсказъ о похожденіяхъ нѣкотораго господина, жаль что позабылъ фамилію.

Сей доблій мужъ, занимая гдѣ-то въ Сибири довольно видное мѣсто, якобы отличался непомѣрнымъ пристрастіемъ къ *заплечному мастерству*, и потому всегда и неуклонно присутствовалъ при наказаніяхъ плетьми. Какъ знатокъ и цѣнитель и вмѣстѣ съ тѣмъ лице, власть имѣющее, онъ собственноручно жаловалъ палачамъ по рублю, если отъ перваго удара брызгала кровь изъ спины наказуемаго, а если нѣтъ, то экзекуція пріостанавливалась и ей подвергался самъ заплечный мастеръ; но это надобно полагать выдумка, и мнѣ просто не хочется вѣрить въ существованіе подобнаго людоѣда, точно такъ же какъ мнѣ показался сочиненнымъ читанный мною, гдѣ-то въ печати, разсказъ о сибирскомъ городничемъ давняго (не тѣмъ будь помянуто) времени, который будто-бы послѣ губернаторской ревизіи ѣздилъ по городу на дерзнувшихъ подать жалобу, признанною неосновательною.

ности когда оно присутствовало персонально, или, что еще сердитѣе, посылало усерднаго и расторопнаго подчиненнаго. Умѣньемъ хорошо высѣчь иные даже хвастали (вспомните «Портретъ» Гоголя). Непонятное для насъ выраженіе: отодрать на *всѣ четыре корки*, когда-то пользовалось правомъ гражданства въ языкѣ.

Быстро я проѣхалъ, на отличныхъ почтовыхъ лошадяхъ, десятокъ верстъ отъ города до переправы черезъ Енисей. Мѣстность ровная, дорога прелесть; но подлетѣвши къ берегу ровно четыре часа пришлось оставаться въ пріятномъ ожиданіи парома.

Обозовъ, крестьянъ и проѣзжающихъ на берегу столпилось порядочное количество, по словамъ, иные ждали уже больше сутокъ.

Задержка произошла отъ того, что изъ 4-хъ паромовъ, 3 стояли у противуположнаго берега, въ ожиданіи пріѣзда какой-то значительной особы; вся же остальная публика должна была, для переѣздовъ сѣмо и овамо, довольствоваться однимъ. Правда было еще, кажется, два карбаса вольныхъ, но они подрядились перевозить длиннѣйшій конный обозъ, и кромѣ того, на каждомъ нельзя было поставить болѣе 3 повозокъ. Такъ покрайней мѣрѣ мнѣ разсказывали ожидавшіе переправы. Вслѣдъ за мною подъѣхалъ къ берегу еще обозъ съ желѣзомъ, слѣдовавшимъ изъ Томска въ Иркутскъ. Обозъ этотъ былъ безконный; подрядчикъ слѣдовавшій при обозѣ взялъ за доставку по 3 руб. 30 к. съ пуда; цѣна хорошая, если принимать въ соображеніе только длину пути 1,500 верстъ, изъ которыхъ больше тысячи, какъ я уже замѣтилъ выше, отличнаго шоссе.

По словамъ подрядчика у него должно остаться гривенъ по шести съ пуда, а то какъ Богъ дастъ.

— Потому насчетъ кормовъ, по здѣшнему мѣсту,

тяжело. Ѣзда большая, опять пріиски, а присѣвы малы; для того народу мало.

Отъ подрядчика же, который былъ родомъ изъ Александровскаго винокуреннаго завода (верстъ 70 отъ Иркутска), я узналъ, что если не все, то почти все желѣзо, для Восточной Сибири, получается съ уральскихъ заводовъ.

— А что же казенные сибирскіе заводы напр., Петровскій или Николаевскій? спросилъ я.

— Да что, извѣстно казенные. Каторжные работаютъ, значитъ.

— А вольные заводы есть?

— Не слыхалъ что-то, однако кажись нѣтъ.

Въ нашъ разговоръ вмѣшался, такъ же какъ и всѣ мы, ожидавшій парома, по всѣмъ примѣтамъ, поселенецъ, если не изъ благородныхъ, то *приказнаго званія.* По его словамъ, около Енисейска выдѣлываютъ на ручныхъ горнахъ немного желѣза, самаго посредственнаго качества, не смотря на то, что руда отличная, богатая, а лѣсу—сколько душа пожелаетъ.

— Отчего же тамъ не устраиваютъ заводовъ?

— Отчего? Съ маленькимъ капиталомъ за это дѣло не возьмешься, а съ большимъ нѣтъ охотниковъ. Значительные капиталы по здѣшней странѣ всего больше идутъ либо на золотое дѣло, либо на торговлю. Станутъ ли они желѣзомъ заниматься?...

— Стали бы, замѣтилъ подрядчикъ, да здѣсь на счетъ рабочихъ затрудненіе большое, гдѣ ихъ возьмешь?

— Гдѣ возьмешь? Да вотъ на пріиски же идутъ?

— Пріиски другое дѣло. Къ нимъ привычку взяли, а желѣзо по новости. Оно, конечно, все отъ первоначала, да начинать-то никому не хочется.

Ожиданіе переправы, гдѣ бы то ни было, штука пренепріятная, въ этомъ ссылаюсь на всѣхъ, кому случалось находиться въ подобномъ положеніи, но ожиданіе на лѣвомъ берегу Енисея — худшее изъ другихъ. Почти вездѣ и всюду, въ мѣстахъ ожиданія, или по крайней мѣрѣ гдѣ-нибудь по сосѣдству, существуютъ деревни, постоялые дворы, шинки, корчмы и тому подобное, а здѣсь ровно ничего. Легко вообразить, что испытываютъ весною и осенью люди и лошади, которымъ приходится оставаться, по суткамъ и больше, на открытомъ воздухѣ. Русскій человѣкъ, къ западу отъ Урала, въ такихъ случаяхъ, говоритъ: «Сибирь и шабашъ»; но въ Сибири толкуютъ иначе.

— Однако, паря, не ладно?...

— Однако, паря, къ примѣру, нонись (въ прошломъ году), какъ есть, три дня стояли...

— Однако, кое-мѣсто (гдѣ)?

— Однако, ето самое...

Еще я замѣтилъ, что русскій человѣкъ, въ случаяхъ переправной невзгоды, любитъ пошумѣть, поругаться; надобно же на чемъ-нибудь сердце сорвать, такъ или иначе, но онъ заявляетъ протестъ, конечно, безполезный. Сибиряки, въ этомъ случаѣ, несравненно послѣдоавтельнѣе. Зная очень хорошо, что плетью обуха не перебьешь, они и не пытаются. Пришлось ждать,

ну и ждетъ, завернувшись въ тулупъ, азямъ, или что на немъ будетъ надѣто. Онъ это дѣлаетъ со стоицизмомъ Юлія Цезаря, даже выше. Цезарь въ самый критическій моментъ своей жизни не удержался, чтобы не крикнуть: «И ты туда же, скотина» (Tu quoque Brute!), а Сибирякъ—развѣ что плюнетъ.

Желая облегчить скуку ожиданія, я пустился въ разспросы о рыбной ловлѣ, что на берегу большой рѣки было совершенно кстати. Мнѣ сообщили, что не только около Красноярска, но и выше къ Минусѣ, и ниже къ Енисейску, рыбы «самая малость». Много же ея за Турахансκомъ, а ближе къ морю «страсть сколько».

— Однако, по зимѣ изъ Томска навозятъ; для того—ближе, замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Ну, а раки есть? спросилъ я.

— Каки-таки раки?

— Извѣстно, какіе, сказалъ поселенецъ, здѣсь о ракахъ и не слыхивали. Судаковъ, лещей и сазановъ тоже нѣтъ. А вотъ налимы бываютъ, по пуду и больше.

— Это точно что бываютъ...

— А нѣтъ, братцы мои, рыбы скуснѣе омуля, вмѣшался подрядчикъ.

Большинство расхохоталось...

— Сейчасъ видать иркутскаго.

— У нихъ, ваше высокоблагородіе, въ Иркутскомъ, на великъ день омулемъ разгавливаются, сказалъ мой ямщикъ.

— Лишняго не бреши! У насъ всякой говядины достаточное число. А на счетъ омуля, я вашему высокоблагородію доложу, рыба отмѣнная. Пріѣдете, Богъ дастъ, въ Иркутскъ, попробуйте. Особливо селенга, оно тоже омуль, только пожирнѣе—первая рыбица въ свѣтѣ. Такъ селенги и вспрашивайте. Особливо которая хозяйскаго засола...

— Я этому вѣрю, но неужели въ Красноярскъ привозятъ рыбу изъ Томска?

— Это вѣрно. Да не только сюда, къ намъ, въ Иркутскъ привозятъ, дивно привозятъ.

Наконецъ показался паромъ.

— Ну теперь скоро!—Это кому какъ, послышались голоса.

Паромъ присталъ къ берегу; кромѣ моей повозки, можно было еще поставить пять или шесть, но перевозчики не хотѣли пускать и пустили только тогда, когда я изобразилъ изъ себя нѣчто въ родѣ «полиціи внѣ полиціи». По моей протекціи попалъ и поселенецъ.

Достойно замѣчанія, что перевозчики, ругавшіеся съ крестьянами на чемъ свѣтъ стоитъ, какъ только отчалили отъ берега, сейчасъ же съ ними поладили и пошелъ вполнѣ дружескій разговоръ. Крестьяне вызвались помогать, и мы переправились очень скоро.

Енисей, въ мѣстѣ переправы, течетъ быстро; вода прозрачная, дно каменистое, значительной глубины нѣтъ, такъ мнѣ говорили перевозчики.

На правомъ берегу раскинуто довольно большое и порядочно обстроенное село Березовское, за которымъ, послѣ нѣсколькихъ верстъ безлѣсной равнины, начинается отлогій *тянигузъ*, т. е. подъемъ. Глазъ, уже привыкшій постоянно видѣть пашни только клочками, пріятно поражается цѣлымъ воздѣланнымъ полемъ. Хлѣбъ весь стоялъ въ копнахъ, и, судя по густой постановкѣ, урожай долженъ быть отличный.

— Бога гнѣвить нечего. Однако, зерномъ будто скудно, а ничего. Тѣснота у насъ здѣсь: народу прибавляется. Глянько-сь, все, какъ есть, роспахано; а до-прежъ куда было просторно.

Оно и теперь еще черезчуръ просторно.

— Лѣсомъ мы тоже здѣсь обижены, говорятъ крестьяне въ окрестностяхъ Красноярска.

— Легко ли дѣло, поѣзжай верстъ за тридцать, бѣда!..

Такъ жалуются люди, у которыхъ земли и лѣсу вдоволь; впрочемъ, гдѣ и когда люди не жалуются?

Не помню, откуда я сохранилъ въ памяти латинское двустишіе, желавшее изобразить Польшу:

Paradisus nobilorum,
Et infernus rusticorum!

то есть:

Рай дворянства,
Адъ крестьянства!

Относительно Сибири стихи эти примѣняются иначе: каково здѣсь для дворянства—не знаю, да мудрено и знать, по неимѣнію этого сословія (дворянство служебное, т. е. чиновники въ счетъ идти не могутъ). Что

же касается до крестьянъ, то обще-извѣстное мечтаніе добраго короля Генриха IV о томъ, чтобы каждый изъ его подданныхъ могъ имѣть ежедневно курицу въ супѣ, въ большей части сибирскихъ деревень могло бы осуществиться, если бы Сибиряки не предпочитали *всякую говодяну* куриному мясу.

— Что въ немъ: трава травою. Гусь или вотъ, къ примѣру, утица, ну это ничего, а что курица? что въ ней? Больше для яицъ, да для чиновниковъ и держимъ.

На первой отъ Красноярска станціи, Ботойской, я встрѣтилъ затрудненіе, испытанное мною въ первый разъ въ жизни. Пріѣхалъ я поздно вечеромъ: почтовыхъ лошадей, по случаю ожиданія особы, мною уже упомянутой, не давали ни кому, ихъ мѣсто заступили обывательскія, которыя, впрочемъ, ни сколько не хуже почтовыхъ. Но дѣло въ томъ, что моя повозка была дышловая, по-сибирски «въ одну оглоблю». Крестьяне, временно исполнявшіе должность почтовыхъ ямщиковъ, положительно отказывались запрягать лошадей «по новому», то есть въ дышло.

Крикъ поднялся страшный: пошли споры, совѣщанія, и все это окончилось содѣйствіемъ привезшаго меня ямщика, показавшаго «какъ слѣдуетъ быть». Когда лошади были запряжены, ихъ хозяинъ объявилъ положительно и на-отрѣзъ, что не поѣдетъ «ни за Боже мой».

— Для того, первое дѣло, съ роду не ѣздили и опять супроти ночи.

Ямщикъ убѣждалъ и доказывалъ, что ѣзда съ дышломъ «прелюбезное дѣло», и что трудности никакой нѣтъ, и что чиновникъ, т. е. я, самый смирный.

Началось другое совѣщаніе; хозяинъ лошадей уступалъ слѣдовавшіе ему прогоны желающему везти меня. Наконецъ, желающій отыскался, но только при содѣйствіи завѣдующаго почтовою станціею.

Къ моему счастію, особа встрѣтилась со мною невдалекѣ отъ Ботойской, и дальше я ѣхалъ уже на почтовыхъ.

На другой день по выѣздѣ изъ Ботойской, къ обѣду, я доѣхалъ до села Рыбнаго, лучшаго изъ селъ, какія я до сихъ поръ встрѣчалъ въ Восточной Сибири. Не останавливаясь на почтовой станціи, помѣщенной на самомъ въѣздѣ, я направился въ средину села, въ которомъ есть такіе крестьянскіе дома, что могли бы фигурировать въ любомъ уѣздномъ городѣ. Правда, что такихъ домовъ не очень много, но есть. Какъ разъ напротивъ дома, въ который я заѣхалъ, красовалась хорошая и правильно написанная вывѣска, гласившая: «Вольная продажа хлѣбнаго вина». Слово *вольная* въ краѣ, состоящемъ на откупномъ положеніи, меня нѣсколько озадачило. Я пустился въ разспросы и узналъ слѣдующее: Откупъ, не имѣя права увеличивать число кабаковъ, виноватъ—питейныхъ домовъ, въ Восточной Сибири, схлопоталъ разрѣшеніе устраивать мѣста для вольной продажи, якобы для удобства жителей. Вольная продажа de jure производилась лицомъ, покупавшимъ у откупа водку оптомъ и торговавшимъ въ розницу; de

facto, это былъ обыкновенный кабакъ, только невходившій въ нормальное число сихъ увеселительныхъ заведеній. Оно и хорошо: и приличіе соблюдено, и человѣкъ не обиженъ.

Заглянувъ дорогою въ нѣсколько кабаковъ въ Сибири, какъ въ Западной, такъ и въ Восточной, я замѣтилъ между ними такую разницу: въ Западной—кабаки точь-въ-точь наши великороссійскіе, т. е. въ нихъ есть и бальзамы, и ратафіи, и ерофеичи, и горькія и сладкія; въ Восточной всѣ спеціальности по боку, полугаръ и кончено; исключенія допускались только въ городахъ, да и то не во всѣхъ, въ чемъ я имѣлъ случай удостовѣриться.

Выѣзжая изъ Томска, я купилъ для дороги превосходнаго бальзама тамошняго откупа; взялъ я немного, предполагая, что подобный продуктъ можно получить всюду. Запаса моего хватило ровно до Нижнеудинска. Посылаю купить, говорятъ нѣтъ, развѣ достанете въ конторѣ у управляющаго. Иду къ управляющему. Такъ и такъ, говорю, отпустите. Извините, говоритъ, у насъ въ продажѣ только простая, но отличная.—Какое отличная, гадость, воняетъ.—Это справедливо, говоритъ, но на счетъ крѣпости.—Да бѣсъ съ нею, съ вашею крѣпостью.—Развѣ вотъ что: у меня есть рябиновка собственно для себя, я могу уступить—только немного.

Конецъ концовъ, я получилъ отъ управляющаго двѣ бутылки превосходной рябиновки, за которую съ меня онъ не хотѣлъ брать и не взялъ ни копейки. Но я слишкомъ забѣжалъ впередъ. Въ Рыбномъ я въ первый разъ въ жизни увидалъ рабочихъ, возвращавшихся съ

пріисковъ. Это былъ народъ бравый, видный, развитой и большею частью отлично одѣтый, познакомился я съ ними въ вольной продажѣ. Передъ моимъ приходомъ я слышалъ пѣсню на голосъ:

За горами, за долами
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ въ ровень стать, и т. д.

Нѣсколько словъ, которыя было можно разобрать, заставили меня вслушиваться внимательнѣе. Когда я вошелъ въ просторную горницу со штофами и штофиками на полкахъ, пѣніе смолкло.

— Здравствуйте, братцы! Вы откуда?

— Съ пріисковъ, в. в.

— Отчего же вы замолчали? пойте себѣ на здоровье.

Пѣсня не начиналась. Нечего дѣлать, покупаю штофъ, пью самъ и подчую. Дѣло пошло веселѣе. Пѣсню по моей просьбѣ повторили. Приводя ее, я ожидаю обвиненій въ сочинительствѣ, но даю честное слово, что она невыдуманная; хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ составленіи участвовали сильно грамотныя личности, а ихъ на пріискахъ не занимать стать. Вотъ эта пѣсня:

Молодцы отъ М........а
Съ молодцами Г...........а
Въ кабачкѣ сошлись.
Они малость говорили,
Очень много водки пили,
Ну и подрались.
Подрались и помирились,
Опосля развеселились:
Стали пѣсни пѣть.
Мы по собственной охотѣ
Были въ каторжной работѣ
Во большой тайгѣ.

Тамъ пески мы промывали,
Людямъ золото искали:
Себѣ не нашли.
Пріисковые порядки
Для однихъ хозяевъ сладки,
А для насъ—бѣда:
Какъ исправникъ съ левизоромъ
По тайгѣ пойдутъ дозоромъ,
Ну, тогда смотри!
Иной съ пьяну, иной съ дуру,
Такъ тебѣ отлудятъ шкуру,
Что только держись!
Тамъ шутить не любятъ шутки:
Тамъ работали мы въ сутки,
Двадцать-два-часа!
Щи хлѣбали съ тухлымъ мясомъ,
Запивали жидкимъ квасомъ,
Мутною водой.
А бывало хлѣба корка
Станетъ въ горлѣ какъ распорка,
Ничѣмъ не пропхнешь.
Много денегъ намъ сулили,
Только малость получили:
Вычетъ одолѣлъ.
Что за бродни, что за трубку,
Что за полы къ полушубку
Что за табачекъ
Выпьемъ, что ли, на остатки,
Поберемъ опять задатки,
Да опять въ тайгу.

Въ Рыбномъ меня накормили отличнымъ обѣдомъ; блюдъ было ровно 8, и взяли за это только полтину серебромъ. Для постоялаго двора цѣна высокая, по мнѣнію обѣдавшихъ тутъ же извощиковъ. Значительное число блюдъ объяснялось присутствіемъ въ селѣ рабочихъ, между которыми многіе не прочь полакомиться.

— А ужъ какіе привередники, замѣтила хозяйка, просто страсть, все-то перебираютъ: и то дескать не хорошо, и то не ладно; давай что ни есть самаго лучшаго. Разъ одинъ, и вся-то ему цѣна грошъ, командуетъ: не хочу чаю, давай кохію, а онъ и пить-то его не умѣетъ. Куражъ одинъ: больше ничего.

— Ну, а тебѣ что? отозвался одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ извощиковъ: ты свое, что слѣдуетъ, получай и толковать нечего.

— Да не объ этомъ, продолжала хозяйка, а то къ примѣру неладно. Теперь какихъ они изъ себя богачей представляютъ, а какъ прогуляютъ все до чиста, Христа ради кусокъ хлѣба выпрашиваютъ, а иной разъ нехорошими дѣлами станутъ заниматься. Ишъ, вонъ, что выдѣлываютъ. Хозяйка посмотрѣла въ окно, я сдѣлалъ тоже.

На улицѣ, между постоялымъ дворомъ и вольною продажею, мои знакомые пѣвцы образовали оркестръ изъ 3-хъ гармоній и балалайки, и подъ звуки самаго разухабистаго трепака двое валяли въ присядку...

Слѣдующую за рыбнымъ станцію я узналъ бы, не заглядывая въ почтовый дорожникъ—до того у меня сохранилось въ памяти расположеніе Тарутина: это было Бородино. Тѣже дома, таже бѣдность и почти такая же репутація жителей. Было уже совсѣмъ темно, когда я выѣхалъ изъ Большеудинской, послѣдней станціи передъ городомъ Канскомъ. Привыкши уже къ отличной дорогѣ Восточной Сибири, я былъ непріятно пораженъ (къ хорошему, какъ извѣстно, привычка пріобрѣтается очень

скоро) ямами, выбоинами и прочими прелестями грунтовыхъ дорогъ.

— Ямщикъ, ты вѣрно сбился?

— Никакъ нѣтъ. Это городская земля пошла, отъ того и дорога нелаженная. Теперь еще слава Богу, а весною проѣзду не было, Хоть пропадай! Мы для того вашей чести четверикъ заложили.

Дѣйствительно меня везли на 4-хъ лошадяхъ, чего я, признаюсь, не замѣтилъ отправляясь со станціи.

— А переправа будетъ?

— Будетъ, только за городомъ.

Въ Канскѣ почтовая станція помѣщается въ одномъ домѣ съ почтовою конторою, что я нахожу чрезвычайно удобнымъ.

Въ городѣ я встрѣтился съ Иркутскою почтой, и почтмейстеръ, занятый разборкою, предложилъ мнѣ ночевать, на что я согласился и очень дурно сдѣлалъ, потому что во время ночлега меня объѣхало нѣсколько проѣзжающихъ и прошла московская почта, забиравшая до 30 лошадей, а ихъ по комплекту положено имѣть всего 20; слѣдовательно, сутки пропали. Положимъ, что торопиться мнѣ было не къ чему, но я уже сдѣлалъ, считая отъ Харькова съ заѣздомъ въ Петербургъ, болѣе шести тысячъ верстъ, и потому дорога начинала надоѣдать уже порядочно.

Рѣка Канъ, черезъ которую я переправлялся невдалекѣ отъ города, довольно большая, но по ней, кажется, нѣтъ никакого судоходства.

При выѣздѣ изъ Канска, мнѣ совѣтовали не торо-

питься, на томъ основаніи, что черезъ нѣсколько станцій я догоню объѣхавшую меня почту, и тогда, все равно придется сидѣть на станціи.

Это случилось. Перекладка огромныхъ тяжелыхъ чемодановъ, при каждой перемѣнѣ лошадей, отымаетъ пропасть времени, въ особенности ночью. Почталіонъ, сопровождавшій почту, сообщилъ мнѣ, что сзади слѣдуетъ другая, на шести повозкахъ, и должна придти черезъ нѣсколько часовъ.

— Отчего у васъ такія большія отправки? спросилъ я.

— Да вотъ, видите, московская почта, должна приходить ежедневно, а это рѣдко случается, иной разъ нѣтъ цѣлую недѣлю, а весною и осенью, даже больше. До Тюмени, почти всегда, кромѣ распутицы, идутъ правильно, а дальше начинается путаница. Видѣли, какія тамъ дороги. Къ Омску уже столпляется почты по двѣ и по три заразъ, а про Томскъ и говорить нечего: одна Бараба чего стоитъ!

— Съ чѣмъ это у васъ такіе тяжелые чемоданы?

— Съ серебромъ. Это все въ Кяхту, я везу около полутораста пудовъ, а бываетъ и больше.

— Что же, вещи или деньги?

— Это прежде вещи посылали, а теперь все деньги, только не русскія. Да и какія это были вещи? Напримѣръ, подносъ въ два пуда, совершенно гладкій, или такіе же подсвѣчники.

Для читателей, мало знакомыхъ съ кяхтинскою торговлей, я постараюсь объяснить, что такое были эти колоссальные подносы и подсвѣчники.

Дѣло въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по просьбѣ нашего купечества, было дозволено, для вымѣна чаевъ, допускать серебро, но не иначе, какъ въ издѣліяхъ. Слитки же и монета были запрещены по прежнему. Вотъ и явились издѣлія очень крупныхъ размѣровъ. Теперь уже разрѣшена и монета, но такъ какъ своего серебра въ оборотѣ у насъ чрезвычайно мало, то стали покупать его за границею. Замѣчу при этомъ, что до послѣдней перемѣны почтовой таксы, почтовое вѣдомство, взымая по 12 руб. съ пуда, отъ Вержболова до Кяхты, не только не имѣло выгодъ, но даже несло убытокъ *).

Зная, что почтовыхъ лошадей нѣтъ, я вздумалъ нанять вольныхъ, но оказалось, что подобный наемъ, такъ обыкновенный и выгодный въ Западной Сибири, въ Восточной почти невозможенъ.

Платить отъ 3 до 5 рублей за станцію, т. е. въ пятеро дороже прогоновъ, не много найдется охотниковъ.

Дѣлать нечего, пришлось прибѣгнуть къ обыкновенному утѣшителю странствующихъ, на станціяхъ сидящихъ и лошадей чающихъ — самовару.

Сидя за самоваромъ, для препровожденія времени, я пустился въ размышленіе на тему: «Великъ Богъ русской земли», а такъ какъ я сидѣлъ на почтовой

---

*) Прогоны отъ Москвы до Иркутска на три лошади 324 рубля, а вѣсовыхъ за 25 пудовъ 300 руб., на тройку же болѣе 25 пудовъ класть не полагается. Слѣдовательно, отъ Вержболова до Москвы почтовое вѣдомство возило на свой счетъ, а потомъ еще немного приплачивало.

станцій, то мои размышленія приняли исключительно почтовый характеръ.

Вообразите себѣ дремучій лѣсъ и въ немъ одинокій домъ—это станція *). Завѣдываетъ ею писарь, очень часто сосланный за что нибудь не хорошее. Между ямщиками тоже встрѣчаются люди, лишенные всѣхъ правъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ. Весною и лѣтомъ по дорогѣ снуютъ разные каторжники; между почталіонами попадаются изрѣдка такіе, которыхъ перекладываютъ съ одной повозки на другую, и при подобной обстановкѣ перевозятся огромныя суммы звонкою монетою, и все цѣло.

Разговаривая и распрашивая на станціяхъ, по всему тракту отъ Тюмени до Иркутска, я слышалъ только объ одномъ случаѣ пропажи, кажется, 6-ти тысячъ рублей, но это случилось между Омскомъ и Томскомъ **), слѣдовательно, въ Западной Сибири, гдѣ безъ сравненія гораздо меньше всякаго штрафованнаго народа. А если онъ и есть, то штрафы не самые забористые.

Прибавлю къ этому, что цѣлость и сохранность составляютъ принадлежность, или лучше сказать, приви-

---

*) Впрочемъ такихъ станцій я замѣтилъ только двѣ; всѣ же остальныя въ деревняхъ и селеніяхъ, между жителями которыхъ всегда много ссыльныхъ.

**) Объ этой пропажѣ я слышалъ такъ: число чемодановъ и сумокъ было вѣрно, но одну перемѣнили и вмѣсто серебра очутилась глина, уложенная въ форменную сумку. Подлогъ открыли въ Томскѣ.

легію только почтовыхъ кладей; что же касается до провозимыхъ товаровъ, а въ особенности «на счетъ чая» — статья особая.

Срѣзываніе *мѣстъ*, т. е. цыбиковъ, во многихъ мѣстахъ доведено до степени художествъ, бывали случаи исчезновенія цѣлыхъ возовъ, и какъ въ воду. Не знаю, правда ли, но мнѣ разсказывали, что во-дни-оны бывали якобы такія оказіи.

Хорошіе мастера слѣдуютъ въ арестантской партіи. Пришли они на ночлегъ или дневку, и снаряжается экспедиція; конечно, не безъ вѣдома лицъ, хотя самыхъ незначительныхъ, и при непремѣнномъ содѣйствіи мѣстныхъ жителей. Предпріятіе обдумывается, устроевается засада и потомъ... потомъ ничего, развѣ что на нѣсколько дней (глядя по количеству пріобрѣтенія) цѣнность чая уменьшается во всей деревнѣ.

Странное дѣло! отчего такъ часто встрѣчаются люди безукоризненной честности, которые ни за что въ свѣтѣ не украдутъ и не возмутъ чужаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ не откажутся купить за рубль вещь, очевидно стоющую три?...

Почтовыя станціи въ Сибири, кромѣ нѣкоторыхъ городовъ, всѣ вообще содержатся крестьянами. Расчетъ дѣлается на пары, но это не значитъ вовсе, что получающій отъ казны плату на пару, выставляетъ всего двѣ лошади. Нѣтъ, онъ ихъ выставляетъ сколько у него есть во дворѣ, или, правильнѣе, сколько потребуется, и потому въ Западной Сибири, гдѣ крестьяне держатъ

лошадей по многу, задержекъ не бываетъ *). Городъ Томскъ въ этомъ случаѣ составляетъ исключеніе.

Въ Восточной Сибири у крестьянъ, большею частію, лошадей меньше, чѣмъ въ Западной, и лошади дороже; почтъ-содержатели (по-сибирски подрядчики) противъ комплекта выпускаютъ въ гонъ вдвое, и даже больше, но ихъ запасы исчерпаемы, потому что между мѣстными жителями, не связанными условіемъ съ казною, возить за прогоны не встрѣчается желающихъ.

Вблизи послѣдняго села Енисейской губерніи, Конторскаго, течетъ рѣка Бирюса, за которою начинается Иркутская губернія.

---

*) Возвращаясь въ Россію, я выѣхалъ изъ Омска въ самомъ началѣ Ирбитской ярмарки, и не смотря на огромный разгонъ, въ особенности между Тюкалинскомъ и Ялутуровскомъ, число желающихъ везти далеко превышало число ѣдущихъ, и отъ Омска до Шадринска я только разъ показывалъ свою подорожную, потому что постоянно ѣхалъ на вольныхъ. Мнѣ вездѣ запрягали тройку, но брали прогоны только за пару. Замѣчу кстати, что прогоны въ Сибири остались прежніе, т. е. $1^1/_2$ коп. на лошадь за версту, и дешевая ѣзда на вольныхъ возможна только при хорошей дорогѣ, что, какъ извѣстно, не всегда случается. Напримѣръ, при возвращеніи съ Нижегородской ярмарки въ 1863 году, вслѣдствіе страшнѣйшей грязи, купцы платили отъ 8 до 13 рублей за станцію.

ОТЪ БИРЮСЫ ДО ИРКУТСКА.

I.

Рѣка Бирюса, отдѣляющая, на довольно значительномъ протяженіи, Канскій округъ, Енисейской губерніи, отъ Нижнеудинскаго, Иркутской, по народному опредѣленію, вытекаетъ изъ Бѣлогорья, изъ котораго, какъ я слышалъ послѣ, берутъ начало всѣ рѣки вплоть до самаго Иркутска. Въ географіяхъ, топографіяхъ, и другихъ графіяхъ, о Бѣлогорьи не упоминается, за то въ нихъ есть, между прочими, Уральскія и Саянскія горы, о которыхъ мѣстные жители (исключая книжниковъ) даже не слыхивали. По системѣ Бирюсы существуютъ золотые пріиски, но, кажется, не очень богатые. Рѣка въ мѣстѣ переправы довольно порядочная и течотъ быстро.

Вспомнивши Семена Склярова, говорившаго мнѣ, что сейчасъ за Бирюсою станутъ попадаться бродяги, я предложилъ перевозщикамъ вопросъ такого рода:

— А что, братцы, часто у васъ тутъ проходятъ бродяги?

— Сюда на карбасъ мало кто идетъ, а все по выше, на плотикахъ переправляются. Бываетъ, что и пропадаютъ, а то, какъ Богъ дастъ, и ничего, благополучно.

— А вы развѣ ихъ не перевозите?

— Не приказано намъ, запрещеніе такое есть...

— Ну, а все таки...

— Это точно, что иной разъ ночью, и перемахнемъ. Богъ съ ними.

— А сегодня были?

— Что-то не въ примѣту. Да вотъ въ кустикахъ должно быть одинъ. Перевозщикъ указалъ на правый берегъ рѣки, къ которому мы приближались.

— Почему же ты знаешь, что это непременно бродяга?

— Какъ ихняго брата не распознать? малый ребенокъ узнаетъ... Прячется, надо полагать в. в. испугался. Эй ты, почтенный, не бойся, подходи ближе. Подходи-же, говорятъ тебѣ!

Когда мы пристали къ берегу, робко подходилъ человѣкъ, до того жалкій, блѣдный, испитой, оборванный, что, мнѣ кажется, самое архиполицейское сердце сжалилось бы. Привыкши постоянно по дорогѣ встрѣчать народъ бравый — противуположность была чрезвычайно рѣзкая.

— Несчастный, какъ есть, самый, настоящій несчастный!..

— Этому далѣко не уйдти, — заговорили перевозщики.

Удѣливши часть своего дорожнаго запаса, я спросилъ: кто и откуда?

Бродяга отвѣчалъ мнѣ, что онъ ушолъ не изъ завода, а съ № амурской станицы, гдѣ былъ приписанъ

въ *сынки* къ одному козачьему семейству, а прежде былъ солдатомъ, въ № гарнизонномъ батальонѣ; родомъ изъ Ярославской губерніи; послѣднее, судя по выговору, была правда.

— Куда же ты пробираешься?

— Самъ незнаю, в. в. А что на счотъ манифеста ничего не слышно?

— Не знаю, я не слыхалъ.

Чѣмъ-то съ бѣднякомъ кончится.

Всего вѣроятнѣе назовется «Иваномъ непомнящимъ» или «Степаномъ безъ отчества», и угодитъ на заводъ года на два.

Село Бирюсинское или, какъ чаще его называютъ, Бирюса, довольно обширное. Въ немъ, какъ въ городѣ, есть этапный офицеръ и больница съ лекаремъ.

— Дорога по Нижнеудинскому округу гораздо хуже, чѣмъ по Канскому, что происходитъ отъ чрезвычайнаго рѣдкаго населенія перваго. Впрочемъ, такъ было въ 1862 г., а теперь вѣроятно дорога такая же.

Не вдалекѣ отъ станціи начинается дремучій лѣсъ, только и видишь: стѣна направо и стѣна налѣва.

Подъемы и спуски, крутые и частые, какъ будто напоминають, что горы не за горами, а близко. Проѣзжая по краю одного оврага, круто поворачивающаго отъ дороги къ югу, открываются цѣпи возвышенностей одна надъ другою, и все это покрыто дремучимъ лѣсомъ.

На первыхъ трехъ станціяхъ за Бирюсою, откуда я выѣхалъ вполдень, до вѣчера я встрѣтилъ счотомъ

шестерыхъ бродягъ, т. е., я съ шестью разговаривалъ, а ихъ вѣрно было больше.

Осенніе бродяги народъ не мудреный, такъ—*шатуны*, которые большей частію сами являются въ остроги, но не вездѣ ихъ принимаютъ, совѣтуя подружески убираться къ чорту, или къ его маменькѣ.

— Было тепло, такъ небось, не являлся; а вотъ стало похолоднѣй—пришолъ. Тутъ и безъ тебя тѣсно, проваливай дальше...

— В. б., явите божескую милость, пріймите!

— Убирайся, говорятъ тебѣ по русски!..

Бродяга чешетъ въ затылкѣ и убирается.

О всемъ этомъ я слышалъ, точно также, какъ и о томъ, что при встрѣчѣ съ арестантскими партіями, бродяги рѣдко сворачиваютъ въ сторону; конвой ихъ не трогаетъ, а между арестантами всегда можно найдти если не родственниковъ и земляковъ, то непремѣнно общихъ знакомыхъ. Арестанты на бродягъ смотрятъ съучастьемъ, и, чему я вполнѣ вѣрю, подаютъ милостыню, не только хлѣбомъ, но и платьемъ, обувью, даже деньгами. Замѣчательно, что арестанты, называемые въ Сибири повсемѣстно несчастными, этимъ прилагательвымъ сами надѣляютъ бродягъ, т. е. признаютъ ихъ обществѣнное положеніе хуже своего, и привсемъ томъ рѣдкій бродяга по доброй волѣ пойдетъ въ арестанты и рѣдкій арестантъ откажется уйдти при первой возможности. Побѣги изъ партіи весьма легки, но ихъ не много, они воспрещены правилами товарищества: одинъ уйдетъ—за остальными

будутъ смотрѣть строже, конвойные подвергнутся отвѣтственности, станутъ взыскательнѣе; слѣдовательно, сдѣлается хуже цѣлому обществу. Вотъ почему на пути удираютъ или самые отпѣтые негодяи, или бѣжитъ разомъ большинство, какъ это было незадолго передъ моимъ проѣздомъ въ Ачинскѣ. Уйдти съ завода, статья особая; за побѣгъ не отвѣчаетъ ни начальство, ни таварищество; слѣдовательно—скатертью дорога. Удерживать не будутъ, пожалуй, еще новичка снабдятъ вѣрнымъ, подробнымъ и обстоятельнымъ маршрутомъ, не отказавши въ посильной помощи хлѣбнымъ запасомъ, безъ котораго изъ Забайкалья, т. е. съ каторжныхъ рудниковъ, не проберешься «ни за Боже мой».

Голодъ заставляетъ бродягъ, при проходѣ черезъ бурятскіе, забайкальскіе волости, прибѣгать къ грабежамъ и похищеніямъ, за которыми всегда слѣдуетъ страшная расплата. Буряты ихъ стрѣляютъ какъ бѣлокъ, именно какъ бѣлокъ, говоря, что платье бродяги, какъ бы плохо ни было, все же стоитъ больше гривенника (цѣна бѣличьей шкурки).

Сытый бродяга никого не тронетъ, ну и его не трогаютъ. При уходѣ изъ Кары, Шехталы, Акутуя, Казаковскаго пріиска и другихъ мѣстъ вѣдомства Нерчинскаго Горнаго округа, бродягамъ предстоитъ длинный и голодный переходъ по Забайкалью. У Байкала два пути: или черезъ озеро, или около Култука, т. е. западной его оконечности. Первымъ путемъ идутъ люди самые рѣшительные и предпріимчивые; подойдя къ Байкалу, имъ необходимо переправится черезъ страшно бурное

и бездонное озеро, которое, говорятъ, сердится и топитъ тѣхъ, кто его не величаетъ моремъ. Впрочемъ въ Сибири никто и не называетъ его озеромъ. Даже одна изъ большихъ улицъ Иркутска, теперь Амурская, прежде именовалась Заморскою. Слова: море, на морѣ, изъ моря въ Иркутскѣ слышны на всякомъ шагу. Послѣ страшной переправы черезъ Байкалъ есть два пути: сухой и мокрый. Первый правѣе или лѣвѣе Иркутска, по безлюднымъ крутымъ горамъ; второй по Ангарѣ, мимо города, по этой рѣкѣ внизъ до Енисея, а тамъ— куда хочешь; но для этого пути нужна лодка, а гдѣ ее взять? и потому рискуютъ на плотикахъ. Путь около Култука, кромѣ голода въ безлюдьи, представляетъ другую опасность: безчисленное количество мѣлкихъ переправъ, черезъ глубокіе и необыкновенно быстрые горные потоки. Слѣдующіе по этому пути, минуютъ Иркутскъ, и выходятъ на большую дорогу, по сю сторону Мальты, оставляя городъ въ ста верстахъ, или около того, вправо. Единственный путь изъ Сибири въ Россію, по Иркутской губерніи, составляетъ почтовая дорога. Уклонится въ сторону не куда и поэтому бродяги по необходимости слѣдуютъ этимъ путемъ, причемъ люди робкіе бредутъ лѣсомъ или въ него прячутся, заслышавши колокольчикъ; народъ-же откровенный, идетъ начистоту. Бродяги очень часто для переправы черезъ рѣки, отходятъ въ сторону отъ большой дороги и переплываютъ на плотикахъ, если есть топоръ (а это бываетъ рѣдко). Плотикъ сооружается скоро и прочно, а если топора нѣтъ, сбираютъ нѣсколько толстыхъ, сухихъ

вѣтвей или обгорѣлыхъ бревенъ и изъ этихъ матеріаловъ устраивается плотъ, для связки котораго употребляются ивовые или лозовые прутья, ихъ размочаливаютъ, мнутъ, гнутъ и потомъ связываютъ бревна.

Переправа на плотикахъ не всегда бываетъ удачною, многіе тонутъ. Съ бродягами-мужчинами изрѣдка слѣдуютъ бродяги-женщины. Послѣднихъ въ рудники не ссылаютъ, а только на заводы, увеличивая сроки работъ. Какъ мнѣ сказывали знающіе люди, участь бродягъ-женщинъ оканчивается большею частью, весьма плачевно. Пристроившись къ двумъ, тремъ или болѣе мужчинамъ, женщина неизбѣжно вноситъ съ собою раздоръ, для прекращенія котораго опредѣляютъ уничтожить причину, короче—ее топятъ, или вѣшаютъ. Въ обществѣ бродягъ, женщины считаются чуть ли не вещами, и потому ихъ покупаютъ, продаютъ и разыгрываютъ. И не смотря на это, являются охотницы!

Выбравшись въ Енисейскую губернію, бродяги могутъ сворачивать въ какую угодно сторону, и пробираться окольными путями. Красноярскъ всегда стараются миновать и перебираются черезъ Енисей, выше или ниже города. Тоже самое дѣлается въ Томской губерніи, съ тою разницею, что Томскъ не обходятъ, а потому тамъ ежегодно многихъ ловятъ. Уцѣлѣвшіе, изъ земли Бергаловъ, стараются попасть въ волости принадлежащіе къ Чанскимъ озерамъ, гдѣ есть возможность перезимовать. Слѣдующею весною кое-кто направляется къ югу, въ киргизскія степи, гдѣ инымъ, подъ именемъ «чалы казаковъ», удается свѣковать. Но большая часть устрем-

ляется къ сѣверу,—Омскъ обходятъ. Переправа чрезъ Иртышъ производится ниже города, гдѣ и по лѣснѣе и по глуше. Самымъ опаснымъ мѣстомъ считаются Уральскіе заводы, гдѣ на бродягъ предпринимаютъ настоящія облавы, чѣмъ занимаются даже мальчики, дѣти заводскихъ крестьянъ и рабочихъ. При этомъ замѣчательно, что нигдѣ не подается такой щедрой и обильной милостыни тѣмъ же бродягамъ, когда они пойманы, или когда они слѣдуютъ въ арестантскихъ партіяхъ, какъ на уральскихъ заводахъ. Самымъ безопаснымъ путемъ считаютъ дорогу отъ Тюмени, черезъ Туринскъ на Верхотурье и далѣе, по сѣверной полосѣ Вологодской губерніи, но по этому пути бродяги ходить не любятъ, говорятъ, что тамъ и холодно и голодно.

Обѣтованною строною считаются берега Камы, ниже Перми, гдѣ будто бы въ иное время легко пристроиться въ бурлаки и сойдти на низъ, или куда угодно. Мнѣ говорили объ одномъ извѣстномъ бродягѣ, носящемъ въ острожномъ мірѣ названіе громобоя, который перепробовалъ всѣ пути и побывалъ чуть ли не на всѣхъ заводахъ.

По словамъ Б. А. Милютина, читавшаго въ Иркутскѣ публичныя лекціи «*пенитиціарной* системѣ» къ первому Января 1863 года, всѣхъ бѣглыхъ съ заводовъ считалось до 6 тысячъ, но въ дѣйствительности ихъ гораздо меньше. На вопросъ почему: отвѣтъ будетъ состоять въ слѣдующемъ: положимъ, съ Иркутскаго солевареннаго завода уходитъ Иванъ непомнящій; его ловятъ и онъ, подъ именемъ Сидора Соловьева, попадаетъ

въ Устькутскій, откуда бѣжитъ точно также; опять ловятъ, слѣды клеймъ, отлично выводимые на рукѣ, остаются на лопаткѣ; но Сидоръ Соловьевъ, назвавшись Карпомъ Орловымъ, твердо стоитъ на своемъ и слѣдуетъ на Петровскій желѣзодѣлательный заводъ: это уже въ Забайкальи. Еще побѣгъ и Орловъ, превратившись въ Соколова, уже очутится на Карѣ. Онъ и там не задержится, уйдетъ и пропадетъ безъ вѣсти. Такимъ образомъ, вмѣсто одного Ваньки непомнящаго, по вѣдомостямъ, окажется цѣлыхъ четыре личности, а есть художники умножившееся на число гораздо большее, меня увѣряли, что бывали такіе случаи. Ванька, послѣ нѣсколькихъ побѣговъ, попадетъ на тотъ самый заводъ, гдѣ онъ уже былъ прежде, гдѣ его всѣ знаютъ, и куда онъ является съ новымъ именемъ. Въ дѣйствительности онъ какой нибудь Дормидонъ Поликарповичъ Трехсвятительскій, изъ духовнаго званія, или Петръ Николаевъ, сынъ Николаевъ, изъ кантонистовъ; два вѣдомства, изъ которыхъ встрѣчаются чаще всего настоящія доки. Цѣлому заводу извѣстно, что Дормидонъ или Петръ былъ у нихъ Ванькою, а теперь явился Лукою, но никто не станетъ, да и нѣтъ надобности, уличать его.

Все одно—человѣкъ, глядишь остепенится и будетъ жить какъ слѣдуетъ; такіе примѣры бывали...

Есть и будутъ.

Сколько мнѣ случалось разузнавать, разспрашивать и у самихъ бродягъ, и у людей близко съ ними знакомыхъ, чрезвычайно рѣдкій, уходя съ завода, запасается паспортомъ, конечно фальшивымъ, не смотря на то, что

въ заводахъ нѣтъ недостатка ни въ рѣзчикахъ печатей, ни въ граверахъ, которые не только дѣлывали на своемъ вѣку фальшивые документы, но даже не безъ успѣха упражнялись въ поддѣлываніи кредитныхъ билетовъ. Отчего бы это? Знающіе люди увѣряли меня (но это, кажется, слишкомъ), что иные обстоятельные бродяги носятъ съ собой кандалы русскаго издѣлія, легкіе и между тѣмъ чрезвычайно крѣпкіе. Это дѣлается будто бы, для избѣжанія непріятности, носить въ случаѣ поимки желѣзные конскіе путы, въ которые заковываютъ подозрительныхъ людей въ деревняхъ. Впрочемъ кандалы бываютъ у весьма немногихъ, но за то подкандальники почти у каждаго. Въ этомъ я удостовѣрился непосредственно.

Было уже совсѣмъ темно, когда я выѣхалъ съ Алзымайской станціи, дорога, по прежнему, шла лѣсомъ, подымаясь въ гору. Лошади шли шагомъ и вдругъ шарахнулись на сторону.

— Ахъ, пропасти на васъ нѣту, вскричалъ ямщикъ, обращаясь къ лошадямъ.

— Звѣрь должно быть! это уже было обращено ко мнѣ.

— Какой звѣрь?

— Извѣстно какой, мѣдвѣдь, стерьва тутъ лошадиная поблизости. Вчера не было, надо полагать ямщицкая скотина сегодня пала.

— А тутъ есть медвѣди?

— Гибель!

— А охотники есть у васъ?

— Какъ не быть, у меня братъ и батюшка этимъ дѣломъ занимаются, я и самъ занимался, теперь отсталъ.

— Отчего?

— Да мы все больше на почтѣ, ну и некогда. А всякаго звѣря страсть сколько; у насъ кой кто бѣлковать ходитъ. Да какъ то бѣлка стала переводиться, супроти прежняго много меньше.

— А соболи есть?

— Прежде, говорятъ, бывали, а теперь что-то не слышно. Тунгусы добываютъ, ну да они на томъ стоятъ.

— Гдѣ же тутъ Тунгусы.

— Гдѣ? нигдѣ ихъ нѣтъ. Народъ бродячій, кое-когда и къ намъ заходятъ, Богъ знаетъ откелева.

— Ну, а что на медвѣдя идти страшно?

— Ничего, это самое пустое дѣло. А нѣтъ тебѣ звѣря страшнѣе сахатаго, лось по вашему. Такъ его поселенщики называютъ. Признаюсь, бывши самъ нѣсколько разъ на охотѣ за лосями въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и въ Брянскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, я этому не повѣрилъ, знавши лосей какъ звѣрей пугливыхъ и нисколько не опасныхъ, но когда въ Сибири сперва пришлось нѣсколько разъ слышать одно и тоже въ разныхъ мѣстахъ и въ добавокъ прочитать въ «запискахъ Географическаго общества» статью г. Кривошапкина, оставалось повѣрить.

Въ Зиминской станціи я опять догналъ московскую почту, правильнѣе, слышалъ не вдалекѣ колокольчики. Лошадей просили обождать пока выкормятся. т. е. часа три или четыре, и потому я отправился со станціи на

разсвѣтѣ. Отъѣхали нѣсколько верстъ, я задремалъ, вдругъ ямщикъ меня будитъ.

— Баринъ, в. в., съ вами ружье есть? признаюсь мнѣ почудились разбойники...

— Какъ? что́, на что? проговорилъ я торопливо.

— Тетерюки, глушцы, т. е. вонъ они! Я опомнился.

— Да вѣдь къ нимъ не подойдешь? они осторожны.

— Это не здѣсь. Это у насъ въ Смоленской губерніи. Ямщикъ былъ изъ ссыльныхъ.

— Здѣсь близко подпускаютъ, стрѣляйте смѣло изъ повозки. Лошади не понесутъ. Мы подъѣхали къ дереву, на когоромъ сидѣло нѣсколько глухарей, я выстрѣлилъ въ ближайшею. Огромная самка, по-сибирски *капалыха* свалилась.

Эко жаль право, что не самецъ, тотъ едренѣе. Ну да Богъ дастъ, убьемъ и самца. Желаніе ямщика, безъ сомнѣнія было искренное. Отъѣхавши еще версты двѣ, я застрѣлилъ и самца. Но онъ былъ нисколько не больше самки и отъ обыкновеннаго глухаря отличался бѣлыми пятнами на крыльяхъ. Я сохранилъ крылья и показывалъ ихъ въ Иркутскѣ Препаратору тамошняго музея г. Фурману и потомъ, возвращавшему съ острова Сахалина, естествоиспытателю г. Шмидту. И тотъ и другой объяснили мнѣ, что убитый мною экземпляръ встрѣчается только въ Сибири и составляетъ особый видъ, называемый въ арнитологіи Tetrao urogaloides, занимающій по величинѣ какъ бы середину между тетеревомъ полевикомъ, иначе березовикомъ, Tetrao tetrix и глухаремъ tetrao urogallus.

Два удачныхъ выстрѣла видимо расположили въ мою пользу ямщика, и онъ началъ говорить мнѣ «ты».

— Тебѣ баринъ въ примѣту галки здѣшнія?

— Нѣтъ, но я думаю, что такія же какъ и въ Россіи.

— Такія, да не такія. Ты присмотрись, сдѣшняя галка, словно помѣщикъ за столомъ, салфеткой подвязана.

Присмотрѣвшись, я удостовѣрился, что ямщикъ говоритъ правду, у галокъ Иркутской губерніи зобъ и ожерелье около шеи совершенно бѣлые. Все же остальное, ни дать ни взять, какъ у нашихъ галокъ.

Послѣ переправы черезъ быструю и прозрачную рѣку Уду, я очутился въ небольшомъ и небогатомъ городкѣ Нижнеудинскѣ, гдѣ опять нагналъ почту и встрѣтилъ нѣсколькихъ проѣзжающихъ, задержанныхъ по недостатку лошадей.

Почмейстеръ г. А—кій въ высшей степени радушно предложилъ мнѣ помѣститься у него и отдохнуть. Отъ этого предложенія грѣшно было отказываться; тѣмъ болѣе, что у почтмейстера было нѣсколько журналовъ, пропасть книгъ и вообще обстановка человѣка образованнаго. Впрочемъ въ это время хозяину было не до гостей. Московскую почту встрѣтила Иркутская и очень увѣсистая. Все это надобно пересчитать, пересмотрѣть, повѣрить и я, удивляясь отъ души тому, что дѣлается въ Омскѣ, еще болѣе подивился въ Нижнеудинскѣ.

Двое изъ числа проѣзжающихъ, ожидающихъ лошадей сильно меня заинтересовали. Это были унтеръ-

офицеръ П—ъ и оружейникъ, возвращавшіеся изъ Кяхты.

Унтеръ-офицеръ разговаривалъ со мною сперва несколько неохотно, но послѣ трехъ, четырехъ стакановъ чаю, выпитыхъ вмѣстѣ, разговоръ пошолъ начистоту.

— Я, в. в., на счетъ китайцевъ доложу вамъ, народъ необразованный, но съ понятьемъ, въ особенности тѣ, которые по моложе. Это ему скажешь, ну, онъ сейчасъ и смѣкнетъ, которые по старше, будутъ по слабѣе, потому большую привычку къ своимъ порядкамъ взяли. А молодые все сейчасъ понимаютъ...

— Какъ же вы говорили съ ними?

— Все больше руками, да показкою.

— Ну, а каковы у китайцевъ офицеры?

П—ъ улыбнулся.

— Гг. Офицеры, не смѣю доложить, в. в., но какъ-бы сказать: люди со всѣмъ неполированные и больше престарѣлыхъ годовъ.

— Что вы съ китайцами жили дружно.

— Жили какъ слѣдуетъ. Мы у нихъ, ну и они у насъ, сейчасъ угощеніе. Водка у нихъ просяная или изъ сарачинскаго пшена. Пьютъ теплую и стаканчики точно наперстки. Чай это завсегда; наша водка имъ была по вкусу, только скоро хмѣлѣли.

Молчавшій все время оружейникъ утвердительно кивнулъ головою и плюнулъ.

— Только вотъ что, в. в., чудно, продолжалъ П—ъ, себя они называютъ не китайцами, а никанцами, а насъ *олосы*; сказать просто Русскій, никакъ не могутъ,

у нихъ все выходитъ олосы. Мы много разъ пробовали.

— Или вотъ на счотъ религіи, у насъ къ примѣру воскресенье. Татары его справляютъ въ пятницу, Жиды въ субботу: у китайцевъ этого заведенія нѣтъ. Дни все идутъ сплошъ, а только какъ-то разсчетъ праздникамъ по мѣсяцу. Мы имъ на небо показываемъ, говоримъ Богъ тамъ и для всѣхъ одинъ, такъ они только головами качаютъ; значитъ, по ихнему тамъ нѣтъ ничего. Сказывалъ мнѣ одинъ казацкій урядникъ, который знаетъ по ихнему, потому живалъ при нашемъ посланникѣ, въ главномъ китайскомъ городѣ, гдѣ императоръ ихній, что будто бы китайцы совсѣмъ въ Бога не вѣрятъ, да это надо полагать несправедливо.

— А я такъ думаю, замѣтилъ оружейникъ рѣшительно, что у нихъ вѣра либо калмыцкая, либо идольская. А то какъ же безъ вѣры?

Унтеръ-офицеръ не соглашался. Начался споръ, который не знаю чѣмъ кончился, потому что имъ запрягли лошадей.

— Счастливо оставаться, в. в., покорно благодаримъ за компанію.

— Неначѣмъ, счастливаго пути!

— И вамъ тоже.

II

Сейчасъ за Нижнеудинскомъ начинается тяжелая песчаная дорога; это вторая такая станція на всемъ протяженіи отъ самой Тюмени, только здѣсь не то, что между Заводохувскою и Новозаимскою. Тамъ песку гораздо меньше и ѣхать легче. Съ чѣмъ-то 20 верстъ за Нижнеудинскомъ и верстъ 10 передъ Канскомъ, составляютъ единственную дурную дорогу по Восточной Сибири до Иркутска. Первая отъ Нижнеудинска станція, Киргетуйская, замѣчательна тѣмъ, что въ ней, кромѣ дома, въ которомъ помѣщаются ямщики и лошади, нѣтъ ни кола, ни двора. Комнаты для проѣзжающихъ весьма пасмурнаго вида, и положеніе тѣхъ, кому придется засѣдать въ ней, въ пріятномъ ожиданіи отправленія, должно быть очень не завидное. Дальше уже дорога гораздо лучше, а около большаго, и какъ видно богатаго, торговаго села Тулуна, опять начинается сибирское шоссе. Тулунъ мнѣ показался гораздо лучше Нижнеудинска. За Тулуномъ, на переправѣ, я съѣхался съ небольшою крытою будкою въ одну лошадь, въ будкѣ сидѣли двѣ старушки, правилъ мальчикъ лѣтъ 15-ти. Повозка, упряжь, платье ѣхавшихъ напоминало что-то великорусское; я пустился въ разговоры, и узналъ: что старушки богомолки, мальчикъ—внукъ одной изъ нихъ, что всѣ они саратовскіе и ѣдутъ въ Иркутскъ, на поклоненіе святымъ мощамъ угодника Инокентія.

— Однако, вы далеко заѣхали! сказалъ я.

— Что, батюшка, за далеко, здѣсь словно своя сторона; у насъ одна старушка была въ Почаевѣ, оттуда въ городъ Львовъ прошла: тамъ тоже есть святые угодники, только земля цесарская; а тамъ все дальше да дальше, Господь сподобилъ въ Баръ-градъ дойти...

— Въ какой это Баръ-градъ, можетъ быть въ Бѣлградъ?

— Не знаю, можетъ и такъ, только туда, гдѣ мощи Николая Чудотворца опочиваютъ. Вотъ это, подлинно, дальняя сторона, дальше Ерусалима града.

Я понялъ свою ошибку. Дѣло, очевидно, шло о городѣ Бари, въ южной Италіи.

— Ну, а вы далеко бывали?

— Нѣтъ, батюшка, дальше Соловецкихъ угодниковъ, Зосимы и Савватія, не приводилось...

— Да, вѣдь, это ближе Иркутска?

— Ближе-то оно ближе, только вотъ черезъ Море-Океанъ плыть надобно. А здѣсь что, народъ Божескій: напоятъ, накормятъ, а гдѣ такъ и овсеца лошадкѣ дадутъ, сѣна-то вездѣ, и ничего не положатъ, либо самую малость.

— Что же, вы долго думаете пробыть въ Иркутскѣ?

— Какъ Богъ дастъ. Говорятъ, тамъ еще дальше есть святыя обители. Надобно и тамъ побывать.

Добрыя старушки, безъ сомнѣнія, исполнили свое намѣреніе.

Впослѣдствіи я видѣлъ нѣсколькихъ стариковъ и старухъ, приходившихъ изъ Россіи, по два и три раза, на поклоненіе святому Инокентію, которые, въ доба-

вокъ, этотъ огромный путь всегда отбывали по образу пѣшаго хожденія.

Одинъ старичекъ, лѣтъ шестидесяти, говорилъ мнѣ, что онъ, выйдя изъ Москвы на Благовѣщеніе, къ Спасу Преображенію былъ въ Иркутскѣ, а къ Рожеству Христову возвратился въ Москву. Слѣдовательно, на все путешествіе было употреблено ровно девять мѣсяцевъ. Переправившись, перевозчики потребовали съ богомолокъ деньги, но когда я изъявилъ желаніе заплатить слѣдующія по таксѣ нѣсколько копеекъ, ребята переглянулись, и одинъ изъ нихъ сказалъ, что это они пошутили.

— Какъ же это можно съ Божьихъ людей деньги брать? Это и жидъ не возьметъ, а мы, по крайности, крещеные.

Вблизи первой станціи Балаганскаго округа Зиминской, меня постигло весьма обыкновенное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, пренепріятное дорожное несчастье. Повозка моя, служившая до сихъ поръ безпорочно, испортилась: лопнула задняя желѣзная ось. Запомнивъ утвержденную печатную таксу экипажныхъ починокъ въ Енисейской губерніи, я предполагалъ, что тѣ-же цѣны назначены и въ Иркутской, но ошибся въ свою пользу.

Енисейская такса гласитъ нижеслѣдующее: за сварку желѣзной оси 10 руб; за ось деревянную 3 руб., за перетяжку колеса 1 руб. А вотъ что это стоитъ въ Иркутской и именно въ Нижнеудинскомъ округѣ, то есть рядомъ: за сварку желѣзной оси 1 руб. 50 коп.,

за ось деревянную, переднюю 60 коп., заднюю 70 коп. за перетяжку колеса 40 коп. и прочее въ этомъ родѣ.

Смотритель Зиминской станціи, гдѣ мнѣ пришлось просидѣть полдня, оказался прелюбезнымъ господиномъ и страстнымъ охотникомъ. По его словамъ, окрестности Зимы изобилуютъ дичью лѣсною и водяною, но болотной чрезвычайно мало, не смотря на то, что сибирскіе охотники для такой мелкой пташки, какъ дупеля или бекасы, не станутъ тратить пороха. О сибирскихъ винтовкахъ смотритель отозвался очень невыгодно, но, не смотря на дурное устройство этого оружія, превосходные, даже можно сказать удивительные стрѣлки встрѣчаются, хотя далеко не такъ часто, какъ это думаютъ въ Россіи. Стрѣльбу рябчиковъ и бѣлокъ пулею непремѣнно *въ голову*, онъ назвалъ выдумкою: бьютъ во что случится. Рѣдкій изъ стрѣлковъ, опять я говорю со словъ смотрителя, стрѣляетъ съ руки, но всѣ вообще употребляютъ подсошки.

Сибирскія винтовки, которыя мнѣ случалось видѣть, устроены такъ: въ толстостѣнномъ граненомъ стволѣ высверленъ каналъ съ нарѣзами, колибръ около 2 линій; ложа почти прямая, прикладъ узкій и тонкій; большая часть винтовокъ кремневыя, но, говорятъ, стали попадаться и ударныя *). Бьютъ эти винтовки не далеко, но довольно вѣрно. Зарядъ крохотный; въ видѣнныхъ

---

*) Я самъ видѣлъ ихъ нѣсколько, но не въ Восточной Сибири, а въ Западной.

мною винтовкахъ пороху на полку сыпалось больше, чѣмъ въ стволъ. Вмѣсто пули вгоняется кусочекъ свинцу, который очень скоро и ловко округляется зубами.

Свинцомъ сибирскіе охотники дорожатъ еще болѣе, чѣмъ порохомъ. Послѣдній въ Сибири кретьянами пріобрѣтается легче и даже дешевлѣ, чѣмъ въ большей части Европейской Россіи, гдѣ по уѣзднымъ и нѣкоторымъ губернскимъ городамъ, порохъ продается купцами потихоньку, и гдѣ за него берутъ что вздумается. Покупка пороха изъ магазиновъ казенныхъ, всегда сопряжена съ нѣкоторыми формальностями, которыхъ большая часть крестьянъ боится какъ огня. Порохъ въ Сибири въ городахъ продается по 50 копеекъ за фунтъ (что дѣлается въ дали, въ глуши и вообще въ тайгѣ— не знаю). На свинецъ цѣны вольныя, фунтъ дроби стоитъ впрочемъ тамъ же 25 или 60 копеекъ, но ее, какъ извѣстно, по вѣсу, выходитъ въ шестеро больше. Здѣсь я не могу удержатся отъ того, чтобы не разсказать случая, бывшаго со мною гдѣ-то между Красноярскомъ и Канскомъ, стало быть не въ особенной глуши.

Въ одномъ крестьянскомъ домѣ мнѣ предложили двѣ пары рябчиковъ; за что просили 40 копеекъ серебромъ; я согласился, но видя у меня ружье, хозяинъ вмѣсто денегъ, попросилъ нѣсколько зарядовъ дроби. Я не отказалъ и въ этомъ. Отданную мною дробь (фунта два) сейчасъ же расплавили въ черепкѣ и отлили въ камышевыя трубки нѣсколько цилиндрическихъ палочекъ, изъ которыхъ приготовляютъ продолговатые *жеребьи*, чѣмъ, при стрѣльбѣ изъ винтовокъ, замѣняются пули.

— Ну, теперь я съ охотою! проговорилъ хозяинъ, видимо довольный обмѣномъ. Я былъ тоже не въ убыткѣ, дробь я отдалъ харьковскую, завода Рыжова. Стоила она мнѣ 12 копеекъ за фунтъ на мѣстѣ.

— И на что такую дробь дѣлаютъ (это былъ бекасинникъ). Ею, надо полагать, воробья не добудешь, а не то что какую крупную штуку? Чудно!...

Обыкновенныя ружья, по-сибирски дробовики, мѣстные охотники признаютъ неудобными, потому что они *харчисты,* т. е. требуютъ большихъ зарядовъ. Стрѣльба въ-летъ признается самымъ пустымъ дѣломъ, приличнымъ только для чиновниковъ.

Сейчасъ за селкомъ переправа черезъ рѣку Зиму и вслѣдъ другая рѣка по-больше. Когда я подъѣхалъ къ берегу, карбасъ только-что отчалилъ, слѣдовательно, пришлось ждать. Вмѣстѣ со мною подъѣхалъ старикъ-крестьянинъ, къ которому я обратился съ вопросомъ...

— Какая это рѣка?

Крестьянинъ усмѣхнулся и отвѣчалъ.

— Какая. Хвамилія у ней, стало быть, важная, а она сама вниманія не стоитъ. Прозывается она Ока, да развѣ Ока такая? Настоящая Ока черезъ восемь губерень проходитъ, а ета что?

— Э, братъ, да ты не орловскій ли?

— Мы то что-ль? мы орловскіе, это точно! А ты почемъ догадался? Надо полагать тамошній?

— Да. Ну, а ты здѣсь давно?

— Дамно: годовъ никакъ 25...

— А за что?

— За что? извѣстно за дѣло, безъ дѣла сюда не сошлютъ, а ты какъ думалъ. Городъ Кромы знаешь?

— Знаю.

— Ну, а Колчеву знаешь?

— Тоже знаю. Стало-быть ты раскольникъ?

— У насъ, точно, все больше сталовѣры; только мы это бросили. Въ видѣ доказательства своего обращенія въ православіе, старикъ досталъ изъ-за пазухи тавлинку и понюхалъ табаку. Аргументъ неоспоримый.

— Теперича мы совсѣмъ здѣшніе стали: и домъ есть, и семья. Въ хрестьяне приписаны; значитъ, по всей Сибири могу куда завгодно. Только въ Расею хода нѣтъ. Да ничего, здѣсева жить можно, сторона привольная.

— Что же ты съ разу пристроился?

— Чуденъ, твое благородіе; такъ, что ли? Нѣтъ, мы по первоначалу къ людямъ нанимались. Въ конюхахъ жилъ годовъ пять. Въ развѣдки ходилъ: золото искали, значитъ... И гдѣ я только не перебывалъ, страсть! Ты вотъ спрашивалъ какая ето рѣка, а тутъ есть рѣки всякія. Еще по первоначалу, какъ наши сюда въ первой пришли, сдѣлали они лодки и поплыли по одной рѣчкѣ, и тамъ больно мучились, ну пусть ета рѣчка будетъ *Мука*, прозвище такое дали; изъ етой въ другую, тамъ купались и назвали ее *Купа*, а тамъ въ третью— тутъ закутили, ета пусть будетъ *Кута*.

— Ну, а потомъ лѣнились, и назвали Лена? Я, братъ, читалъ объ этомъ въ книжкѣ *).

*) Поѣздка въ Якушекъ г. Щукина.

— Стало быть правда. Мы сами люди темные. Мы ето только слышали.

— Что же эти Муки и Куты далеко отсюда?

— А какъ тебѣ сказать, не солгать? Дорога, извѣстно, не мѣреная. Ста четыре будетъ, а то и всѣхъ полтысячи. Мы по этимъ рѣчкамъ наскрозь прошли.

— И что же нашли, что нибудь?

— А ни Боже мой!

Съ землякомъ мы простились по-пріятельски.

При выѣздѣ смотритель предупредилъ меня, что по дорогѣ непремѣнно будутъ встрѣчатся стада теревей-полевиковъ, и дѣйствительно, я ихъ видѣлъ множество. Настрѣлять было возможно сколько угодно, но я удовольствовался однимъ. Слѣдующая за Зимою станція Тыретская, населена крещеными Бурятами, которые приняли обычаи, образъ жизни и одежду сибиряковъ, сохранивши только однѣ типическія монгольскія лица. Сколько я могъ замѣтить, Буряты, по-сибирски *Братскіе*, пользуются вообще хорошею репутаціею; причемъ кочевые даже предпочитаются оседлымъ. Послѣдніе будто бы начинаютъ уже баловаться. Тыретскіе Буряты, наряду съ прочими ихъ соплеменниками, считаются ясачными, и потому не отбываютъ рекрутской повинности.

За станціею Захаринскою я видѣлъ спускъ, дамбу, чрезъ болотистую долину и подъемъ такъ обдѣланные, что бросились бы въ глаза на лучшемъ шоссе, построенномъ техниками: просто видишь и не вѣришь, что это натуральная повинность!

Ночью былъ порядочный морозъ, и я замѣтилъ, что на всѣхъ ямщикахъ стали появляться шубы шерстью къ верху, то есть такъ, какъ надѣваютъ иные Русскіе мужики во время дождя. Присмотрѣвшись лучше, оказалось, что эти шубы, по-сибирски называемыя *дахами*, дѣлаются изъ козьихъ шкуръ. Если въ дѣло употреблены шкуры дикихъ козъ, то такія дахи чрезвычайно легки, но непрочны, изъ нихъ волосъ такъ и сыплется. Потомъ я уже видѣлъ дахи щегольскія, изъ молодыхъ сѣверныхъ оленей, называемыхъ *пыжиками*; послѣднія продаются довольно дорого. Онѣ легки, теплы, красивы и прочны.

Люди, искусившіеся въ дорожныхъ треволненіяхъ, знаютъ очень хорошо, что за первою починкою экипажа, неизбѣжно должна слѣдовать вторая. Это случилось и со мною: поломка была незначительная, но она произошла ночью, слѣдовательно пришлось ждать. Взяли очень дешево, только дѣлали нестерпимо долго.

Отъ Зимы лѣса уже встрѣчаются рѣже, а время отъ времени попадаются открытыя поляны. Мѣстность волнистая. Въ право отъ дороги виднѣются скалистыя горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до села Мальтинскаго, обыкновенно называемаго Мальтою, эти горы кажутся чрезвычайно живописными.

— Какія это горы? спрашиваю я у ямщика.

— Какія? извѣстно *Бѣлогорье*.

— Сколько это верстъ отсюда?

— Кто его вѣдаетъ, однако сотня будетъ. Тутъ не мѣряно.

Горы казались близехонько.

— А в. в. нешто туда требуется?

— Нѣтъ, я въ Иркутскъ.

— Нешто, потому туда дороги нѣтъ. Однако которые ежели изъ чиновниковъ, или изъ купечества проѣзжають, такъ безпремѣнно верхомъ.

— Но вѣдь тутъ ровное поле?

— Ровнаго немного, всего до рѣки; а за рѣкою пойдетъ лѣсъ, камень; тамъ не то что въ повозкѣ и верхомъ не на всякой лошади проѣдешь. Иная, хоть ты ее зарѣжъ—не пойдетъ. Значитъ съ непривычки, а привычная скотина — ничего: поѣзжай безъ опаски. Вотъ у Братскихъ для этого есть диковинныя лошади. Ты только сиди, а она сама знаетъ.

— Ты же это почему знаешь?

— Какъ же не знать, мы здѣшніе природные. Я на самомъ *крандашномъ* заводѣ былъ.

— Это что такое, крандашный заводъ?

— Камень такой темносѣрый, изъ земли добываютъ; крандаши изъ него, говорятъ, дѣлаютъ.

Что такое крандашный заводъ и темносѣрый камень, я узналъ уже на станціи, гдѣ мнѣ объяснили, что дѣло шло очевидно о графитномъ пріискѣ г. Алибера, находящемся гдѣ-то въ горахъ, недалеко отъ бывшаго укрѣпленія Тунка.

Пріѣхавши въ Мальту въ 6 часовъ вечера, я могъ разсчитывать навѣрное попасть въ Иркутскъ часа въ два или три ночи, время самое неудобное для перваго знакомства съ городомъ. На этомъ основаніи я рѣшился

остаться ночевать. Да къ тому же было вѣтрено и стемнѣло—хоть глазъ выколи. А тутъ сейчасъ же за селомъ предстояла переправа черезъ рѣку Бѣлую. А самое главное—послѣ двухъ починокъ, легко могла предстоять третья.

При выѣздѣ утро было чудесное, ясное, съ небольшимъ морозомъ, отъ котораго побѣлѣла трава и у самаго берега искрились льдинки. Не знаю, почему эта рѣка называется Бѣлою? По крайней мѣрѣ 25 сентября она напоминала слова Марлинскаго, говорившаго о водѣ въ рѣкахъ Восточной Сибири «чистая какъ хрусталь, вкусная какъ рейнъ-вейнъ». Послѣднее сравненіе, пожалуй, дѣло вкуса, но что до перваго, то оно совершенно вѣрно. Поднявшись на гору, за рѣкою сейчасъ негустой лѣсъ, въ которомъ пожелтѣвшій хвой лиственницы, между темною зеленью сосны и ели, издали казался золотымъ шитьемъ по зеленому бархату.

Отъѣхавши нѣсколько верстъ, влѣво отъ дороги, верстахъ въ двухъ, или около того, виднѣлся, какъ мнѣ показалось, городокъ, въ родѣ нашихъ уѣздныхъ; а на горизонтѣ, упиравшемся въ горы, стояло цѣлое облако дыма.

— Ямщикъ, что это такое? Городъ какой или сѣло?

— Нѣтъ, это Усолье.

— Какое Усолье?

— Извѣстно какое. Соль вывариваютъ.

Это былъ иркутскій солеваренный заводъ, о которомъ я много слышалъ прежде.

— Вези меня въ заводъ, я прибавлю.

— Что-жъ, это можно. А долго тамъ пробудете?

— Нѣтъ, часа два—три, не больше.

— А то пожалуй и отпустите; тамъ лошадей дадутъ живо. Лошади у нихъ важныя. Сюда господа часто заѣзжаютъ.

— А тамъ есть гдѣ останавливаться?

— А то какъ же. Дома есть хорошіе, живутъ исправно. Не то въ полицію, сейчасъ фатеру покажутъ.

Признаюсь по совѣсти, я заѣхалъ въ Усолье не тогда, когда ѣхалъ въ Иркутскъ, а на возвратномъ пути, но то, что будетъ дальше я дѣйствительно видѣлъ и слышалъ, только не въ сентябрѣ 1862, а въ маѣ 1863 года.

Я не ошибся, принявши издали Усолье за уѣздный городокъ, оно и вблизи, какъ двѣ капли воды, смахиваетъ на наши деревни, переименованные въ города, съ превращеніемъ, по принадлежности, крестьянъ въ мѣщане.

Тѣ же деревянные домики трехъ-оконнаго фасада, съ заборами, крытыми воротами и сараями (что уже не по-сибирски). Площадь съ лавками, прямые углы и улицы. Отличіе заключалось въ отсутствіи часто встрѣчающихся каменныхъ присутственныхъ мѣстъ, и неизбѣжнаго тюремнаго замка. А гдѣ бы ему и не красоваться, какъ здѣсь, гдѣ всѣ жители или рабочіе, т. е. каторжники, не отбывшіе сроки своихъ работъ, или богадѣльщики, т. е. избавленные по старости и неспособности, или поселенцы, т. е. отбывшіе сроки и остав-

шіеся въ заводѣ по доброй волѣ. Есть, пожалуй, и люди свободные, но они или родились отъ каторжныхъ, или приведены отцами и матерями изъ дома. Кромѣ людей, обязанныхъ по службѣ жить въ заводѣ, другаго вольнаго народа почти не имѣется. Впрочемъ, меня увѣряли, что между заводскою бюрократіею встрѣчаются люди кровно-каторжнаго происхожденія. Напримѣръ, за разныя художества, попадалъ, со всѣми атрибутами, т. е. плетьми и клеймами, какой нибудь, положимъ. Ѳомка Петля, малый молодой, умный, оборотливый. Скоро его женятъ на минутномъ порывѣ; за то дѣти Ѳомки — люди уже свободные; они уже Ѳомичи, и начинаютъ фигюрировать на нижнихъ ступеняхъ заводской лѣстницы, а внуки, по фамиліи Петлины... Тутъ уже разсказъ врѣзывается въ область фантазіи и вымысла.

Дворъ, въ родѣ постоялаго, въ который я заѣхалъ, принадлежалъ поселенцу, бывшему когда то, какъ я слышалъ, солдатомъ, попавшимъ по суду въ работу на заводъ, слѣдовательно, съ лишеніемъ солдатскаго званія. Онъ отбылъ свой срокъ, женился, обзавелся семьею, хозяйствомъ и живетъ теперь отлично. Конечно, не каждому придется такъ устроиться, но многіе устраиваются еще лучше. Практическое примѣненіе пословицы: «быль молодцу не укоръ», въ Сибири встрѣчается безпрестанно. «Будь хорошъ здѣсь, а что ты дѣлалъ прежде—не наше дѣло,» говорятъ Сибиряки, и вполнѣ разумно.

Въ справедливости того, что изъ самыхъ прожжен-

ныхъ и признанныхъ въ Россіи неисправимыми преступниками, въ Сибири могутъ выработаться вполнѣ порядочные люди; здѣсь сомнѣваются только заѣзжіе, да и то въ началѣ; что же касается до людей, не смотря ни на что, сохраняющихъ и удерживающихъ свои вредныя для общества привычки, то, при внимательномъ разсмотрѣніи, они оказываются помѣшанными, которыхъ скорѣе слѣдуетъ лечить, чѣмъ судить!...

Но вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ тщетно ломали головы первостепенные криминалисты, не по плечу простому разскащику.

На вопросъ, можно ли посмотрѣть варницы и вообще заводъ — послѣдовалъ отвѣтъ:

— Отчего же, здѣсь на счетъ этого свободно.

Но я все-таки попросилъ дозволенія у смотрителя и получилъ его безъ малѣйшаго затрудненія.

Сообщаемый мною очеркъ иркутскаго солеварнаго завода будетъ самый поверхностный. Для болѣе обстоятельнаго у меня не было времени, а главное, необходимыхъ знаній и подготовки, безъ чего каждый посѣтитель любаго завода или фабрики, бродитъ какъ въ лѣсу. Я именно былъ въ этомъ положеніи, хотя уже имѣлъ случай осматривать добыванье соли въ заштатномъ городѣ Славянскѣ (Харьковской губерніи). Впрочемъ, славянская выварка соли имѣетъ мало общаго съ усольскою.

Въ Усольѣ разсолъ добывается посредствомъ насосовъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, изъ колод-

цевъ, находящихся на островѣ рѣки Ангары. Тутъ же помѣщаются варницы и градиръ *).

Добытый разсолъ вливается въ четыреугольные желѣзные ящики, подъ которыми разведенъ огонь. Разсолъ кипитъ, вода выпаривается и наконецъ, является соль, съ виду очень бѣлая **). Отъ Ѳ. Н. Львова, знающаго химію, я слышалъ впослѣдствіи, что въ соли иркутскаго завода есть магнезія, или что-то въ известковомъ родѣ (хорошенько не помню), почему соль эта безъ предварительной обработки не хороша для засола вврокъ; потому что при известковыхъ соединеніяхъ являются какіе-то сѣрные или сѣрнистые газы, проще— такіе запахи, отъ которыхъ инымъ претитъ, а другимъ пожалуй нравится. (Разногласіе о достоинствахъ соленыхъ омулей, по всей вѣроятности, происходитъ изъ этого источника).

Черезъ неширокій протокъ Ангары, образующій островъ, я переѣхалъ въ лодкѣ; какой-то особенный іодистый запахъ, въ родѣ того, которымъ были прежде преисполнены фотографіи, съ разу поражаетъ непривычный носъ посѣтителя.

Заводскія строенія со всѣми своими машинами, проводами и проч. далеко не отличаются изяществомъ, и

---

*) Градиромъ называется широкій досчатый жолобъ въ видѣ наклонной плоскости, наполненной мелкимъ хворостомъ. Изъ разсола, пущеннаго по этому жолобу, часть воды испаряется и отъ того онъ дѣлается крѣпче, чѣмъ облегчается выварка.

**) Мнѣ говорили, что послѣ землетрясенія, бывшаго зимою съ 1861 года на 1862, крѣпость усольскаго разсола значительно ослабѣла, но вскорѣ опять дошла до нормальнаго состоянія.

все вообще напоминаетъ времена царя Гороха и царицы Чечевицы, но я не спеціалистъ, и потому всего скорѣе могу ошибаться. Устройство иркутскаго солевареннаго завода, безъ сомнѣнія, основано на непогрѣшительныхъ началахъ науки и опыта.

Сколько получаетъ казна чистаго дохода съ Иркутскаго завода, я не знаю, но польза, доставляемая имъ всей окрестности, для Сибири густонаселенной, огромная. Противъ передачи завода частнымъ лицамъ, всего больше говоритъ опасеніе монополіи, невыгодныя слѣдствія которой, то есть произвольное возвышеніе цѣнъ, въ рукахъ казны немыслимы. Но этому горю, кажется, пособить легко: стоитъ обязать частныхъ добывателей продавать соль не дороже цѣны настоящаго времени (по всей вѣроятности, найдутся охотники брать дешевле). Что всѣ вообще заводы въ частныхъ рукахъ идутъ успѣшнѣе, вырабатываютъ больше и расходуютъ меньше, чѣмъ въ казенныхъ, истина такого рода, что въ ней позволительно сомнѣваться только нѣкоторымъ спеціалистомъ и техникомъ получающимъ казенное жалованье. Между прочимъ, мнѣ вообразилось, что нѣкоторое количество соли, не заглядывая въ амбары, самовольно отлучается. Для объясненія причины моего воображенія, стоитъ вспомнить, что въ составъ заводскаго рабочаго люда входятъ протоворы, архиконтрабандисты и оберъ-мошенники, хотя всѣ эти художники сами себя называютъ (и не безъ основанія) послѣдними, говоря, что первѣйшіе, истинные мастера, разгуливаютъ на волѣ, а они попались,—коротко и ясно.

— Я не воронъ, а вороненокъ, воронъ-то летаетъ, говоритъ Пугачевъ у Пушкина. Черта вѣрно и мѣтко схваченная.

По наружному виду, рабочіе иркутскаго солеваренного завода ни чѣмъ не отличаются отъ рабочихъ всѣхъ тѣхъ заводовъ, которые мнѣ случалось видѣть внутри Россіи. Только вглядываясь внимательнѣе, начинаемъ замѣчать слѣды клеймъ на многихъ лицахъ, въ особенности крѣпко держится (какъ я уже замѣтилъ прежде) буква К. на лбу...

— Одно слово, каторжные!..

— Это братцы, больше отъ того, что порохъ на лбу въ кость входитъ, ну и, значитъ, никакъ нельзя его оттедова вывести...

Верстахъ въ шести отъ Усолья, на самой большой дорогѣ, расположена Тельминская фабрика, въ которой не очень давно жили и работали ссыльно-каторжные. Теперь казеннаго производства нѣтъ, слѣдовательно нѣтъ и рабочихъ.

Тельминская фабрика мнѣ показалась меньше Усолья, зато лучше обстроена. Издали это совершенно уѣздный городъ. Казенный каменный домъ по срединѣ, точь-въ-точь присутственныя мѣста, не достаетъ только надписей.

Передъ однимъ изъ домовъ фабрики стояла куча народа. Мужчины и женщины были одѣты по-городскому; между послѣдними много красивыхъ, и всѣ, отъ первой до послѣдней, въ кринолинахъ. На иныхъ я замѣтилъ шелковыя китайскія *курмы* (родъ мантильи,

съ широкими рукавами). Усолье, Терминская фабрика и Александровскій винокуренный заводъ, расположенные въ близкомь сосѣдствѣ, всегда находились въ самыхъ тѣсныхъ и родственныхъ сношеніяхъ, и потому между ними много общаго.

Заводскіе и фабричные уроженцы и старожилы считаютъ себя гораздо выше крестьянъ окрестныхъ деревень по образованію и умѣнью держаться прилично въ свѣтѣ. Каждый, безъ затрудненія, съ перваго раза, отличитъ заводскаго кавалера отъ крестьянскаго парня; фабричныя барышни даже гнушаются мужицкими пѣснями, а распѣваютъ самые модные, жестокіе романсы; деревенскія пляски тоже въ пренебреженіи: онѣ замѣнены польками, вальсами и контродансами.

Грамотницъ между ними много, и столько же, если не больше, курительницъ папиросъ.

Сейчасъ же за станціею Биликтуйскою переправа черезъ рѣку Китай, вытекающую, какъ и слѣдуетъ, изъ Бѣлогорья.

Но вотъ и Зуя, послѣдняя передъ Иркутскомъ почтовая снанція. Почтосодержатель, старикъ-еврей, давно уже живетъ здѣсь. Онъ скоро и легко знакомится со всѣми проѣзжающими, и можетъ служить живою лѣтописью о времени прибытія въ Иркутскъ и отбытія оттуда всѣхъ сильныхъ и замѣтныхъ людей міра сего. Родомъ онъ изъ Литвы, и когда я сказалъ ему, что эту сторону исходилъ и изъѣздилъ вдоль и поперекъ, то онъ усиливался заговорить со мною по-польски, но кромѣ

словъ *панъ* и *цо* въ разговорѣ старика ничего польскаго не было.

Невдалекѣ отъ Зуи, Ангара, показывавшаяся до сихъ поръ мелькомъ, является во всей красѣ своей.

Что это за рѣка! Отъ роду я такихъ не видалъ, и не знаю когда увижу!

Представьте себѣ Неву у Троицкаго моста, только не въ 60, а 1,500 верстъ длиною, и эта масса воды несется съ страшною быстротою. Чистота и прозрачность изумительныя.

Вдали виднѣются церкви и большiя строенiя.

— Ямщикъ, это Иркутскъ?

— Гдѣ? Города еще не видать. Это монастырь, Инокентiя преподобнаго мощи почиваютъ...

Но скоро показался и городъ, конецъ моего длиннаго странствованiя.

Зная общее обыкновенiе проѣзжающихъ (если не всѣхъ, то самой большей части), щедро давать на водку на послѣдней станцiи, ямщикъ гналъ во всю ивановскую, до того, что я, опасаясь за здоровье своей повозки, долженъ былъ сдерживать его.

— Ничего, в. в., будьте безъ сумлѣнiя: представимъ въ лучшемъ видѣ...

— А что переправа?

Ямщикъ лукаво улыбнулся и сказалъ:

— Ничего. Подъ Биликтуемъ больше случается, даромъ что тамъ рѣчка, можно сказать плёвая.

Быстро мы пронеслись по превосходной дорогѣ мимо монастырскихъ строенiй—и Иркутскъ открылся вполнѣ.

Прежде всего, мнѣ бросилось въ глаза что-то во родѣ тріумфальныхъ воротъ, оказавшіеся, на самомъ дѣлѣ, означенными воротами. Переправа черезъ Ангару производится на отличномъ самолетѣ и дѣйствительно «ничего», т. е. не успѣешь стать на паромъ, какъ размахомъ, производимымъ быстрымъ теченіемъ, вы описываете дугу, и противуположный берегъ передъ вами. Тріумфальные ворота остаются въ сторонѣ, и сквозь это произведеніе архитектурной реторики едва ли кто нибудь ѣздилъ.

— Куда прикажете ѣхать? Надо полагать въ Амурскую? Тамъ всѣ большіе господа останавливаются....

Я такъ обрадовался окончанію шести-тысячной дороги, что позабылъ свое званіе, и согласился отправиться въ Амурскую.

И вотъ я въ Иркутскѣ.

Въ 64 № С.-Пет. Вѣд. за 1864 годъ было помѣщено возраженіе на одинъ изъ фактовъ сообщенныхъ въ моихъ путевыхъ очеркахъ. Вотъ оно:

Мы получили изъ *Тобольска*, отъ г. Панкевича, предсѣдателя тобольскаго губернскаго суда, слѣдующее письмо по одному судебному дѣлу, о которомъ упомянуто въ статьѣ г. Турбина: «Отъ Омска до Томска», помѣщенной въ № 29-мъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за настоящій годъ.

«Г. Турбинъ, разсуждая, между прочимъ, о томъ, что судейскіе промахи не составляютъ рѣдкости даже и тамъ, гдѣ господствуетъ полная гласность и судъ присяжныхъ, указываетъ на одинъ, какъ онъ выразился, *весьма оригинальный* примѣръ такихъ промаховъ. Вотъ подлинныя слова г. Турбина:

«Въ городѣ О...., у совѣтника К..., случилась пропажа денегъ изъ письменнаго стола; кушъ былъ довольно значительный. Полиціймейстеръ Ш..., взялъ въ свои руки прислугу. Розыскныя средства не привели ни къ чему. К.., вспомнивъ, что за нѣсколько дней до пропажи, у него въ домѣ былъ столяръ, исправляющій тотъ самый столъ, изъ котораго исчезли деньги. Столяра взяли, но вся дѣятельность Ш.... не вытянула сознанія. Да оказалась улика; столяръ имѣлъ 50-ти рублевый билетъ. Суду показалось это достаточнымъ. Столяра осудили, наказали и сослали. Все это очень просто и естественно. Но вотъ теперь начинается нить завязки романа. К.., уѣзжая изъ О..., продалъ свою мебель, въ томъ числѣ и вышеупомянутый столъ, какому-то незначительному чиновнику. Новый владѣлецъ, осматривая тщательно свою покупку, подъ доскою нашелъ деньги, считавшіеся украденными.»

Чтобы раскрыть истину, обратимся къ самому рѣшенію по дѣлу К... Изъ этаго рѣшенія видно, что т—скій г—скій судъ въ 1859 году за покражу у К—ра 13-ти серій и заемнаго письма на 1,621 р. с., а не денегъ, какъ пишетъ г. Турбинъ, приговорилъ столяра М—ва, кромѣ денежнаго взысканія въ въ пользу К—ра, къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, наказанію розгами 75 ударами, отдачѣ въ исправительную арестанскую роту гражданскаго вѣдомства на десять мѣсяцевъ и ссылкѣ, для водворенія, въ Енисейскую губернію.

Основаніемъ для этого приговора г—скій судъ принялъ слѣдующія улики: а) подтвержденное, во время слѣдствія, присяжными свидѣтельскими показаніями сознанію М—ва, при первоначальныхъ розыскахъ, въ томъ, что серіи и заемное письмо похитилъ онъ у К—ра вечеромъ, когда К—ра не было дома, изъ шкатулки, хронившейся въ шкафѣ, но не изъ письменнаго стола, какъ говоритъ г. Турбинъ, и потомъ передалъ покраденное присяжному о—скаго окружнаго казначейства, К—ну, у котораго при обыскѣ найдено было 127 рублей кредитными билетами и 12 аршинъ ситцу, купленнаго имъ у М—ва и оказавшагося похищеннымъ изъ магазина купца Б—ва; б) открытіе при обыскѣ на косякѣ, надъ дверью комнаты М—ва, занимаемой имъ во флигелѣ при домѣ К—ра, трехъ ключей отъ внутренныхъ замковъ (лежащихъ въ ящикѣ сторярнаго верстака М—ва), поддѣланныхъ къ замкамъ шкафа К—ра и бывшихъ въ этомъ шкафѣ двухъ шкатулокъ, изъ которыхъ въ одной находились украденныя у К—ра серіи и заемное письмо; в) показаніе К—ра и прислуги его о томъ, что М—въ, занимавшійся исправленіемъ въ домѣ К—ра мебели, безъ всякаго надъ собою надзора, долгое время поправлялъ упомянутый шкафъ, работая большею частію въ отсутствіе хозяевъ; г) знаніе М—вымъ, гдѣ хранились серіи и заемное письмо, потому что при немъ К—ръ не одинъ разъ отворялъ шкафъ, вынимая оттуда деньги и отдавалъ М—ву, для покупки матеріаловъ; д) покупка М—вымъ, не по своему состоянію, разныхъ вещей, слишкомъ на двѣсти рублей сер., и при томъ въ самый короткій срокъ, послѣ покражи у К—ра серій и заемнаго письма; е) открытіе у М—ва въ подтяжкахъ, при обыскѣ его въ о—ской градской полиціи, двухъ 50-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ, о пріобрѣтіи которыхъ М—въ не далъ никакого положительнаго отвѣта,—и наконецъ то, что М—въ судился уже за кражу, подвергшись за нее ссылкѣ въ Сибирь.

Въ послѣдствіи, когда М—въ въ т—ской арестанской ротѣ по означенному приговору г—скаго суда, о—ская градская полиція въ апрѣлѣ 60-го года донесла начальнику губерніи, что похищенные у К—ра изъ шкатулки, бывшей въ шкафѣ, серіи и заемное письмо найдены въ этомъ самомъ шкафѣ рядовымъ И..., служившимъ у чиновника К—на, которому К—ръ, отъѣзжая изъ О..., въ числѣ другихъ вещей, поручилъ для продажи и шкафъ. Снова началось слѣдствіе и М—въ, пробывшій въ арестанской ротѣ семь мѣсяцевъ, былъ освобожденъ изъ нея, съ преостановленіемъ дальнѣйшаго исполненія надъ нимъ приговора, и отданъ, впредь до рѣшенія дѣла по новымъ обстоятельствамъ на поручительство. Что же открылось по вторичному изслѣдованію?—Вотъ вопросъ, въ разрѣшеніи котораго сосредоточивается весь юридическій интересъ. Вторичное изслѣдованіе тоже доказало несомнѣнность факта покражи у К—ра, изъ шкатулки, бывшей въ шкафѣ, серій и заемнаго письма и положительно удостовѣрило, что онъ, послѣ покражи, кѣмъ-то въ шкафъ подброшены, по прошествіи до

вольно продолжительнаго времени, тогда уже, когда шкафъ находился не у К—ра, ибо эти серіи и заемное письмо, завернутыя въ бумагу, оказались внутри шкафа, сзади, за выдвижнымъ ящикомъ, куда они сами ни какъ не могли попасть, и можно было засунуть ихъ туда неиначе, какъ совсѣмъ вынувъ изъ шкафа ящикъ. При томъ же К—ръ, до передачи этого шкафа для продажи, тщательно осматривалъ его, выдвигая всѣ ящики.

Такая несомнѣнность фактовъ привела г—скій судъ къ слѣдующему единственному заключенію: пріобрѣвшій отъ М—ва серіи и заемное письмо, заплативъ за нихъ М—ву извѣстную сумму денегъ, хотѣлъ сбыть ихъ кому-либо другому, но какъ кража ихъ у К—ра вскорѣ огласились по городу, почему за переходомъ вообще серій изъ рукъ въ руки слѣдили полиція и частныя лица; заемнымъ же письмомъ, похищеннымъ у К—ра, принявшій его отъ М—ва ни въ какомъ случаѣ воспользоваться не могъ, то и былъ вынужденъ подкинуть серіи и заемное письмо въ шкафъ, изъ опасенія, чтобы, при сбытѣ ихъ другому лицу, не обнаружить мошенническаго своего поступка и не подвергнуться отвѣтственности. Кромѣ того и самъ М—въ, въ видахъ освобожденія его отъ окончательнаго исполненія надъ нимъ приговора г—скаго суда, могъ просить то лицо, у котораго находились серіи и заемное письмо, подбросить ихъ въ шкафъ, и это сдѣлать было весьма удобно, такъ-какъ шкафъ, предназначенный къ прадажѣ, былъ пустой и незапертый. А что М—въ дѣйствительно могъ хлопотать о подкинутіи въ шкафъ серій и заемнаго письма, то это, нѣкоторымъ образомъ, доказывается найденымъ у М—ва при слѣдствіи безъимяннымъ письмомъ, неизвѣстно отъ кого, по словамъ М—ва, полученнымъ, въ которомъ онъ извѣщалъ о томъ, что серіи и заемное письмо найдено въ шкафѣ. По этимъ соображаніямъ г—скій судъ новымъ приговоромъ въ концѣ 1861 года опредѣлилъ означенное рѣшеніе, послѣдовавшее въ 1859 году, привесть надъ М—вамъ въ окончательное исполненіе, съ тѣмъ только, чтобы тѣ деньги, которыя взысканы уже съ М—ва на удовлетвореніе К—ра за покраденныя у него серіи, возвратить М—ву, а серіи и заемное письмо, найденныя въ шкафѣ, выдать К—ру. Этотъ приговоръ, съ которымъ согласился и губернаторъ, былъ представленъ главному начальнику края, а отъ него поступилъ въ Правительствующій Сенатъ. Но и это высшее судебное учрежденіе, не смотря на то, что серіи и заемное письмо оказались въ шкафѣ, не оправдало М—ва совершенно, оставивъ его въ кражѣ у К—ра серій и заемнаго письма въ подозрѣніи.»

Не знаю что подумаютъ читатели, просмотрѣвши это возраженіе, но мнѣ самому оно кажется только подтвержденіяхъ справедливости сообщеннаго много факта о судейскихъ промахахъ, въ чемъ г.г. судьи, къ со·

жалѣнію, не хотятъ сознаваться по принципу: «мы ошибаться не должны» (дай Богъ!) «ergo никогда не ошибаемся» (увы!).

Fiat justitia—pereat mundus, говорили древніе юридическіе доки. Мы же простые смертные думаемъ нѣсколько иначе, мы не говоримъ: Fiat mundus—pereat justitia! Богъ съ нею, пусть живетъ и благоденствуетъ, но помнитъ, что «errare humanum est.»

ИСЧЕЗНУВШІЕ ЛЮДИ.

РАЗСКАЗЪ

(изъ сибирскихъ воспоминаній)

Старожила.

ГЛАВА I,

въ которой все молодо и неопытно, начиная съ пера авторскаго.

Я началъ помнить себя въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Славное то было время! Домикъ у насъ былъ отличный, маленькій домикъ. Передъ окнами такая мелкая и зеленая трава росла, что досадно было даже смотрѣть, какъ ходили по ней: совсѣмъ не для того росла она, лечь-бы на нее, да такъ, отъ самаго крыльца да до воротъ, и катиться. Это я и дѣлалъ безчисленное множество разъ. Не разъ я удивлялся, отчего это отецъ мой сидитъ все за книгами да за бумагами, и ни разу не послѣдуетъ моему примѣру. Я былъ увѣренъ, что это доставило бы ему большое удовольствіе. Позади дома, съ огорода начиналась гора. Ухъ, какая славная, высокая гора! Я сначала не любилъ ее, да потомъ товарищи моего брата объяснили мнѣ, что все на пользу человѣка и что въ этой глинистой горѣ очень удобно можно дѣлать маленькія печи и даже топить ихъ лучинками. Впрочемъ, операцію эту посовѣтовали мнѣ совершать, для большаго удобства, во время послѣ-обѣденнаго сна моего отца, а во время его бодрствованія можно было, по словамъ

ихъ, заняться чѣмъ-нибудь другимъ: вырыть маленькія конюшни, раздѣлить ихъ дощечками на стойла и помѣстить туда пару вороныхъ, за которыми и командировали меня, какъ быстроногаго, съ коробочкой въ кухню.

Здѣсь я, при помощи кучера, ловилъ двухъ или трехъ черныхъ таракановъ. Мы наловили бы ихъ и болѣе, такъ какъ ни я ни кучеръ нашъ нисколько ихъ не боялись, да время было дорого, очень ужъ хотѣлось посмотрѣть, какъ они будутъ славно въ стойлахъ стоять.

Къ концу того лѣта, въ которое я началъ помнить себя, мои хозяйственныя постройки въ горѣ приняли огромные размѣры: у меня были уже сараи, погреба, печки и комнаты. Только конюшни, къ моему сожалѣнію, оставались пустыми, послѣ того, какъ я похвастался своему отцу и онъ сказалъ мнѣ, что мучить животныхъ грѣхъ.—Я распустилъ своихъ лошадей. Братъ замѣнилъ мнѣ ихъ лошадьми, вырѣзанными изъ бумаги, но это было уже далеко не то: во время сырой погоды онѣ были никуда не годны, свертывались и даже совершенно раскисали. И вотъ однажды, раздумывая о такомъ неутѣшительномъ фактѣ, я отправился съ подобнымъ раскиснувшимъ конемъ къ отцу съ цѣлію объяснить ему, что тараканамъ нисколько не мучительно стоять на даровыхъ хлѣбахъ въ моихъ стойлахъ, что я, въ видахъ гуманности, дѣлаю даже уступку и не намѣренъ привязывать ихъ за ногу.

Но объясненіе мое осталось невысказаннымъ. Въ

комнатахъ я засталъ не все въ порядкѣ: отецъ, заложивъ руки въ карманы подрясника, быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, не то сердитый, не то печальный. Мать сидѣла у окна и плакала. Не рѣшаясь разспросить о причинѣ слезъ ея, я подошелъ къ ней и сталъ въ выжидательномъ положеніи.

— Да ты бы попросилъ еще... Можетъ и оставили бы, говорила она, всхлипывая.

— Просилъ... нельзя, говоритъ... послать другаго некого.

Въ это время стукнула калитка и мы всѣ трое взглянули въ окно.

Петя, мой старшій братъ, съ сумкой черезъ плечо, весело несся домой, припрыгивая по зеленой травѣ, такъ восторженно, какъ можетъ прыгать только десятилѣтній мальчуганъ послѣ утра, проведеннаго въ душномъ классѣ, подъ страхомъ попасть подъ розгу изъ—за какого-нибудь противнаго аориста. Увидѣвъ Петю, отецъ провелъ рукой по лицу и вздохнулъ. Слезы сильнѣе полились изъ глазъ матери.

— Его-то куда?... куда?... Кому мы его оставимъ? заговорила мать, уже рыдая.

Я не вытерпѣлъ, и, приподнявшись на цыпочкахъ къ уху матери, спросилъ:

— Какъ оставимъ? зачѣмъ?

— Перевели насъ отсюда... .Мы поѣдемъ въ другой городъ.

При этихъ словахъ вошелъ Петя. Осмотрѣвъ всѣхъ

присутствующихъ, и узнавъ сущность дѣла, залился онъ горькими слезами. Отецъ ушелъ въ другую комнату и легъ, закрывъ голову подушкой. Мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ сѣсть между стульями на полъ и находящагося въ рукахъ моихъ бумажнаго коня употребить взамѣнъ платка. Но такъ какъ конь мой былъ вырѣзанъ изъ братниныхъ калиграфическихъ упражненій и хранилъ на себѣ остатки народной мудрости въ видѣ: «вѣкъ живи и вѣкъ учись», то подобный платокъ, смоченный обильными слезами, конечно не могъ не выпачкать моего лица. И очень былъ понятенъ смѣхъ матери и брата, случайно взглянувшихъ на меня. Смѣхъ возвратилъ матери обычное настроеніе и, пославъ меня умываться, она проворно застучала въ сосѣдней комнатѣ тарелками.

Въ то славное время въ нашемъ домѣ много говорилось объ одной дамѣ, и помню, какъ жадно вслушивался я въ эти разговоры, стараясь каждое слово проглотить своимъ полураскрытымъ ротикомъ. Много я слушалъ—многаго не понималъ, но изъ понятаго у меня составилось слѣдующее: дама эта была добра, со всѣми, хотѣла, чтобы и всѣ были добры, богаты и счастливы. Но какъ она хотѣла, такъ не дѣлалось: и ей, и другимъ людямъ пришлось худо и они сдѣлались несчастными. Понятіе объ этой дамѣ въ моемъ дѣтскомъ воображеніи слилось съ понятіями о Рахили, Ревеккѣ и другихъ женщинахъ, знакомыхъ мнѣ по священной исторіи, которую я такъ любилъ слушать по вечерамъ, взобравшись на отцовское колѣно.

Много говорилось у насъ объ этихъ людяхъ и объ этой, какъ называли ее, черной дамѣ въ особенности: какъ къ ней являлся дьяволъ, какъ она съ нимъ разговаривала и даже нарисовала его портретъ. Все это казалось мнѣ тогда очень естественнымъ. Я даже самъ, наслушавшись этихъ разсказовъ, увидѣлъ, проснувшись ночью, чорта съ хвостомъ, въ баронской коронѣ на головѣ, и очень напугалъ всѣхъ дикимъ своимъ крикомъ. Видѣніе это до сихъ поръ живо въ моей памяти и вспоминая его, я всякій разъ вспоминаю настой сушеной малины, которымъ меня изобильно поили, послѣ этого видѣнія, цѣлыя сутки, укутывая въ теплую шубу.

Я говорю теперь объ этой дамѣ и объ этихъ людяхъ потому, что за обѣдомъ, послѣдовавшимъ за нашими слезами, говорилось о нихъ, и на нихъ возлагались наши надежды. Ѣли мы, впрочемъ, на этотъ разъ мало, такъ какъ у каждаго изъ насъ была своя дума. Мои думы были очень игриваго свойства: я съ большимъ удовольствіемъ мечталъ о поѣздкѣ и не докончивъ обѣда, пригласилъ младшую сестру свою въ одну изъ комнатъ, гдѣ находилось собраніе моего имущества, и принялся за укладку. Задача была трудная, судя по разнообразію матеріала. Бумажный, со стеклянными окнами, домъ, по зрѣлому нашему обсужденію, долженъ былъ вмѣстить въ себя все признанное необходимымъ перевезти въ новый городъ. Сверхштатный экземпляръ штановъ моихъ едва вошелъ въ узкія двери и занялъ почти половину дома, но сапоги, не смотря на всю нашу энергію, въ

дверь не вошли и были отложены въ сторону, съ намѣреніемъ отдать во владѣніе одного босоногаго моего пріятеля, являвшагося къ намъ по субботамъ за полученіемъ копеечки.

На брюкахъ очень удобно расположилась огромная коллекція галекъ, пріобрѣтенная мною въ нашей горѣ. Тутъ же улеглись и деревянныя чашечки, собранныя мною послѣ торжественнаго, съ пушечной пальбой, освященія памятника великому мужу. Пришлось много шевелить мозгами касательно орливаго яйца—уложить его въ домѣ было дѣломъ рискованнымъ и угрожало цѣлости яичной скорлупы:—рѣшено было везти его въ лѣвой рукѣ, правой же держать домъ съ пожитками. Сдѣлали репетицію и вышло все очень удобно и хорошо. Для болѣе нагляднаго изображенія будущаго нашего путешествія, младшая сестра, взявъ въ ротъ шнурокъ, представила лошадь. Затѣмъ оставалось идти къ отцу и объявить, что мы готовы... уложились. Но отецъ разочаровалъ насъ, сказавъ, что мы поѣдемъ еще не скоро... Поѣдемъ, когда снѣгъ будетъ.

И пошли день за днемъ, начали и въ дорогу собираться, одно продавать, другое покупать, калитка то и дѣло хлопала, приходили какіе то люди, осматривали нашъ домъ, конюшни, огородъ и совершенно истоптали всю нашу зеленую траву на дворѣ. Приходили священники, поздравляли отца и громко смѣялись и подмигивали другъ другу, когда отецъ говорилъ имъ, что онъ радъ бы былъ остаться и что его не радуетъ новое

мѣсто. Пѣвчіе архіерейскіе приходили... сначала пѣли, потомъ пили, опять пѣли и пили, и громко хохотали.

Пріѣхала и черная дама, долго говорила съ отцомъ, потомъ позвали брата, велѣли ему одѣться и онъ уѣхалъ съ черной дамой.

Возвратился только вечеромъ и возвратился, запыхавшись, съ узелкомъ чрезвычайно вкусныхъ конфектъ и принялся обдѣлять насъ, повѣствуя о своихъ похожденіяхъ.

— Татьяна Дмитревна, (такъ звали черную даму) добрая и онъ тоже доброй... Онѣ берутъ меня къ себѣ жить... когда вы поѣдете отсюда... у нихъ садъ... цвѣты... домъ каменный... въ золотой бумажкѣ, кислые... мнѣ не надо, берите всѣ... я тамъ ужь ѣлъ... книги съ картинами... въ одной книгѣ они всѣ нарисованы—онъ телѣжку везетъ, а тамъ солдаты стоятъ... я тамъ за обѣдомъ варенье ѣлъ... вина давали сладкаго.

Послѣ подобныхъ разсказовъ мои смутныя понятія объ этой дамѣ и объ окружающихъ ее сдѣлались въ головѣ моей еще болѣе смутными. Существованіе конфектъ, варенья и книгъ съ картинками—какъ-то отдѣлило ее отъ строя библейскихъ героинь.

ГЛАВА II,

въ которой юный авторъ дѣлается умнѣе, узнавъ на практикѣ, что земля наша и велика и обширна.

Отъ вышеприписаннаго до дороги, моя память не позаботилась сохранить въ прокъ ничего особеннаго: вѣроятно нечего было хранить, или не стоило. Я помню себя сидящимъ въ какомъ то коробѣ, накрытомъ другимъ коробомъ, притиснутый боками родныхъ.

Съ обѣихъ сторонъ, словно на абордажъ непріятельскаго корабля, лѣзли лица знакомыхъ намъ женщинъ и бомбардировали насъ поцѣлуями. Въ рукахъ одной изъ нихъ былъ мой бумажный домъ. Судьба и обстоятельства распорядились вопреки моимъ желаніямъ: сапоги мои были взяты въ дорогу, а домъ и гальки остались на мѣстѣ. Убѣжденный въ неперевозимости этихъ вещей, я великодушно распорядился своимъ имуществомъ: домъ отдалъ прачкѣ, а гальками и орлинымъ яйцомъ наградилъ сѣдаго дьячка, что однако не привело его въ восторгъ и онъ прехладнокровно положилъ мой подарокъ на окно, обѣщаясь зайдти за нимъ опосля.

Долго мы ѣхали—успѣлъ я заснуть, проснуться, промерзнуть, а мы все ѣдемъ; и ночь на дворѣ—а мы

все ѣдемъ. Я начинаю приходить въ безпокойство и задавать себѣ вопросъ: будетъ ли конецъ этому странствованію? Въ моей, отуманенной дорогою, головѣ вьются мои любимые разсказы изъ священной исторіи—я считаю себя странствующимъ израильтяниномъ и хлопья снѣгу принимаю за манну. Напрасно вглядываюсь впередъ, чтобы увидѣть гору, потому я твердо былъ увѣренъ, что городъ безъ горы не бываетъ: оттого онъ и городъ называется.

Но разочарованіе мое было полное: ни къ одному изъ огородовъ обывателей города Полуторовска не спускалась глинистая, покатая стѣна любимой моей горы; дома въ этомъ городѣ были какіе-то непривѣтные, занесенные снѣгомъ. Свѣдѣнія, имѣвшіяся у меня о Полуторовскѣ, были только тѣ, что въ немъ имѣлись люди, непохожіе на другихъ людей, люди, которыхъ черная дама называла своими и которыхъ семейство временнаго нашего хозяина священника, у котораго мы сдѣлали привалъ, описывало какими то странными людьми, чуть не звѣрями. И неудивительно, что первая встрѣча съ однимъ изъ этихъ людей осталась ясной въ моей памяти.

Что можетъ быть пріятнѣе, какъ сознаніе своей полезности и даже необходимости? По крайней мѣрѣ я ничего не знаю лучше такого именно блаженства, въ какомъ находился я во вновь устроиваемой квартирѣ, надъ украшеніемъ которой мы трудились съ отцомъ. Посрединѣ комнаты лежитъ пріѣхавшій съ нами столъ; отецъ размѣшиваетъ горячій клей, имѣя въ виду укрѣ-

пить вынутыя ножки, пара которыхъ уже пять минутъ какъ покоится на моихъ рукахъ. Въ припадкѣ усердія я хотѣлъ было взять всѣ четыре, но это оказалось невозможнымъ. И поднятая мною пара была чувствительна по своей тяжести, но моя физическая усталость побѣждалась нравственнымъ сознаніемъ своей полезности. О, какъ же вдругъ екнуло мое сердце, когда отецъ, въ забывчивости, протянулъ руку къ ножкѣ, лежащей на полу, но, дотронувшись до нея, онъ взглянулъ нечаянно на меня и измѣнилъ свое намѣреніе!

— Ну, спасибо. Теперь положи эту ножку сюда, и дай мнѣ вонъ то крыло.

Крыло, разумѣется, явилось по назначенію быстрѣе, чѣмъ оно летало когда-нибудь.

— Кажется, хорошо мы съ тобой приклеили. Теперь я буду другую вставлять, а ты осмотри хорошенько эту и оботри, гдѣ выступилъ клей.

И ни одинъ придирчивый ревизоръ не осматривалъ такъ ревизуемаго предмета, какъ я, и никто никогда такъ усердно не вытиралъ ничего, какъ вытиралъ я ввѣренную мнѣ ножку, до тѣхъ поръ, пока на мое попеченіе не поступила вторая, а за нею третья и четвертая.

— Ну, теперь поставимъ его на ноги. А куда мы его поставимъ?... къ какой стѣнѣ?

Ухъ, какъ радостно колотится сердце, при просьбѣ совѣта, и я, млѣя отъ восторга, думаю, что вотъ тутъ бы надо, и вообразите, его тутъ и ставятъ! О, да какъ же я выросъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, съ какимъ восторгомъ обвелъ я всю комнату глазами и оста-

новилъ ихъ на дверяхъ! Въ нихъ стояла фигура неизвѣстнаго господина и съ добродушной улыбкой смотрѣла на насъ. Это былъ господинъ въ легонькой шубѣ съ коротенькимъ капишономъ, въ остроконечной мерлушачьей шапкѣ на маленькой головѣ. По бокамъ его остраго съ горбомъ носа блестѣли темные, быстрые глаза; улыбающійся красивый ротъ его обрамливался сверху черными усами, а снизу маленькой, тупосрѣзанной эспаньолкой. Онъ не походилъ ни на духовнаго, ни на чиновника,—единственно пока знакомые мнѣ два типа.

Замѣтивъ, что глаза мои впились въ него, онъ снялъ свой колпакъ и вошелъ въ нашу комнату.

— Устроиваетесь? спросилъ онъ, цѣлуя моего отца въ то время, какъ отецъ спѣшилъ вытерѣть руки.

— Да, по немногу.

— Намъ наши много писали объ васъ хорошаго, мы вѣримъ имъ и очень рады. Хорошій человѣкъ на нашемъ хорошемъ свѣтѣ вещь не лишняя. И онъ улыбнулся.—А это сынъ вашъ?

— Да.

— А я вамъ еще не сказалъ своей фамиліи, я Лягушкинъ. Онъ снялъ свою шубу, подошелъ ко мнѣ, взялъ сухими, горячими руками за голову, нагнулся и поцѣловалъ въ лобъ.

Я отличался колоссальной дикостію, и появленіе всякаго чужаго человѣка служило мнѣ предлогомъ съ быстротою молніи уноситься въ отдаленную комнату. Этого, должно быть, боялся, ожидалъ отецъ мой въ

настоящую минуту, потому что положилъ на мое плечо свою бѣлую руку, но, къ его удивленію, бѣгства съ моей стороны не послѣдовало. Напротивъ, я не отрывалъ глазъ отъ посѣтителя; всѣ мои смутныя понятія о черной дамѣ, о ея друзьяхъ, добрыхъ людяхъ, несчастныхъ потому, что были добры, казалось олицетворились въ этомъ сухомъ, сутуловатомъ человѣкѣ въ сѣрой курткѣ со стоячимъ воротникомъ, сверхъ которой была надѣта широкая черная тесемка со спрятанными въ боковомъ карманѣ концами. Брюки изъ той же матеріи, какъ и куртка, оканчивались такими свѣтлыми сапогами, какихъ я еще не видалъ ни у кого.

Я не переставалъ его разсматривать во все время, пока онъ говорилъ съ отцомъ. Гость съ перваго же разу понравился мнѣ. Смотря на него, я вспоминалъ, какимъ героемъ дня былъ мой братъ, возвращавшійся отъ черной дамы; съ какимъ вниманіемъ окружали мы его съ сестрами и слушали его разсказы. И вотъ, возвратясь сегодня на нашу временную квартиру, разсказывать ужь буду я.

Мнѣ вдругъ представилось, что Лягушкинъ похожъ на моего отца; я такъ имъ и скажу: онъ похожъ на отца. И я началъ дѣлать сравненія, перенося свой взглядъ съ отца на Лягушкина и обратно, но вдругъ сконфузился: черные глаза гостя разсматривали меня еще съ большимъ любопытствомъ. Я поспѣшилъ закусить свои шевелившіяся, отъ внутренней бесѣды, губы и исполнить свой маневръ, исчезнуть вдаль, какъ гость всталъ, погладилъ меня по головѣ, поцѣловалъ крѣпче прежняго и

сказалъ, что онъ скоро познакомитъ меня съ хорошими, умными дѣтьми.

— Однако я не буду вамъ мѣшать теперь, устроивайтесь; а пока до свиданія. Онъ надѣлъ свою шубку, надвинулъ на лобъ свою остроконечную барашковую шапку, и вышелъ.

Дальнѣйшая наша уборка не имѣла для меня интереса; безъ особеннаго пафоса подавалъ я тяжелый молотокъ отцу, стоящему въ переднемъ углу на стулѣ и готовящемуся вбивать гвоздь для иконы. Гвоздь вбитъ, и идя за иконой, отецъ проговорилъ вслухъ: Лягушкинъ. Лягушкинъ, какъ эхо повторилъ я, и мы замолкли. Не знаю о чемъ думалъ отецъ, я же думалъ, что маленькое зеркало можно бы повѣсить и послѣ, а теперь надо бы идти домой.

— Ты хочешь ѣсть?

Разумѣется, я чувствовалъ голодъ, но не физическій, хотя и сослался на него: я алкалъ разсказать о необыкновенномъ нашемъ посѣтителѣ.

Но не ждалъ я, по неопытности въ житейскихъ казусахъ, что рисующееся въ воображеніи такимъ эффектнымъ, въ дѣйствительности окажется жалкаго рода. Такъ случилось со мною въ этотъ разъ.

— Ну что, все уставили? встрѣтила меня старшая сестра Маша. Мою швейку не потерялъ?

—Все... не потерялъ... Мы разставили столъ, икону... у насъ былъ Лягушкинъ, онъ меня поцѣловалъ... у него свѣтлые такіе сапоги... умные мальчики у него есть, онъ меня къ нимъ поведетъ: мы играть будемъ,

домики строить... все будемъ... выстрѣлилъ я залпомъ, къ дѣйствительности примѣшивая плоды фантазіи и съ удивленіемъ замѣчая, что мое сообщеніе не производитъ должнаго эффекта. Переводя духъ, я началъ снова. Словно какъ будетъ онъ... на тятиньку похожъ... я къ нему въ гости пойду.

— Кто это Лягушкинъ? перебила меня сестра, обращаясь къ Настенькѣ, зеленоватой барышнѣ, дочери нашего хозяина. Та захохотала.

Ея хохотъ доставилъ мнѣ случай узнать, что испытываетъ человѣкъ, нежданно-негаданно окаченный холодною водою.

— Лягушкинъ? это страшный такой, въ вострой шапкѣ, съ усами? Онъ сумасшедшій, здѣсь его боятся; онъ изъ несчастныхъ.

— Нѣтъ, онъ не страшный, робко осмѣлился возразить я.

Барышня захохотала пуще, сестра ей вторила, смотря на покраснѣвшее лице мое. Меня сильно разбирала охота выставить новаго друга своего въ самомъ блестящемъ видѣ; я былъ страшно сконфуженъ. Воображеніе мое работало, пріискивая какое нибудь блестящее достоинство, могущее возстановить осмѣянную репутацію Лягушкина, а съ нею вмѣстѣ и мой собственный авторитетъ. Что-жъ имъ сказать еще, коли даже блестящіе сапоги на нихъ неподѣйствовали? И вдругъ мнѣ припомнился разсказъ сестры объ одномъ великомъ человѣкѣ, величіе котораго, по мнѣнію сестры, заключалось въ томъ, что у этого человѣка была

лента. У Лягушкина тоже была лента. Пришла минута торжества: я гордо выпрямился и смѣло сказалъ, что у Лягушкина есть лента.

— Ну, такъ что-же? замѣтилъ мой безпощадный оппонентъ.—Какой онъ у васъ смѣшной, обратилась она къ сестрѣ:—эка важность, что Лягушкинъ носитъ часы на ленточкѣ.

Сестра, взглянувъ на меня, тоже захохотала. Это было сигналомъ для меня, быстро повернуться и бѣжать вонъ изъ комнаты, и пора была. Едва заперъ я дверь, какъ слезы хлынули изъ глазъ моихъ. Увы, того ли я ждалъ! Затѣмъ ли я такъ быстро неслся домой, опережая отца и не всегда минуя лужи отъ тающаго снѣгу! И какъ мнѣ теперь явиться къ обѣду! Несчастный, для меня въ полномъ смыслѣ этого слова, по всей вѣроятности, явится за столомъ съ лентой!.. И какіе часы... какъ могутъ быть тамъ гири? И рядъ вопросовъ зашевелился въ моей головѣ, своею вознею выплескивая еще болѣе воды изъ глазъ моихъ.

Слава Богу, обѣдъ прошелъ благополучно. Никто не замѣтилъ моихъ заплаканныхъ глазъ. Сестра и Настенька должно быть забыли о лентѣ, но я все-таки дальше гороховаго супу сидѣть не рискнулъ, а помолившись Богу и сказавъ, что сытъ, отправился въ кухню. Тамъ былъ у меня пріятель Петръ, нашъ кучеръ. Никогда онъ не смѣялся надо мною; напротивъ, для него одного я былъ авторитетомъ и онъ восхищался моими громадными познаніями. По цѣлымъ часамъ бывало терпѣливо слушаетъ и смотритъ, какъ я, выводя меломъ

громадныя буквы, тономъ профессора объясняю ему ихъ названіе; а когда нарисую ему птицу, то онъ дѣлался такимъ пристрастнымъ цѣнителемъ моего таланта, что даже приводилъ меня въ смущеніе; непремѣнно отыщетъ какую-нибудь деталь, ускользнувшую отъ вниманія самаго автора.

— Вишь ты, діаконскую курицу изобразилъ.

— Это, Петръ, я гуся.

— Чего гуся? рази я не вижу, что діаконску курицу. Вонъ одинъ палецъ-то виситъ обрубленъ — это ономнясь пьяный дьяконъ нарошно обрубилъ. Славно потрафилъ.

Я начинаю думать, что чуть-ли я не въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ изобразить дьяконскую, невиданную мною, курицу.

— И гдѣ это онъ ее видѣлъ?.. Пострѣли тебя, славно смастерилъ.

— Ты чего-же это при ребенкѣ ругаешься, замѣтитъ бывало мать.

— Да какъ же, матушка, глядь-ко, какъ дьяконскуто курицу потрафилъ!

— Это лошадь, мелькомъ взглянувъ на мое произведеніе, замѣтитъ мать.

Петръ обидится.

— Наткось! Ло-ошадь! А дуга то гдѣ же, по вашему?

Къ нему-то я и отправился теперь сообщить про Лягушкина и разспросить пообстоятельнѣе отчего такъ смѣялись надо мною?

Въ кухнѣ онъ былъ не одинъ; хозяйская кухарка, толстая, рябая дѣвица, съ сердитымъ лицомъ и съ краснымъ носомъ сидѣла у печки и курила трубку. Петръ только-что пообѣдалъ, клалъ быстрые кресты и еще быстрѣе отмахивалъ головой.

— За хлѣбъ за-соль, обратился онъ въ концѣ молитвы къ мужественной барышнѣ.

— Ладно, отвѣтила та, и сплюнула въ сторону.

— Петръ, мы пойдемъ сегодня на квартиру-то?

— Какъ-же, сегодня ужь тамъ всѣ ночуемъ.

— А ты видѣлъ, къ намъ тамъ гость приходилъ?

— Барина-то? видѣлъ.

— Какого барина? полюбопытствовала кухарка, громко выколачивая о шестокъ свою деревянную трубку.

— Это Лягушкинъ, поспѣшилъ я любезно сообщить нелюбезной дѣвицѣ.

— Съ какова онъ боку баринъ-то? такой же баринъ, какъ и нашъ братъ—варнакъ.

Я остолбенѣлъ.

— Да ты его за што? вступился Петръ.

— Былъ баринъ, да сплылъ! Сослали — значитъ варнакъ!

— Варнаковъ, тетка, сѣкутъ—насъ съ тобой сѣкли, а его нѣтъ.

— Все едино... тебя за што?

— Мальчишкой отъ барина убѣгъ, да все бродяжилъ. Я непомнящій.

— Ну, а я за ребенка. А они хуже хотѣли.

Пораженіе для меня было сильнѣе перваго. Я перестал понимать что-либо, а между тѣмъ мнѣ хотѣлось что-то понять, а что такое—я и самъ не зналъ. Я сѣлъ около Петра на лавку и молчалъ, молчалъ и слушалъ.

— Извѣстно, ихъ чертей не сѣкутъ, и сюда то сошлютъ, такъ барами живутъ... а нашъ братъ всю жисть какъ въ аду... угождай на дьяволовъ. Кривая то сегодня опять злобствуетъ: хлѣбъ, вишь ты, пропалъ, а мнѣ ф...

Дверь отворилась, вошла хозяйка и прервала горячую рѣчь дѣвицы.

Я всталъ и тихо, сторонкой, никѣмъ незамѣчанный, вышелъ изъ кухни.

Петръ сказалъ правду: къ ночи мы были на новой квартирѣ и занимались каждый своимъ дѣломъ. Въ первой комнатѣ, на угловомъ столѣ, бѣлѣлась скатерть и лежали свѣчи, оставшіяся отъ молебна. Пахло ладаномъ. Отецъ, заложивъ руки за спину, ходилъ по комнатѣ и тихо напѣвалъ: «Заступникъ и Покровитель.» На дворѣ хлопали ставни. Я ходилъ около отца въ самомъ тихомъ настроеніи духа; послѣ обильнаго внѣшними и внутренними событіями дня я былъ утомленъ; я не прочь бы рѣшить окончательно вопросъ о Лягушкинѣ и рѣшить устами отца, но боялся. Ну, какъ и онъ, если не захохочетъ,—онъ никогда надо мной не смѣется—а улыбнется, и я молчалъ. Отецъ сѣлъ; я всталъ около него.

— Изъ исторіи бы мнѣ.

— А объ чемъ я тебѣ въ послѣдній разъ разсказывалъ?

— Хотѣли объ Офернѣ разсказать.

— Объ Олофернѣ, поправилъ отецъ, и началъ свой разсказъ. Сегодня онъ особенно хорошо разсказывалъ и никогда я не слушалъ такъ внимательно.

— Такъ Юдифь хорошо сдѣлала? Ее грѣхъ ругать? ее вѣдь надо любить, да, вѣдь надо?

И началъ отецъ опять объяснять: почему хорошо, почему грѣхъ ругать всѣхъ и почему надо всѣхъ любить.

Моя логика быстро сдѣлала приложеніе къ сегодняшнему событію и вывела заключеніе, что Лягушкинъ Юдифь, что рябая кухарка грѣшница — зачѣмъ она варнакомъ ругается. И не будь я такъ сегодня напуганъ смѣхомъ сестры и Настеньки, и горячей оппозиціонной рѣчью кухарки, я бы разсказалъ свой выводъ отцу и былъ бы направленъ на путь истинный; но страхъ его улыбки остановилъ меня. Мое рѣшеніе осталось при мнѣ и доводы за Лягушкина, съ разу полюбившагося мнѣ, были, по моему понятію, неопровержимы, какъ основанные на священномъ писаніи. Съ тѣмъ я и заснулъ.

ГЛАВА III,

въ которой юный авторъ узнаетъ, что на обширной землѣ есть люди разныхъ званій и незваній.

Въ новомъ нашемъ владѣніи весенне-теплое солнце надѣлало такихъ большихъ проталинъ и начало такъ быстро подгонять миніатюрную ярко-зеленую травку, что изъ головы моей, весьма естественно, исчезъ и Лягушкинъ, и опредѣленіе его значенія на общественной лѣстницѣ Полуторовскаго міра. Да и какія заботы могли устоять противъ ежечасно распространяющихся темныхъ материковъ, на которыхъ можно было основаться сухой ногой и ставить на текущихъ около канавкахъ меленки?

Но верхомъ блаженства была для меня минута открытія, между двухъ обсохшихъ грядъ, небольшаго домика съ круглымъ окномъ. Петръ, на котораго весна дѣйствовала не менѣе, чѣмъ на меня, напоминая ему его бродяжническіе годы—единственную поэтическую страницу въ его жизни, цѣлый день торчалъ на дворѣ, и объяснилъ онъ мнѣ, что домикъ этотъ предназначается для птицъ-скворцовъ, что надо его только поставить на высокую палку и затѣмъ ожидать крыла-

тыхъ квартирантовъ. Ну, и дорого же онъ поплатился за сообщеніе подобнаго свѣдѣнія; я не знаю, имѣлъ ли онъ отъ меня минуту покоя до тѣхъ поръ, пока мое открытіе не вознеслось его руками къ синему весеннему небу. А затѣмъ, сколько разъ онъ долженъ былъ клясться и божиться, что во всемъ городѣ еще нѣтъ ни одного скворца, и что возвышать еще выше скворечницу не слѣдуетъ, что наша скворечница выше всѣхъ, и что откуда-бы скворцы ни летѣли, они ее первую замѣтятъ и поселятся въ ней первой.

— Ну, а если они изъ-за собора полетятъ? Вотъ оттуда-то ее и не видно, возражалъ я ему, и сильно билось отъ страху мое сердце и чуялось, что непремѣнно полетятъ скворцы изъ-за собора.

— Небойсь, изъ-за собора не полетятъ: они изъза бани полетятъ, утѣшалъ онъ меня, обстрагивая вилы.

— А ты какъ знаешь? отчего изъ-за собора не полетятъ?

— Да такъ... Тамъ трапезникъ сердитый... онъ имъ дастъ ужо.. онъ ихъ такъ полѣномъ хватитъ, что небойсь не полетятъ.

— Да развѣ онъ ихъ хотѣлъ полѣномъ прогнать?

— Хотѣлъ... Я ему сказалъ... онъ говоритъ, я ихъ такъ полѣномъ... пусть, говоритъ, изъ-за бани.

— Да когда же они прилетятъ?!

— Да ужь прилетятъ, не сумлѣвайся. Ты бы вотъ въ книжку пошелъ почиталъ. Теперь, вишь ты, мнѣ вилы надо ладить.

— Ты тоже уйди отсюда, а то они тебя можетъ боятся.

— Э, скворцы то? они, братъ, никого не боятся... ты ихъ не знаешь еще.

— Такъ а трапезникъ то? они его не испугаются!

— Ну тебя, экой ты!.. неиспугаются, какъ неиспугаются?... Ты его еще, братецъ мой. не знаешь, трапезника-то.

— А это, смотри, смотри! кто летитъ?

— Это голубь, святая птица.

— Святая? отъ чего святая?

— А читай въ книжку.. узнаешь, тамъ сказано: голубь святая, а воробей проклятая. Самъ Христосъ проклялъ его.

— За чѣмъ проклялъ?

— А не выдавай! Когда, значитъ, жиды Христа ко кресту приколотили, потомъ одинъ хотѣлъ его еще копьемъ кольнуть, узнать, видишь ты, хотѣлъ: живъ ли онъ, али нѣтъ.. одни, вишь, ты говорятъ живъ, а другіе—умеръ. А голубь сѣлъ на крестъ то да и воркуетъ: умеръ.. умеръ. Тѣ говорятъ: вишь птица сказываетъ, что умеръ. Ладно, говоритъ, коли умеръ, такъ пойдемъ; а воробей сѣлъ да и началъ: живъ... живъ... живъ. Жидъ то остановился да и проткнулъ бокъ-то. Ну, Христосъ и проклялъ воробья.

— Гриша! послышалось съ крыльца, тебя маменька зоветъ.

— Поди, поди тебя зовутъ, заторопилъ меня Петръ,

обрадовавшійся случаю отдохнуть отъ бесѣды о скворцахъ, продолжающейся второй уже день.

Въ комнатѣ меня ожидалъ сюрпризъ, Мать и сестра соорудили мнѣ великолѣпнѣйшій шумящій, изъ новаго казинета, сюртукъ и штаны, которыя я и принялся примѣривать. Весна, скворцы и новый костюмъ: сколько радостей! Я не выдержалъ и бросился цѣловать мать.

— Ну, хорошо, хорошо,—говорила она, смѣясь. Не мни же его. Надѣнешь на послѣдней недѣлѣ къ причастію, а потомъ въ Пасху, а теперь сними.

Но я выпросилъ позволенія показаться въ немъ Петру, поразить его и дѣйствительно поразилъ, такъ что онъ оставилъ свою работу, обошелъ меня кругомъ и въ заключеніе, присѣвъ на корточки, сообщилъ:

— Такой, братецъ, тебѣ кафтанъ соорудили, что хоша бы и засѣдателю, право.

Но не пришлось мнѣ обновить свой новый, блестящій костюмъ въ день причастія: судьба распорядилась иначе. На завтра поутру, въ углу темной комнаты, я снималъ съ себя начинавшіе расползаться на колѣнахъ брюки и надѣвалъ новоиспеченныя. Старшая сестра, примочивъ мнѣ голову, причесывала, а мать давала наставленія: не шалить, не сломать тамъ чего-нибудь, поклониться какъ войду и не забывать, что въ карманѣ кафтана имѣется платокъ Причина этого необыкновеннаго наряжанія былъ Лягушкинъ, пришедшій чтобы увести меня въ гости-къ дѣтямъ. Въ ожиданіи меня, онъ сидѣлъ и весело разговаривалъ съ отцомъ. Мнѣ сдѣ-

лалось почему-то вдругъ страшно... пусть бы завтра. Но отступленіе было заперто; въ рукахъ моихъ была шапка и руки сестры выдвинули меня прямо къ гостю.

— А вотъ и онъ: здравствуй! говорилъ улыбаясь Лягушкинъ, цѣлуя меня опять въ лобъ. Ты готовъ? пойдемъ. Прощайте, обратился онъ къ отцу, а о школѣ мы съ вами потолкуемъ основательнѣе... вещь необходимая.

Неопредѣленныя мысли волновали мою голову въ то время, какъ я шагалъ по широкимъ улицамъ Полуторовска. Лягушкинъ, нагнавъ какого-то мужика съ мѣдными подсвѣчниками, толковалъ съ нимъ, разсказывая ему какъ бы можно было сдѣлать эти-же подсвѣчники и лучше, да и обошлись-то они бы подешевлѣ, тотъ съ нимъ споритъ: чудно вы говорите, Дмитрій Ивановичъ, право чудно, такъ таки изъ синяго купоросу и съорудуете мѣдную вещь: безъ огня, значитъ.

— Ну, а ты зайди ко мнѣ, такъ я тебѣ покажу эту штуку... штука не мудреная.

— Непремѣнно завтра-же зайду, посмотрю, посмотрю, говорилъ, усмѣхаясь и пріостанавливаясь на перекресткѣ мѣдякъ: а теперь прощенья просимъ.

И онъ пошелъ прямо, а мы повернули въ переулокъ. Жутко мнѣ было подходить къ сѣренькимъ воротамъ сѣренькаго небольшаго дома съ большими стеклами въ окнахъ, притомъ-же и совѣсть мучила, что я обновляю свой новый костюмъ, идя не въ церьковь, а въ гости.

Въ длинной, съ однимъ окномъ, передней встрѣтили насъ веселенькая дѣвочка и низенькій, толстенькій го-

сподинъ съ трубкой во рту и въ такомъ же костюмѣ, какъ и Лягушкинъ. Вся его фигура напомнила Наполеона перваго.

— А, привели, сказалъ онъ какъ-то насмѣшливо и моргая глазомъ на меня. Вотъ тебѣ, Женни, гость, занимай его, сказалъ онъ дѣвочкѣ въ то время, какъ я снялъ шубу и стоялъ совершенно растерявшись, ломая ни въ чемъ неповинныя мои руки. Мнѣ не понравился этотъ господинъ, мнѣ показалось, что онъ смѣется надо мной, и я свободно вздохнулъ только тогда, когда наципочкахъ миновалъ комнату съ двумя дамами и очутился съ глазу на глазъ съ быстрой Женни въ ея уголкѣ. Маленькая хозяйка съ большимъ любопытствомъ разсматривала меня, я же, еще болѣе сконфуженный ея обозрѣніемъ, смотрѣлъ въ дверь: часть комнаты съ печью, въ которой я очень удобно могъ-бы установиться и передъ которой, заложивъ руки за спину, стоялъ встрѣтившій насъ хозяинъ, разговаривая съ набивающимъ трубку Лягушкинымъ; виднѣлся мнѣ еще уголъ дивана, на которомъ сидѣли двѣ женщины въ бѣлыхъ чепцахъ и темныхъ платьяхъ. Онѣ разговаривали между собой и, какъ показалось мнѣ, вязали чулки.

— Васъ какъ зовутъ?

— Гриша.

— Вы знаете, кто это стоитъ у камина?

— У чего?

— У камина вонъ—съ Лягушкинымъ.

— У печки?

— Это каминъ—не печка.

— Нѣтъ, не знаю.

— Это папа, Иванъ Матвѣичъ, на диванѣ сидитъ Матрена Кондратьевна, а сюда теперь смотритъ Василиса Александровна, у ней парикъ. Послѣднія слова она сказала шопотомъ и смѣясь.

— Что у ней?

— Парикъ, парикъ,—у ней нѣтъ своихъ волосъ: это чужіе на ней, да, право чужіе, шептала она.

— Женни! раздался голосъ Ивана Матвѣича:—шептаться не хорошо!

Дѣвочка сконфузилась, надула было губки, но быстро оправилась, улыбнулась и спросила громко:

— Вы видѣли эти картинки? И она достала со стола книгу.

Подобное угощеніе было самымъ лучшимъ средствомъ оклиматизироватъ меня дикаря, и чрезъ полчаса я ужь отъ души хохоталъ, слушая объясненія картинокъ, и проникался уваженіемъ къ познаніямъ моей хозяйки.

— Ну, дѣти, пойдемте обѣдать, прервала нашу бесѣду вошедшая Матрена Кондратьевна. Мы отправились за нею въ комнату, въ которой былъ каминъ. Посрединѣ ея за круглымъ столомъ сидѣли уже Иванъ Матвѣичъ, Лягушкинъ и Василиса Александровна. Матрена Кондратьевна, указавъ мнѣ мѣсто, сѣла къ мискѣ и принялась за разливаніе супу. Окинувъ глазами углы комнаты, въ надеждѣ найдти образъ, я принялся молиться на что-то висящее въ черной рамкѣ между оконъ, а затѣмъ, садясь на мѣсто, я замѣтилъ, что маленькая хозяйка моя сидитъ, потупившись въ тарелку,

й тихо хихикаетъ, а Иванъ Матвѣичъ смотритъ на нее и неодобрительно качаетъ головой. Послѣ нѣсколькихъ ложекъ супу собесѣдники снова начали прерванный разговоръ.

— Еще дня два—и снѣгу не будетъ, я выставила уже окна, замѣтила Василиса Александровна.

— У насъ Иванъ Матвѣичъ не велитъ. Иванъ Матвѣичъ вздохнулъ. Вообще мнѣ казалось, что онъ на кого-то сердится или кто-нибудь его обидѣлъ, онъ или вздыхалъ какъ-то отрывисто, такъ что слышалось только хо—хо—хо! или же насмѣшливо какъ-то моргалъ и усами и глазомъ въ одно время. Не будь его за столомъ, супъ, показавшійся мнѣ очень вкуснымъ, былъ бы вдвое вкуснѣе.

— Да, барометръ обѣщаетъ хорошую погоду, сказалъ Лягушкинъ.

Надо спроситъ у Женни кто это такой барометръ. Барометръ, барометръ—твердилъ я машинально, смотря какъ Иванъ Матвѣичъ принялся рѣзать поставленный передъ нимъ кусокъ мяса, любуясь кровавымъ его сокомъ.

— Скворцы ужь прилетѣли, произнесла Матрена Кондратьевна.

Я вздрогнулъ, мнѣ ужь было не до обѣда. Бросивъ взглядъ на Матрену Кондратьевну, не шутитъ-ли она надо мной, и на мясо, и сообразивъ, что изъ-за него не стоитъ оставаться—я всталъ изъ-за стола, снова помолился и на просьбы хозяйки объявилъ, что ѣсть болѣе не хочу, а пойду домой. Мою сторону принялъ

и Иванъ Матвѣичъ, онъ даже весело мнѣ улыбнулся, пощекоталъ меня и велѣлъ, чтобы меня проводилъ кучеръ до дому.

Изъ этого дикаго мальчика будетъ прокъ большой, услышалъ я, надѣвая свою шубу, голосъИвана Матвѣича.

Такъ вотъ они когда прилетѣли... ишь какіе... зачѣмъ она не сказала, откуда они прилетѣли... эхъ славно, если да изъ за бани—тамъ хоть трапезникъ, ну да какъ онъ вдругъ спалъ? Ни дома, ни прохожіе для меня не существовали,—я летѣлъ и только на одинъ домъ и обратилъ вниманіе, да и то потому, что мой проводникъ удержалъ меня за руку.

— Тутъ грязно, не ходите, пойдемте на другую сторону. Изъ открытаго окна въ этомъ домѣ слышался хохотъ и громкіе голоса, ворота были открыты и у крыльца виднѣлась тройка лошадей, заложенная въ тарантасъ; два или три мужика безъ шапокъ стояли у крыльца, казакъ уминалъ сѣно въ тарантасѣ...

Матрена Кондратьевна не обманула: скворцы прилетѣли; правду сказалъ и Петръ: около квартирки, приготовленой нами для нихъ, летала черная птичка—и это обстоятельство доставило мнѣ не мало радости.

ГЛАВА IV,

ведущая читателя въ тотъ домъ, около котораго грязно.

Домъ этотъ принадлежалъ Василію Степановичу Кукишеву. Кукишевъ, извѣстный въ городѣ Полуторовскѣ подъ именемъ князя, собирается объѣхать свою дистанцію, ввѣренную ему какъ засѣдателю, но дорого бы далъ князь, если бы ему возможно было остаться дома въ своемъ татарскомъ халатѣ и торжковыхъ сапогахъ, покоиться на мягкомъ, хотя и продавленномъ диванѣ. Но сила, выше и могущественнѣе его, приказываетъ его трястись по неудобнымъ дорогамъ, плыть по грязи; и повинуется онъ этой силѣ; и съ горя выпиваетъ рюмку за рюмкой хорошей доморощенной наливки. Высшая же сила, олицетворяемая полной, румяной, съ соболиными бровями и агатовыми очами, супругой его Ксеніей Матвѣевной, переходила изъ комнаты въ комнату, энергически распоряжаясь касательно болѣе аккуратнаго и болѣе быстраго укладыванія супружескаго багажа.

— Право, Ксюша, началъ немного заикаясь и немного заискивающимъ тономъ князь:—право, не лучше ли послѣ праздниковъ? А то теперь гдѣ-нибудь засядешь

въ деревнѣ... рѣчки эти... просидишь тамъ праздники... все равно, Ксенюшка, останемся же безъ денегъ.

Послѣдній аргументъ онъ считалъ самымъ убѣдительнымъ: не даромъ-же вчера цѣлый день онъ уподоблялся сухому дереву, а востроглазая супруга его острой пилѣ, нещадно пилившей бѣднаго князя подъ монотонный напѣвъ о томъ, что служить такъ нельзя, что на писарей полагаться не слѣдуетъ, что такъ и голодомъ насидишься. А тутъ Пасха на дворѣ, и наряды и вечеръ дать придется, слѣдовательно, нужно самому объѣхать всѣхъ мужиковъ. Вспомнилъ всю эту пѣсню князь и привелъ свой аргументъ.

Черныя бровки супруги сдвинулись грозно, какъ туча; изъ черныхъ глазъ блеснула молнія, желая окаменить уста слишкомъ откровеннаго супруга, забывшаго, что у окна, около закуски, сидитъ сильно нагрузившійся докторъ, а у дверей, въ скромной позѣ, письмоводитель его, Николай Павлычъ. Хотя они и свои люди, и очень хорошо знаютъ, зачѣмъ нужно ѣхать по дистанціи, но все-таки лучше помолчать, такъ думала княгиня, желая грозной мимикой зажать ротъ своему супругу, но огорченный князь на этотъ разъ былъ не находчивъ и продолжалъ въ минорномъ тонѣ:

— А если тебѣ что нужно купить къ празднику, то можно въ долгъ, или въ займы возьмемъ; мнѣ сколько и чего хочешь, Ксюшинька, дадутъ.

— Ну, братъ, князь, шалишь, возразилъ коснѣющимъ языкомъ докторъ:—ума тебѣ ужь не дадутъ, нѣтъ, дудки.

— Да поѣзжай же, Васинька, что ты лошадей-то моришь! Николай Павлычъ, что, готово все?

— Все-съ, все готово... какъ же-съ... Ваше сіятельство, пожалуйте.

Князь, потерявъ всякую надежду остаться дома, озлобился и съ гнѣвомъ подступилъ къ доктору.

— Ты говоришь мнѣ не дадутъ... мнѣ не дадутъ, чего я хочу? Врешь!.. Я, братъ, съ мужикомъ милостивъ—не дерусь... и мнѣ всегда, что угодно...

Высшая сила, видя, что грозный взглядъ ея, производившій въ иное время на супруга магическое дѣйствіе, отражается теперь отъ изолированнаго рябиновкой и окислившагося, жиденькаго, черноватенькаго князька—потому она и рѣшилась употребить болѣе энергическое средство.

— Князь, поѣзжай, произнесла она, быстро повертывая отъ стола съ закуской тщедушнаго, неожиданно заплакавшаго мужа.—Эго о чемъ еще?

— Прощай, Ксюша, всхлипывалъ Кукишевъ, идя отъ закуски въ переднюю, гдѣ дворовый человѣкъ принялся одѣвать его, какъ маленькаго ребенка.

Докторъ хотѣлъ тоже идти въ переднюю, но судьба, покачнувъ его, предоставила къ столу съ закуской, гдѣ онъ и принялся безсознательно выпивать рюмку за рюмкой, пока подкосившіяся ноги не уложили его на полу, тутъ-же у стола.

А въ это время, посреди двора и дворни, княгиня вытирала слезы и нѣжно лобзала рыдающаго мужа, который стремился, вмѣсто подножки, всунуть свою ногу

между ступицъ колеса, къ явному соблазну смѣшливой Дуньки. Сцена выходила очень грустная, какъ и надлежало быть прощальной сценѣ. Всѣ лица были настроены на этотъ ладъ, кромѣ сумрачнаго ямщика, озабоченнаго исчезновеніемъ новыхъ своихъ рукавицъ, и кучера Бориски, очень чѣмъ-то озабоченнаго около хомута лѣвой пристяжной.

Наконецъ, при помощи Николая Павловича и лакея, непослушныя княжескія ноги были водворены на подножки, а затѣмъ и въ тарантасъ. Казакъ ловко вскочилъ на козла.

— Ну, трогай.

— Рукавицы, парень...

— Чего рукавицы? пошелъ!.. понужай! И кулакъ казака пояснилъ практически смыслъ послѣдняго слова.

Тронули по всѣмъ по тремъ, колокольчикъ зазвѣнѣлъ, и дворовой публикѣ оставалось только любоваться, какъ грустная супруга поднималась на крыльцо, утирая сухіе глаза. За ней двигалась не менѣе грустная Прасковья Степановна, супруга Николая Павловича, богъ вѣсть откуда вдругъ появившаяся.

Путешествующіе гораздо скорѣе утѣшаются, чѣмъ остающіеся дома. Но на этотъ разъ дѣло было иначе: не одну версту княжескія слезы, крупные какъ отборная рябина, на которой была настояна изобильно употребленная имъ наливка, капали на борта шинели; не одну версту провздыхалъ и среброкудрый ямщикъ, ощупывая кругомъ себя съ слабой надеждой отыскать улетучившіяся новыя рукавицы. А между тѣмъ кня-

жескій Бориско былъ уже утѣшенъ и спокойно сидѣлъ въ сосѣднемъ кабакѣ, спрыскивая свою находку, очень похожую на ямщицкія рукавицы, найденныя имъ случайно въ карманахъ своихъ вмѣстительныхъ штановъ. Еще скорѣе Бориски утѣшилась княгиня: ея звонкій хохотъ переливался по комнатамъ и заглушалъ заливающихся кинареекъ. Ея обычная шутка сегодня вышла особенно остроумной: затворивъ дверь на крючокъ и спрятавъ въ карманъ платокъ, она сдѣлала быстрый пируэтъ къ опередившей ее Прасковьѣ Степановнѣ и, схвативъ подолъ ея платья, накрыла голову послѣдней всѣми принадлежностями женскаго костюма. Цѣломудренная Прасковья Степановна, неуспѣвшая еще перестроить свою плачевную физіономію на болѣе отрадную, и боясь, что однимъ открытіемъ дѣло не ограничится, быстро повернулась лицемъ къ княгинѣ и открытымъ задомъ влетѣла въ залу. Изъ устъ ея готовъ былъ вырваться обычный протестъ:—«Ахъ, безстыдница княгиня», но не вырвался по обстоятельствамъ отъ нея независящимъ. Прасковья Степановна въ цѣломудренномъ своемъ стремленіи встрѣтила покойно почивающаго доктора, который и былъ покрытъ ея тѣломъ и въ придачу столомъ съ закусками, опрокинутымъ при помощи затылка злосчастной приживалки. Шутка, значитъ, была съ сюрпризомъ, и теперь, когда Кукишевскій лакей, Илья, съ супругою своей Марьей, стащили въ хозяйскій кабинетъ мирно спящаго доктора, убрали осколки битой посуды и перевязали разсѣченный затылокъ Прасковьи Степановны, Ксенія Матвѣевна ка-

талась по дивану и хохотала, вспоминая малѣйшія подробности своей милой шутки. Довольна и Прасковья Степановна, что такъ неожиданно и удачно потѣшила свою благодѣтельницу,—и много хорошаго предвидится ей въ будущемъ. Доволенъ Илья, успѣвшій при раздѣваніи безчувственнаго тѣла докторскаго взять малую толику изъ карманныхъ капиталовъ сего послѣдняго, унаслѣдованныхъ отъ мертвыхъ тѣлъ. Довольна даже и княжеская кухарка, Борискина супруга, потѣшаясь проказами смѣшливой своей Дуньки, представляющей, какъ плачущій баринъ лѣзетъ въ колесо.

Крѣпко спитъ сіятельный путникъ въ качкомъ тарантасѣ, сладко спитъ и докторъ въ сіятельномъ кабинетѣ, еще крѣпче ихъ спитъ въ кухнѣ, за печью, спустившій рукавицы Бориско. Въ барскихъ комнатахъ тишина: послѣ припадка веселости на княгиню напала меланхолія, попробовала было и она соснуть послѣ обѣда, но не спится. Ея собесѣдница, употребляющая гигантскія усилія, чтобы скрыть зѣвоту и разодрать слипающіеся глаза, объявила, что и ей не спится, и сидитъ она въ углу, шевеля вязальными спицами и выжидая удобную минуту, чтобы адресоваться къ добрѣйшей княгинѣ насчетъ голубенькаго шерстянаго платья. Изъ него она съумѣла бы смастерить себѣ такой нарядъ, что только носи, хвали, да моли Бога за благодѣтельницу. Оно хоть и ея благовѣрный имѣетъ свои доходы и даже изрядные, да вѣдь вашему сіятельству и слабость-то его извѣстна: запьетъ, такъ все до рубашки спуститъ,—такъ слагаетъ мысленно рѣчь Прасковья Степановна, бросая взгляды на хозяйку,

но все какъ-то не приходится громко заявить ихъ. Княгиня не въ духѣ; она тоже взялась было за работу, но чрезъ нѣсколько минутъ свернула ее въ комокъ и пустила въ смирно спавшаго кота, который и унесся въ другую комнату. Протянула было руку къ столу, на которомъ покоилась вся ея библіотека: Параша Сибирячка, альманахъ—Утренняя Заря, Оракулъ, Ледяной домъ и Полный Новѣйшій Пѣсенникъ, но раздумала, и теперь, опершись на окно, сидитъ и смотритъ на пустую улицу, на длинный сѣрый заборъ, изъ-за котораго виднѣется церковь, въ настоящую минуту посылающая монотонный, великопостный призывъ: къ намъ... къ намъ... къ намъ.

Прасковья Степановна попробовала заохать, чтобы напомнить свое паденіе и тѣмъ подновить гомерическій смѣхъ, но напрасно—смѣху не послѣдовало, а только капризное:

— Ну, захныкала!..

— Да болитъ.

— Ну, примочи водкой... надоѣла!

Снова молчаніе.

Къ намъ, къ намъ, къ намъ, зачастилъ церковный колоколъ и замолкъ.

— Куда этотъ журавль все мимо ходитъ? замѣчаетъ про себя Ксенія Матвѣевна, слѣдя глазами за широко шагающимъ, длиннымъ молодымъ человѣкомъ.

— Хи-хи-хи! а точно, что журавль, только носъ покороче... Куда? Да къ несчастнымъ, къ Мурашеву этому—дѣвчонку-то рисовать учитъ. А какую я про

него исторію нонеча узнала отъ хозяйки его, смѣхъ... У него есть зазнобушка. Да это еще ничего, дѣло молодое, только живетъ-то она въ Пельмени, 80 верстъ вѣдь отъ сюдова-то. Такъ онъ что-же: со службы въ субботу-то придетъ—верхомъ сейчасъ и къ ней, а въ понедѣльникъ утромъ опять сюда.

— Ну, такъ чтоже?

— Да ничего, смѣшно.

— А смѣшнѣе этого ничего нѣтъ?

— Да вы чего-же это, прости Господи, сглазилъ васъ, что-ли, кто? Ужь не поворожить ли, какъ наши ненаглядные ѣдутъ?

— Отстань ты со своими ненаглядными. Поди-ко лучше вели чай подавать.

Явился и чай подъ предводительствомъ раненой Прасковьи Степановны, а за ней вкатился въ комнату неожиданный и проспавшійся докторъ. Страннымъ свойствомъ обладалъ этотъ докторъ: именно, стоило ему сѣсть куда-нибудь въ уголъ или выйдти изъ комнаты и о немъ забывали совершенно, такъ что каждое его появленіе вызывало восклицаніе неожиданности, словно онъ нежданно-негаданно возвратился съ луны, куда ѣздилъ экстренно для вскрытія мертваго, неизвѣстно кѣмъ подброшеннаго, тѣла. Нѣтъ ничего удивительнаго, что жители Полуторовска хворали и умирали ни разу не вспомнивъ, что есть у нихъ Иванъ Павлычъ, который, угостивъ его какою-нибудь микстурой, спасетъ отъ смерти и возвратитъ имъ прежнее ихъ здоровье, могущее выдерживать полуведерныя попойки и полупудовые кулаки пріятелей.

— А, докторъ! встрѣтила его княгиня,—чаю хотите?

— Не знаю-съ... голова что-то болитъ... я у князя соснулъ порядкомъ... Онъ уѣхалъ уже?

— Да, уѣхалъ давно.

— А не угарно-ли у васъ? голова что-то болитъ.

— Вы бы пива холоднаго выпили... помогаетъ, замѣтила Прасковья Степановна.

— А что, въ самомъ дѣлѣ... вы говорите: помогаетъ?

— Помогаетъ, а то и рюмку водки, тоже хорошо.

— Тоже, говорите, помогаетъ, попробовать развѣ?

Княгиня приказала подать водки. Докторъ помнилъ пословицу: «вѣкъ живи и вѣкъ учись» и очень любилъ расширять свои медицинскія познанія, узнавая, что отъ чего помогаетъ и часто за свою любознательность награждался хорошими результатами. И теперь лекарство, принятое по совѣту Прасковьи Степановны, подѣйствовало на него благодѣтельно: онъ повеселѣлъ и, потирая руки, обратилъ вниманіе на повязку приживалки.

— Упала, да разсѣкла затылокъ.

— Ну, и чтоже вы сдѣлали?

— А паутина, да вино съ уксусомъ.

— И чтоже, помогло?

— Облегчило.

— Это, значитъ, хорошо. Такъ князь-то уѣхалъ?.. хмъ!

Въ передней раздался стукъ.

— А это, полагаю я, не меня ли къ больному ищутъ? неожиданно самообольстился незамѣчательный докторъ.

Княгиня не отвѣчала. Она, сдвинувъ брови, прислушивалась къ говору въ передней, но вскорѣ сдѣлала кислую мину: чрезъ залу шагалъ видный мужчина въ мундирѣ городничаго.

— Здравствуйте, княгиня. А, и докторъ здѣсь! Ужь не больны-ли?.. Ха-ха-ха! А пречертовская скука: къ кому не заявишься, всѣ говѣютъ; такія постныя личики, что ужасти! Дай, думаю, сюда... анъ, князь удралъ... Ну, да ничего. А! это чай? хорошо-съ, и ромашка тутъ. Вотъ съ ромкомъ-то въ постъ-то бы и не слѣдовало.

— Это вѣдь не сливки.

— Я шучу-съ... шучу... Новый-то протопопъ, говорятъ, на этотъ счетъ строгой, не то что покойникъ: тотъ былъ душа человѣкъ и покутить мастеръ былъ. А этотъ чудныя исторіи выкидываетъ,—сосѣдъ вѣдь мой, значитъ все извѣстно начальнику города.

— А что такое? полюбопытствовала княгиня.

— Да все-съ касательно показанія своей святости: попъ привезъ ему на поклонъ курицъ, ну-съ, и пустилъ по двору, а онъ и заставилъ его же самаго ловить, да такъ съ курицами-то и спровадилъ—обидѣлъ просто.

— Значитъ больше деньгами? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, говорятъ, и съ деньгами спроваживаетъ.

— Больно богатъ, значитъ?

— Ну-съ, что-то не видно. Видѣлъ я его старшую дочь въ церкви—холстинковое платье-съ... я думалъ горничная чья либо затесалась впередъ, квартальному и говорю: «Тутъ, молъ, благородные стоятъ, оттащи-ко за подолъ подальше.»—«Это, говоритъ, ваше в-б-іе, прото-

попская дочь.» Гляжу: ничего, хорошенькая. Да это пусть себѣ тамъ святаго корчитъ,—ничего не беретъ, намъ больше останется. Ха-ха-ха! А только то скверно, что онъ съ этими посельщиками дружится. Какъ бы то ни было, онъ все-таки хоть межъ попами-то лицо первое, и сану своего ронять не долженъ. Еще-съ позвольте, княгиня, стаканчикъ: ромъ у васъ хорошій... Мнѣ этотъ мерзавецъ Полуяновъ прислалъ какого-то настою изъ клоповъ... Ну-съ, такъ я говорю, что съ посельщиками-то этими ему за панибрата пожалуй еще и не дозволятъ обходиться. Они и то, въ послѣднее время, что-то носъ задирать начали.

— Да они вѣдь ничего, люди смирные, замѣтилъ докторъ, нечаянно ухнувшій въ себя излишнюю порцію рому, при чемъ укоризненно покачалъ головой.

— А посмотрѣлъ бы я, какъ бы они были у меня не смирными! вспылилъ городничій Квасовъ.—И зачѣмъ ихъ только въ мой городъ послали!.. Чортъ вѣдь... извините сударыня, кто вѣдь ихъ знаетъ, что они тутъ замышляютъ, лепечутъ по французскому. Лягушкинъ вонъ столбъ себѣ какой-то сдѣлалъ, да и лазитъ на него.

— Это онъ погоду—вѣтеръ наблюдаетъ.

— Ну, вы ученый человѣкъ, такъ у васъ все вѣтеръ... А губернаторъ пріѣдетъ, спроситъ, почему не донесъ? А какъ донесемъ? Можетъ это скворешница. А вонъ при моемъ предшественникѣ, разсказываютъ, когда ждали сюда высокаго гостя, у Кандальцова пу-

шечный лафетъ на колесахъ нашли. Хорошо, что покойникъ догадался приказать изрубить ихъ.

— А то что́-бы было?

— Что-бы! Что-бы!

Княгиня зѣвнула. Очевидно, что многорѣчіе виднаго Квасова ее не занимало. Онъ поспѣшилъ, какъ любезный кавалеръ, перемѣнить тему, и очень игриво разсказалъ, какъ они вчера собрались къ инвалидному камандиру, подкутили тамъ, и какъ онъ, инвалидный, преуморительно представлялъ влюбленную корову, а подкутившій стряпчій чуть ему усы не спалилъ. Разсказъ былъ настолько игривъ, что окончился общимъ громкимъ хохотомъ, изъ-за котораго и не примѣтили вновь явившагося гостя. Это былъ молодой господинъ съ свѣтлыми бакенбардами, юркій Иванъ Ѳедоровичъ Огурцовъ, мѣстный судья и кутила.

— Ей Богу... Ей Богу... Ей Богу, зачастилъ онъ,— и не зналъ, не зналъ... досадно, князь уѣхалъ... а дѣло было. Имѣю честь кланяться, княгиня.

— Прошу покорно садиться. Не прикажете-ли чаю?

— Премного благодаренъ... пилъ... Нашъ неусыпный градоначальникъ уже здѣсь. А, и вы докторъ! Какъ ваше здоровье?

— Не ваше дѣло, отвѣтилъ мрачно докторъ.

— Ха-ха-ха! разразился городничій.—Такъ, такъ... каждый знай свое мѣсто: судья—суди, а докторъ—о здоровьи спрашивай.

— Такъ и кажется, что быть ему въ раю, ворчалъ

докторъ, направляясь къ только-что поданной закускѣ. Сюда, по приглашенію хозяйки, послѣдовали и судья, и городничій, чтобы, заморивъ червячка, засѣсть за зеленый столъ для переложенія изъ однаго кармана въ другой благопріобрѣтенныхъ финансовъ.

ГЛАВА V,

хотя и фантастическая, но до малѣйшихъ подробностей истинная.

Наскучивъ пустынной, длинной, главной улицей г. Полуторовска, глазъ съ удовольствіемъ останавливается на двухъ березовыхъ рощахъ, раздвинувшихся по обѣимъ сторонамъ дороги, чтобы выпустить очумѣвшаго Полуторовца на поля нашей, всѣмъ извѣстной, незатѣйливой русской природы. Особенно хороша была лѣвая роща. Передъ ней, словно очерченное циркулемъ, лежало небольшое озерко, въ которое, какъ въ зеркало, смотрѣлись деревья съ вершинами, усѣянными гнѣздами галокъ. На берегу этого озера, пріютившись между деревьями чернѣло старинное, развалившееся зданіе съ балконами и террасами, отъ которыхъ точеныя балясины поступили во владѣніе молодаго поколѣнія сосѣдней деревеньки—Карнаушки и употреблялись имъ для сбиванія городковъ.

Неизвѣстно было, кому принадлежалъ этотъ домъ,

да никто этимъ и не интересовался: граждане Полуторовска, переспавъ томительный дневной жаръ и освѣжившись кваскомъ, медкомъ или чайкомъ, предпочитали зеленой рамкѣ свѣтлаго озерка—зеленые столы. Карнаушинскіе же старцы собирались сюда иной разъ покалякать о болѣе интересныхъ для нихъ предметахъ и на археологическія изысканія времени не тратили. Молодое же поколѣніе этой миніатюрной мѣстности и безъ распросовъ знало очень хорошо, что тутъ живетъ нечистая сила, и, лишь только наступали сумерки, какъ всѣ эти здоровые мальчуганы, изъ которыхъ каждый не задумался бы съ топоромъ встрѣтить волка, отступали отъ развалины и усаживались поближе къ озерку.

Былъ славный теплый вечеръ. Это былъ канунъ праздника и карнаушинскіе мальчуганы, вышедшіе изъ бань и разсчитавъ, что на работу ихъ завтра не погонятъ, составили группу около озерка. Наскучивъ разными олимпійскими играми, пересыпаемыми русскими потасовками и крѣпкими словцами, они сидѣли миротворно и вели тихую бесѣду. Тутъ были представители разнаго возраста отъ 10 до 18 лѣтъ включительно. Рѣчь мальчугановъ, не смотря на поэтическую обстановку, не смотря на полную свѣтлую луну на темно синемъ небѣ, отражающуюся въ озерѣ съ одного только дальняго края, подернутаго бѣлымъ флеромъ тумана, не смотря на здоровый запахъ, только что распустившейся рощи, не смотря на все это,—рѣчь мальчугановъ была самаго матеріальнаго свойства и шла о кулинарномъ искусствѣ.

— Поди ты къ лѣшему зубатился, зубастый и черномазый Петрушка Толстыхъ: —съ твоей теткой Маланьей! Чего она знаетъ... Нѣтъ, ребята, я вотъ въ городѣ нонѣ гряды наймовался у купца копать, такъ вотъ пироги-то ѣлъ, такъ пироги!

— Еще-бы въ городѣ! Тамъ одно слово — жрутъ, глубокомысленно замѣтилъ рыженькій Костька Молотиловъ.—Вотъ Ванька ужо отожрется тамъ въ батракахъ-то,—такое-же пузо-то будетъ, какъ у нашего головы.

— У нашего головы, братцы, блины да аладьи въ пузѣ-то, ввернулъ свое замѣчаніе самый младшій.

Но его замѣчаніе, какъ недоросшаго еще до права подавать свой голосъ, оставлено было безъ вниманія, и публика обратилась къ сидѣвшему поодаль задумчивому малому съ красивымъ лицомъ.

— Ты развѣ совсѣмъ порѣшилъ въ батраки-то?

— Порѣшилъ, отвѣчалъ Ванька, обнявъ свои колѣни, тихо покачиваясь и смотря куда-то въ даль своими большими карими глазами.

— А мать-то?

— Мать въ стряпки туда-же.

— Ну, пострѣлъ... началъ снова зубастый, очевидно, считавшій себя непогрѣшимымъ судьей въ дѣлѣ гастрономіи, по причинѣ съѣденныхъ имъ купеческихъ пироговъ.—Чего твоя мать-то умѣетъ стряпать-то? Станетъ графъ стряпню вашу ѣсть!

Публика захохотала. Ваньку передернуло.

— Чего зубы-то полощете?.. У графа, поди, поваръ... Тоже ржутъ!.. Мать-то для кухни будетъ стряпать.

— А сколько жалованья-то?

— Три рубля.

— Врешь?!

— Чего врать-то.

Публика, смотрѣвшая на Ваньку Сѣрыхъ, какъ на сына вдовы, въ былое время побиравшейся въ городѣ, какъ на владѣльца развалившейся въ концѣ деревни черной лачуги, при этомъ извѣстіи взглянула иначе— съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Три рубля на ассигнаціи казались капиталомъ, а еще, пожалуй, какъ надѣнетъ синій кафтанъ, да зеленыя графскія рукавицы, такъ на нихъ и смотрѣть не станетъ. Нѣкоторымъ даже завидно стало. Особенно сильно было это чувство въ Митькѣ Бурлаковѣ, въ зеленомъ золотушномъ парнѣ, съ жесткими рыжими волосами и въ ситцевой рубахѣ. Карнаушинскій аристократикъ, сынъ богатаго мужика, по своей болѣзненной раздражительности, не могъ хладнокровно видѣть, чтобы кому-нибудь и что-нибудь удавалось.

— Не пошелъ-бы я въ батраки къ посельщику, хоша-бы его и графомъ величали, произнесъ онъ, стараясь усмѣхнуться.

— Пошелъ бы, кабы отецъ-то твой міру не ограбилъ... въ солдаты бы пошелъ, не то што въ батраки, возразилъ Ванька, по прежнему всматриваясь въ даль.

— Нѣтъ, ребята, звонко началъ Костя Молотиловъ:— мы Митрія Ильича и не пустили-бы отъ себя, ни за што-бы его не пустили.

Митрій Ильичъ разцвѣлъ: рѣдко ему удавалось слы-

шать доброе слово отъ ребятъ, а особливо отъ забіяки Кости.

— А на коего онъ намъ... твой Митрій-то Ильичъ?

— Какъ на коего? А кто у насъ воронъ-то пугать будетъ? Гдѣ такого красавца сыщешь?

Громкій хохотъ компаніи, отдавшійся эхомъ по рощѣ, увлекъ даже серьезнаго Ивана.

— Слышь, ребята, лѣшій-то какъ въ рощѣ ржетъ, замѣтилъ молчавшій до сихъ поръ сынъ кузнеца, Алексѣй Часовщиковъ.

— Лѣшій! усмѣхнулся рядомъ сидѣвшій съ нимъ скептикъ Васильевъ.

— А кто, небось, по твоему?

— Да никто... А это такъ... чего крикнешь и въ лѣсу тоже открикнется.

— Да кто тамъ открикнется-то, дура голова?

— Да никто... такъ ужь, значитъ, открикнется.

— Открикнется,—не совался бы. Подико-сь, видали лѣшаго-то... Маланью-то кто извелъ?.. поди-ко, спроси...

Маланья была извѣстная всѣму городу и Карнаушкѣ нищая, спѣшившая пропить все, что попадало ей въ руки прямымъ и косвеннымъ путемъ. Часовщиковъ затронулъ общее любопытство и, побуждаемый общими просьбами, принялся разсказывать про Маланью, при чемъ, какъ добросовѣстный историкъ, поспѣшилъ указать на источники, откуда онъ пользуется сообщаемыми свѣдѣніями. Источникъ этотъ—его мать, бывшая подруга Маланьи.

— Маланья, ребята, была такая дѣвка... такая красивая, что приказные ходили изъ городу къ намъ на ка-

пустку, нарошно ходили, чтобы ее видѣть. Одинъ даже на ней жениться хотѣлъ... ей Богу... Да она говоритъ: наплевать мнѣ на него, на красноносаго... Она богомольная такая была, все въ городъ, въ церковь ходила кажинной праздникъ, все въ церковь... Хотѣла въ стряпки наняться, чтобы ближе, значитъ, было къ церкви,—да свои не пустили. А лѣтомъ все въ лѣсъ, да въ лѣсъ; поздно придетъ, не обѣдамши—не хочу, говоритъ... ну, а тутъ вдругъ захворала—вѣситься хотѣла,—съ веревки сняли... Ее знахарь лечилъ... ну, а потомъ и пропала. Думали утопла... здѣсь палками въ озерѣ-то искали, а она по веснѣ вдругъ и спитъ на дворѣ: чрезъ полгода, значитъ, воротилась; спитъ пьяная, ну и пьетъ и теперь.

— Ну, а про лѣшаго-то? сказывалъ — лѣшій ее загубилъ.

— А то кто? она вѣдь и разсказывала. Онъ ее верстъ за 80 увелъ, тамъ и держалъ, а ей все казалось, что дома живетъ. Только руки не поднимались молиться... Разъ, говоритъ, лѣшаго-то не было, она перекрестилась,—смотритъ, а она въ Пельмени. Ну, и пошла домой. А онъ ее, слышь ты, все водкой поилъ, а ей казалось квасъ; ну и привыкла. Такъ ты вотъ ее спроси, какой такой лѣшій-то.

— А какой онъ?

Разскащикъ принялся за описаніе наружности лѣшаго, но слушатели остались неудовлетворенными его разсказомъ.

— А что, правда, али нѣтъ, что ты, Ванька, черта видалъ? обратился Молотиловъ къ будущему батраку.

— Видалъ.

— Ну? Неужели? зашумѣла компанія и подползла поближе къ оконфузившемуся, отъ общаго вниманія, Ванькѣ. Всѣ знали, что серьезный Иванъ обманывать не станетъ, и вотъ представился случай отъ такого вѣрнаго человѣка получить свѣдѣнія о такомъ популярномъ баринѣ, который можетъ въ послѣдствіи заставить лизать разныя каленыя вещи.

— Разскажи... ну, разскажи... и молчитъ, разѣ заказалъ молчать?

— Нѣтъ... насъ вѣдь много видѣло... мы убѣгли, началъ, заикаясь отъ непривычки говорить предъ избраннымъ обществомъ, Ваня.—Я зимой у дяди жилъ, въ Томиловой... ну, тамъ на рѣчкѣ видѣлъ съ Миколкой, съ Михалкой, да еще парни были. Погнали на прорубь лошадей поить, — объ вечеръ дѣло было. Лошади-то пьютъ, а Миколка и говоритъ: ребята, смотри. Онъ изъ за кустовъ по льду-то и летитъ. Мы перекрестились... а онъ ничего—летитъ прямо на насъ: мы на коней, да какъ пошли, да какъ пошли. Миколка шапку потерялъ.

— Не догналъ?

— Да гдѣ догнать!

— Ишь ты, креста не спужался!

— Може это не онъ, а собака, али ворона, возразилъ скептикъ.

Иванъ засмѣялся.

— Съ руками-то, да съ ногами собака, али ворона?!

— А роги-то были? Да ты толкомъ разскажи, какой онъ?

— Черный весь, голова вострая, сзади крылья, съ Петрушку ростомъ.

Петрушка съ чего-то обидѣлся, но публика требовала продолженія.

— Ногами не шевелитъ, а такъ и несется по льду-то, только руками машетъ.

— А хвостъ?

— Ну, хвоста не видалъ.

— Да вѣдь онъ на нихъ летѣлъ, а хвостъ-то сзади, резонно пояснилъ Молотиловъ.—Да ну васъ, къ ночи-то, и съ хвостомъ-то вмѣстѣ!

Молодое поколѣніе, занятое бесѣдой о такой подирающей по кожѣ матеріи, не замѣтило, что герой важнаго разсказа, съ маленькимъ чемоданчикомъ за плечами, съ небольшимъ заступомъ и облитый съ одной стороны яснымъ мѣсяцемъ, усталыми шагами приближался по окраинѣ озера къ бесѣдующимъ. Это былъ Лягушкинъ, — въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ несшійся по льду и спугнувшій молодцовъ, поившихъ коней. Но еслибы Ивана, подъ присягой, спросить: не Лягушкина ли онъ тогда видѣлъ? то онъ могъ-бы, по чистой совѣсти, сказать, что нѣтъ. Такъ эффектенъ и могучъ былъ тогда на конькахъ Лягушкинъ и такимъ сгорбленнымъ, въ своей сѣрой курточкѣ, шелъ онъ теперь по берегу, опираясь на свой маленькій заступъ.

Неожиданное появленіе его между мальчуганами произвело большой эффектъ: струсили всѣ. Золотушный Митрій, прошептавъ: «колдунъ», поспѣшилъ къ деревнѣ;

прочіе замолкли и испуганно смотрѣли на подходящую фигуру. Здоровенные ребята, настроенные бесѣдой на чертовщину, при видѣ Лягушкина, извѣстнаго въ окрестныхъ деревняхъ подъ именемъ колдуна, почувствовали себя скверно. Нѣкоторымъ показалось холодновато, другіе неожиданно припомнили, что пожалуй лаяться будутъ дома: засидѣлись, молъ, до полночи,—и встали съ своихъ мѣстъ. Остались только трое—гастрономъ зубастый, Молотиловъ, да Ванька. Имъ, очевидно, хотѣлось быть героями и на завтра хохотать надъ трусами, хотя и самимъ было жутко.

— А вамъ чтоже, не хочется спать? смѣясь, спросилъ Лягушкинъ, подсаживаясь къ тріо.

— Чего, спать-то? выспимся еще—не баре, замѣтилъ Молотиловъ.

— Развѣ только барамъ и спать?

— А чего имъ больше дѣлать,—ѣсть да спать.

Лягушкинъ внимательно взглянулъ на мальчика, добродушная физіономія котораго ясно показывала, что въ его словахъ сказывалось убѣжденіе безъ всякой ироніи.

— Ты грамотный?

— Нѣтъ.

— Отчего-же не учишься, развѣ не хочется?

— Нашто намъ... насъ и дома дерутъ ладно.

— Развѣ непремѣнно драть надо, чтобы грамотнымъ сдѣлать?

— Не поймешь, такъ зато... Не надо, на што намъ грамота-то!

— Ты парень умный, а съ грамотой-то тебя каждый купецъ въ прикащики возьметъ... Ты посмотри на нашихъ купцовъ-то, всѣ почти изъ деревень ребятами пошли... Честно, да хорошо будешь жить, такъ и самъ современемъ купцомъ будешь.

Лягушкинъ сразу, хотя и нечаянно, попалъ въ больное мѣсто мальчугану: ему не разъ мечталась геройская жизнь, сидя верхомъ на лошади и таская по вспаханному полю борону. Костюшка задумывался о другой, менѣе тяжелой и болѣе обезпеченной жизни, и вдругъ колдунъ узналъ его завѣтную думушку, и пришелъ даже дорогу показать. Костя задумался. «Нѣтъ, трудно...не поймешь»,закончилъ онъ свои размышленія.

— Тебѣ который годъ?

— Четырнадцатый.

— Ну, погоди, черезъ полгода, а можетъ и раньше, мы выстроимъ у собора школу, и если твой отецъ тебя отпуститъ, такъ приходи... попробуй: драть тамъ не будутъ.

— Отецъ-то отпуститъ.

— Ну, и кончено дѣло. А ты не хочешь учиться? обратился Лягушкинъ ласковѣе обыкновеннаго, смотря на симпатичное лицо Вани.

— Нѣтъ.

— Онъ въ батраки нанялся, пояснилъ гастрономъ. Я, пожалуй, пойду,коли драть не будете; я азъ... буки... до земли ужь знаю.

Лягушкинъ повеселѣлъ. Распросивъ двухъ прозелитовъ о мѣстѣ ихъ жительства, онъ записалъ фамиліи

и пошелъ въ городъ. Весело шелъ по длинной и пустой улицѣ Димитрій Ивановичъ, такъ звали Лягушкина. Молотиловъ значился въ его спискѣ уже двадцатымъ охотникомъ, и всѣ эти 20 изъявили желаніе сами: кто хотѣлъ поскорѣе узнать какіе такіе люди да города есть на свѣтѣ; кто мечталъ о будущей писарской карьерѣ; кто хотѣлъ поскорѣе научиться, какъ мельницы разныя да машины строить. Отличаясь способностію сходиться съ простымъ народомъ, Лягушкинъ дѣйствовалъ на мальчугановъ съ разныхъ сторонъ и умѣлъ показать грамогу, какъ двери къ интересному практическому знанію. Сойдясь со вновь прибывшимъ протопопомъ, онъ двинулъ быстро свою давнишнюю мечту, и въ соборной оградѣ былъ уже готовъ фундаментъ школы, не разъ посѣщаемый будущими завербованными учениками.

Работало головой наше тріо, возвращавшееся въ Карнаушку. У Молотилова еще назойливѣе прежняго копошилась мысль о городской жизни. Всѣ его неопредѣленныя мысли волновались, и передъ нимъ стоялъ идеалъ: онъ, Молотиловъ, толтсый купецъ, любуется своей толстой физіономіей въ ярко вычищенномъ самоварѣ, величиною чуть не съ овинъ дяди Вавилы.

Гастрономъ раздумывалъ: какъ это Лягушкинъ умудрится безъ порки втемяшить ему грамоту. Онъ непрочь бы былъ выучиться у него и колдовству,—кого захотѣлъ бы тогда, того и скрючилъ, и передъ нимъ встала грустная сцена: толпа мужиковъ стоитъ безъ шапокъ, какой-то баринъ кричитъ, потомъ вдругъ хватаетъ за бороду его

отца и кулакомъ начинаетъ бить его по лицу... Вспоминается ему глухой стонъ—далѣе онъ ничего не помнитъ.

У Ивана въ головѣ проносился цѣлый рядъ картинъ изъ прожитаго дѣтства: вотъ онъ, полузамерзшій, ходитъ за матерью отъ воротъ къ воротамъ, отмахиваясь палкой отъ бросающихся на нихъ собакъ; ходятъ цѣлый день, цѣлый годъ, пока ихъ не пристроилъ богатый дядя, т. е. не взялъ ихъ къ себѣ и не завалилъ его мать работой изъ за куска хлѣба и за нѣсколько лѣтъ терпѣливаго, безропотнаго труда,—не помогъ полуразвалившуюся лачугу привести въ состояніе, неугрожающее задавить своихъ жильцовъ. Вотъ они на базарѣ продаютъ уже свою капусту, рѣпу, лукъ и морковь, и, боже мой, какимъ богачемъ считалъ онъ себя, неся домой вырученные копейки, и какъ онъ энергично возставалъ противъ желанія матери купить ему, только одному, калачъ: «покупать такъ обоимъ», горячился онъ, размахивая руками. И жаль ему стало и своего прошлаго, и своей конуры.

— Ты еще не спишь, маинька? изумился онъ, подходя къ своей лачугѣ и видя свою мать у выставленнаго окна, облитую луннымъ свѣтомъ. Эта не старая еще, но изможденная трудами, да заботами женщина представляла великолѣпную Рембрандовкую фигуру на темномъ фонѣ.

— А не спится, Ванюшка; тебя поджидала.

— Э! да ты полъ мыла, еще больше удивился сынъ, входя въ миніатюрное свое жилье и замѣтивъ свѣтлое

изображеніе окна на чисто выскобленномъ полу.—Ты для чего маинька полъ-то мыла? Мы завтра уйдемъ.

— Жаль избу-то покинуть, такъ пусть, Ванюшка, она на насъ не судачитъ—чистой хоть оставимъ... Все што-то сердце сосетъ... не живали мы по господамъ-то, поди бить будетъ, да ругаться...

— Ну, пошто... А у меня тоже что-то сердце-то сосетъ.

— А ты поѣшь, я вонъ тебѣ поставила.

— Ладно...

И помолившись въ темный уголъ, Иванъ усѣлся за нероскошную трапезу. Зубастый гастрономъ былъ правъ, предполагая, что графъ не станетъ ѣсть стряпню Ванькиной матери, по крайней мѣрѣ, врядъ-ли бы онъ сталъ ѣсть то, что было на столѣ, передъ Иваномъ: тутъ былъ въ деревянной чашкѣ, наполненной пѣнящимся квасомъ, толченый, зеленый лукъ, и около деревянной, растрескавшейся и склееной тряпками солонки лежалъ большой ломоть хлѣба и прошлогодняя рѣдька. Но Иванъ не былъ графомъ, и скоро показалъ какой полинялый узоръ былъ на днѣ старой чашки, и съ тѣмъ-же завиднымъ аппетитомъ принялся за рѣдьку.

— Люблю я эту рѣдьку, маинька.

— Ѣшь на здоровье.

— Пущай только графъ насъ кормитъ, а ужь мы ему покажемъ какъ работаютъ-то, засмѣялся онъ съ удалью, работая теперь ровными, бѣлыми зубами дѣйствительно молодецки.—Покажемъ ему!.. Такъ, маинька,

буду дрова рубить, што штепки-то къ намъ въ озеро полетятъ.

Мать улыбнулась, слушая своего пятнадцатилѣтняго любимца.

— Онъ, маинька, графъ-то, сказалъ: хорошо будешь работать—жалованья прибавлю. Ты ужь только, значитъ, прибавляй, а мы тебя уважимъ, продолжалъ Иванъ, замѣтивъ улыбку матери и стараясь окончательно развеселить ее. Искусившійся наблюдатель могъ бы замѣтить не совсѣмъ-то натуральную удаль въ его порывистомъ размахиваніи руками.—Мы, маинька, денегъ накопимъ, да избу-то эту такъ поправимъ, што на тебѣ... Я ужь, значитъ, поправлю ее,—избу-то, ты только потомъ на полатяхъ лежи... Мы, значитъ, горницу пристроимъ... въ огородъ, до морковной гряды, такъ и хватимъ ее—горницу-то.

— Охъ ты, ужь и горницу! крышу на-перво бы исправить.

— Крышу не дорого... вонъ у дяди при мнѣ крышу-то дѣлали... не дорого.

Окончивъ свою трапезу, Иванъ отправился на покой, но переступая порогъ, обернулся назадъ.

— Я сегодня колдуна видѣлъ,—подсѣлъ къ намъ къ озеру... ребята-то убѣгли. Костька да Сенька идутъ къ нему граматѣ учиться... меня звалъ... Что онъ, маинька, впрямъ колдунъ штоли?

— Господь его вѣдаетъ... говорятъ... Видѣла оном-

нясь его въ лѣсу: траву рветъ, въ ящикъ кладетъ, коренья копаетъ.

У нашего Вани подушка вертѣлась подъ головой: долго не спалось ему. Только передъ утромъ, когда во всѣ щели убогихъ сѣней, служившихъ ему спальней, брызнулъ солнечный свѣтъ, онъ заснулъ; но короткій сонъ не успокоилъ разболѣвшейся его головы. Страшное что-то приснилось ему, такое страшное, что онъ съ крикомъ вскочилъ съ травы, прикрытой его зипунишкомъ. Холодный потъ прилѣцилъ къ блѣдному лицу его пряди волосъ. Быстро онъ началъ креститься, тяжело дыша и усиливаясь вспомнить что такое приснилось ему; но не тутъ онъ вспомнилъ свой страшный сонъ, вспомнилъ онъ его потомъ,—въ день своего совершеннолѣтія, на страшномъ мѣстѣ, въ страшную минуту своей жизни.

Мать его была уже на ногахъ, и вскорѣ около озера бодро шагали двѣ фигуры—мать съ сыномъ, неся небольшой ящикъ, войлокъ и двѣ тощія подушки. Веселый крикъ грачей носился надъ рощей; въ самой же рощѣ безумолчно щебетали какія-то пичужки веселаго характера. Все привѣтствовало отличный день, и, казалось, желало отличной жизни двумъ шагающимъ путникамъ,—только двѣ длинныя тѣни тянулись отъ ногъ ихъ по зеленому берегу и цѣплялись головами за бѣлые стволы березъ, словно желая удержаться. Да, хорошо бы это было, если-бы какая-нибудь мощная рука преградила этотъ путь. Но не будемъ забѣгать впередъ, а обратимся лучше къ ихъ будущему хозяину.

Нѣкогда графъ Кабаньскій, теперь же лишенный

всѣхъ правъ, кромѣ права жить и мыслить, онъ жилъ въ г. Полуторовскѣ подъ бдительнымъ надзоромъ галантерейнаго нашего знакомца, городничаго Квасова.

Ненасытная жажда воли, заявленная имъ съ оружіемъ въ рукахъ, чрезъ многія мытарства довела его до этого тихаго пристанища. Замерла-ли она въ немъ тутъ, какъ замерла долго неугасавшая надежда воротиться къ страстно любимой имъ матери, на столько страстно, на сколько страстно онъ ненавидѣлъ всякаго русскаго, — это неизвѣстно.

Необходимость же сблизила его съ русскими, сначала съ чиновнымъ міромъ, но вскорѣ появились туда же люди, судьба которыхъ была сходна съ его судьбой, и между ними завязалась дружба, и ненависть къ имени русскому начала мало по малу исчезать. Не безслѣдно прошла для него жизнь: не одинъ сѣдой волосъ серебрилъ его виски, не одна глубокая морщина лежала на невысокомъ его лбу и въ красивыхъ глазахъ его было выраженіе, могущее заставить задуматься опытнаго психіатра. Тревожные годы оставили ему нетронутой только его громадную силу: его желѣзная палка не всякому была подъ силу и съ ней онъ не разлучался даже ложась спать, такъ какъ разстроенное воображеніе его представляло ему разныя покушенія на его жизнь.

Въ настоящее время онъ жилъ въ своемъ домикѣ, дѣля досугъ свой между цвѣтами, токарнымъ станкомъ, Библіей и фортепіано.

Вотъ кто былъ будущій хозяинъ Ивана и его матери. Къ его-то воротамъ подходятъ двѣ фигуры, влача за

собою длинныя утреннія тѣни, цѣпляющіяся за каждый листокъ травки, за каждый камышекъ, словно желая удержать ихъ, чтобы они не переступали роковой калитки. Но они смѣло переступили ее и разомъ очутились подъ вѣтвями, густо разросшейся подъ окномъ, старой черемухи наконецъ. Тѣни ихъ исчезли.

ГЛАВА VI.

Нѣчто о булавочныхъ уколахъ.

На террасѣ, примыкающей къ извѣстному уже намъ сѣренькому домику Мурашева, были его обычные воскресные гости.

Самъ Мурашевъ возился около самовара и велъ рѣчь о томъ, что никто не съумѣетъ сварить кофе такъ, какъ сваритъ его онъ, хотя улыбка Матрены Кондратьевны— жены его и налагала малую тѣнь сомнѣнія на его самохвальство. Низенькій пожилой господинъ, въ рыжемъ сноповидномъ парикѣ, привязанномъ ленточкой подъ подбородкомъ, во фракѣ—покроя 12-го года, съ коротенькой трубкой во рту, флегматически смотрѣлъ на шахматную доску, на которой партнеръ его Кабаньскій только что двинулъ ферязь. Дмитрій Иванычъ Лягушкинъ сидѣлъ на перилахъ террасы, доказывая возящимся около него дѣтямъ, что куда пролѣзетъ голова, туда пройдетъ и все тѣло. Понудительной причиной афоризма былъ пузатый мальчуганъ, братъ жены Мурашева, застрявшій между

балясинами перилъ. Двое другихъ мальчиковъ ожидали благополучнаго исхода этого дѣла, чтобы самимъ сдѣлать тоже. Въ углу, на деревянной зеленой скамьѣ сидѣли хозяйка дома, Василиса Александровна Кандальцева и Илья Яковлевичъ—молодой протопопъ. Кофе было готово и всѣ нашли его, дѣйствительно, отличнымъ.

Дѣти понеслись въ садъ, а Лягушкинъ съ чашкою кофе присѣлъ къ протопопу.

— Наша школа растетъ.

— Да, двигается. Къ зимѣ можно будетъ и начать.

— У меня еще вчера двое кандидатовъ прибыло.

— Къ открытію-то пожалуй нужно будетъ пристройку дѣлать:—вы сотню пожалуй навербуете, сказалъ со смѣхомъ священникъ.

— Хорошо бы вашими устами да медъ пить. Но дѣло въ томъ что намъ съ вами придется вести войну и наше новорожденное дѣтище отстаивать энергически. Что со стороны родителей будетъ сочувствіе, объ этомъ нечего и толковать много... ребята тоже будутъ охотно заниматься,—я на это ужь надѣюсь. Но много придется намъ перенести со стороны здѣшняго начальства... Какъ вы изумленно на меня смотрите. Ужь это такъ... неудивляйтесь. На дняхъ я видѣлся съ здѣшнимъ смотрителемъ и онъ употребилъ всѣ свои дипломатическія способности, чтобы разузнать въ точности: что сіе? къ чему сіе? и для чего сіе? Я ему сказалъ, что все это ваши затѣи, а я-де ни больше ни меньше, какъ архитекторъ.

— Но къ чему-же вся эта... все это?..

— Эта ложь, хотите вы сказать? Говорите прямо,

будемъ называть вещи ихъ прямымъ именемъ,—это самое лучшее. Видите ли, я даже сообщилъ ему свое сомнѣніе, что врядъ ли пойдетъ успѣшно ваше дѣло. А лгалъ я, вспомнивъ правило іезуитовъ, что цѣль оправдываетъ средства.

— Гмъ. Цѣль оправдываетъ средства...

— Да, это ихъ ученія. Какъ вамъ нравится это правило? спросилъ Лягушкинъ, лукаво улыбаясь.

— Я думаю, что мы съ этимъ іезуитскимъ правиломъ надѣлаемъ больше зла, чѣмъ добра.

— Послушай, Иванъ, обратился Лягушкинъ къ Мурашеву, стоящему передъ нимъ съ новой чашкой кофе;— ты хочешь послѣ чашки отличнаго кофе, какой только ты умѣешь варить, угощать меня демьяновой ухой.

— Но ты любишь кофе.

— Я много вещей люблю на свѣтѣ, но люблю разумно и желудка себѣ разстраивать не намѣренъ. Я люблю и истину, обратился онъ къ священнику,—но и изъ-за любви даже къ ней не буду портить себѣ кровь: попробую, на этотъ разъ, послѣдовать правилу іезуитовъ и надѣюсь, что сдѣлаю доброе дѣло. Впрочемъ, ваша совѣсть пусть будетъ покойна— грѣхъ беру на себя. Нѣтъ, не шутя, Илья Яковлевичъ, мы не должны забывать, что въ насъ будутъ кидать скверными вещами, какими мы не способны и не можемъ имъ отвѣтить.

— Какими же?

— Да доносами.

— Доносами! Да что же мы дѣлаемъ худаго?

— Ахъ, какой-же вы младенецъ! Да развѣ люди со зломъ борются? Повѣрьте моей опытности, что у зла больше партизановъ въ людяхъ, чѣмъ чертей. Вы не забывайте и нашего положенія: насъ не терпятъ! Рѣшено уже и подписано, что мы люди погибшіе. Какъ бы мы не вели себя хорошо, мы все-таки въ ихъ глазахъ бунтовщики. Если мы даже и молиться Богу станемъ, то повѣрьте, большинство будетъ увѣрено, что мы просимъ у Бога зла людямъ.

— Мрачно вы смотрите на все, Дмитрій Ивановичъ.

— Ну-съ, такъ и оставьте насъ въ сторонѣ. Оставьте въ сторонѣ и вашу скромность и деликатность, и принимайте все доброе дѣло на себя. Вы чисты: упрекнуть васъ никто и ни въ чемъ не сможетъ, хотя вы для нихъ—тоже бѣльмо на глазу.

— Не понимаю!

— Я понимаю, что вы не понимаете. Бѣльмо вы вопервыхъ, потому, что вашъ предшественникъ давалъ пиры, а у васъ подъ часъ копейки нѣтъ; во вторыхъ, вы безукоризненный человѣкъ, отъ нихъ далеки, и сходитесь съ нами, да съ низшимъ слоемъ.

— Ну! съ неудовольствіемъ проговорилъ священникъ.

— Ну—это въ сторону. А пуганая ворона куста боится. Я же на ворону похожъ; да и пуганый на столько, что ужь чутьемъ знаю, откуда на насъ свалятся напасти, и даже приблизительно могу опредѣлить, въ какомъ они будутъ родѣ.

Въ это время изъ комнаты послышались звуки фортепьяно: это импровизировалъ Кабаньскій, окончившій свою партію въ шахматы. Кабаньскій игралъ артистически.

Изъ саду доносились веселые дѣтскіе голоса. На террасѣ наступило молчаніе, по временамъ прерываемое отрывистымъ, обычнымъ вздохомъ Мурашева: охъ-хо-хо-хо. Въ это время во дворъ быстро въѣхалъ дорожный тарантасъ. Пуганая ворона куста боится, и въ лицахъ Лягушкина и Мурашева выразилось испуганное изумленіе, но черезъ минуту, они съ радостнымъ крикомъ неслись, какъ легкія дѣти, къ молодой, красивой женщинѣ, выпрыгнувшей изъ тарантаса. Илья Яковличъ, не желая мѣшать радости, взялъ свою шляпу, сошолъ въ садъ и исчезъ домой незамѣченнымъ, среди радостной суеты.

Лягушкинъ, говоря о разныхъ напастяхъ, неожиданно и ожиданно падающихъ на него, не обрисовалъ и сотой доли незавиднаго положенія, ни своего, ни своихъ друзей. Не говоря уже о томъ, что на ихъ долю выпадали годы, когда несчастія и тяжелыя испытанія являлись къ нимъ толпой. Извѣстія, одно другаго печальнѣе, приносила имъ почта, передаваемая черезъ полицію. Они даже лишены были единственной отрады: высказаться въ своемъ горѣ своимъ друзьямъ и роднымъ, такъ какъ ихъ гордость не допускала, чтобы ихъ слезы и раны видѣли другія, постороннія лица, въ родѣ Квасова, могущаго цензуровать ихъ корреспонденцію. Приходилось таить все горе въ себѣ самихъ, что невольно дѣлало

ихъ нервно-раздражительными. За крупнымъ горемъ слѣдовалъ рядъ булавочныхъ уколовъ, сыпавшихся отъ людей, вымѣщавшихъ свое невѣжество на нихъ, стоящихъ такъ высоко въ этомъ отношеніи. При независимомъ положеніи, эти люди отнеслись бы къ мелкимъ и грязнымь оскорбленіямъ съ презрѣніемъ—но теперь это иныхъ доводило до сумасшествія. Представьте себѣ подобную жизнь и вамъ будетъ понятенъ радостный крикъ, при видѣ нежданно явившагося друга, и не покажутся вамъ странными слезы на смуглыхъ и сухихъ щекахъ Лягушкина.

Пріѣзжая оказалась Каролиной Карловной, дальней родственницей Мурашева и близкой, родной по душѣ ему и всѣмъ членамъ этого, заброшеннаго въ Полуторовскъ, кружка. Возвращаясь обратно на родину, она сдѣлала крюкъ и награждена была радостной встрѣчей.

Послѣ горячихъ объятій и поцѣлуевъ послѣдовалъ бурный потокъ взаимныхъ распросовъ и отвѣтовъ. Самый веселый смѣхъ, давно не раздававшійся въ сѣренькомъ домикѣ, носился по комнатамъ, вылеталъ въ раскрытыя окна и двери. Живость сообщилась и прислугѣ: горничная летала бабочкой, меланхолическій кучеръ Сергѣй съ несвойственной ему энергіей вдвигалъ подъ навѣсъ сарая легкій тарантасъ. Солидный, съ мѣднымъ ошейникомъ, Мирабо нѣсколько разъ бросался на шею своего господина. Самыя стѣны глядѣли какъ-то веселѣе. Одинъ только Вильгельмъ Карлычъ ходилъ по комнатамъ неизмѣннымъ своимъ шагомъ—тѣмъ ша-

гомъ, какимъ онъ нѣкогда измѣрялъ квартирку свою въ крѣпости, какимъ гулялъ и по станцiоннымъ комнатамъ въ то время, когда его товарищи, молодежъ, расправляли свои ноги, вальсируя подъ вокальную музыку и звукъ ножныхъ цѣпей.

А между тѣмъ эта олицетворенная флегма не менѣе другихъ радъ общей радости и не теряетъ ни одного слова изъ бесѣды друзей. Онъ только не любилъ тревожить своего языка, зная, что и безъ него все будетъ и спрошено и разсказано. Не обнаруживалъ онъ никогда ни гнѣва, ни радости. Процѣдитъ фразу, а за ней молча сдѣлаетъ дѣло. Въ то прошлое время, когда его товарищамъ приходилось танцовать подъ звуки кандаловъ, одинъ станцiонный смотритель, въ праздничномъ настроенiи, вздумалъ прочэсть Вильгельму Карлычу натацiю: облокотившись на спинку стула, на которомъ сидѣлъ Шпильгаузенъ, и смотря на его лоснящiйся черепъ, обратилъ къ нему рѣчь.

— И ты лысый туда-же? Что мнѣ съ тобой сдѣлать: дунуть на плешь твою или плюнуть?

— Попробуй, отвѣчалъ флегматически Шпильгаузенъ.

Его товарищи поспѣшили оттащить смотрителя.

— Ну, а если бы смотритель исполнилъ свое намѣренiе, что-бы ты сдѣлалъ? спрашивали Вильгельма Карлыча его товарищи послѣ.

— Убилъ бы его.

И никто не сомнѣвался, что онъ исполнилъ бы свое слово.

И никого другаго не могъ такъ забавлять флегма Вильгельмъ Карловичъ, какъ забавлялъ онъ Мурашева. Сангвиническій Иванъ Матвѣичъ былъ чистѣйшій французъ стараго добраго времени, увлекающійся и быстро переходящій отъ хандры къ самому беззавѣтному веселью, въ какомъ онъ и находился теперь, иронически подмигивая всѣмъ и каждому на невозмутимаго друга.

Лягушкинъ же въ эту минуту былъ весь—счастіе. Словно ребенокъ, обратившійся весь во вниманіе, слушая сказку бабушки, — не спускалъ онъ глазъ и слушалъ умную болтовню гостьи, симпатично разсказывавшую про оригинальности и эксцентричности своихъ далекихъ друзей. Все это разсказывалось съ такой душевной теплотой, какъ будто бы дѣло шло о забавахъ любимаго ребенка.

Солнце золотитъ уже верхушку колокольни, виднѣющуюся въ раскрытое окно. Тихій вечеръ, и въ компаніи тихій ангелъ пролетѣлъ. Мурашевъ перебираетъ клавиши. Въ сосѣдней комнатѣ слышится звукъ отъ чайныхъ стакановъ и чашекъ. Каролина Карловна въ отведенной для нея комнатѣ достаетъ изъ чемодана наброски портретовъ (дѣло происходитъ во времена дофотографическія). Въ это время въ передней раздался чей-то посторонній голосъ и Зоя вошла сказать, что квартальный спрашиваетъ пріѣзжую.

При этомъ извѣстіи, забывшійся на нѣсколько часовъ кружокъ почувствовалъ себя снова на родимой почвѣ, среди родныхъ соотечественниковъ, изъ которыхъ одинъ, съ очень красной физіономіей, по случаю празд-

ничнаго дня, отстраняя горничную, вступалъ въ залу смѣлыми, но не совсѣмъ-то твердыми шагами.

— Что вамъ угодно? сердито обратился къ входящему Иванъ Матвѣичъ.

Квартальный, окинувъ комнату осоловѣлыми глазами, объявилъ, что надо-де ему пріѣзжую, пусть-де забираетъ свой видъ и отправляется съ нимъ сію же минуту въ полицію.

— Что-оо!

— Али русскаго-то языка не понимаете? Городничій приказалъ привести ее въ полицію... Кушъ ты! послѣднія слова обратилъ онъ къ Мирабо, грозно поднимающемуся изъ подъ дивана и начинающему яростно щолкать зубами. Лягушкинъ, схвативъ за ошейникъ Мирабо, быстро вдвинулъ его снова подъ диванъ и еще быстрѣе отстранилъ другой рукой Мурашева, не надѣясь на его хладнокровіе, и предсталъ лично предъ краснымъ, моргающимъ исполнителемъ правосудія. Въ это время вошла пріѣзжая, съ улыбкой разбирая рисунки и не замѣчая происходящаго въ комнатѣ.

— А, голубушка!.. обратился къ ней квартальный, но докончить фразы ему не удалось: сухая, желѣзная рука Лягушкина ловко повернула его и вывела въ переднюю.

— Не съ вами говорятъ!.. не смѣть!.. началъ было квартальный, но взглянувъ въ глаза Лягушкина, замолкъ.

Въ его головѣ, наполненной винными парами, промелькнула мысль, что въ глазахъ Лягушкина свѣтит-

ся не совсѣмъ-то добрый огонекъ и что попалъ онъ къ людямъ, которые пожалуй не задумаются разлучить его на вѣки вѣчные съ его сожительницею, съ теплымъ угломъ и доходнымъ мѣстомъ, и онъ перемѣнилъ тонъ.

— Да помилуйте, я чѣмъ-же тутъ виноватъ? Кабы я отъ себя, а то городничій... сами знаете... и по зубамъ готовъ, не смотря на чинъ.

— Что вамъ надо?

— Я докладывалъ... приказано привести пріѣзжую.

—Это вздоръ!.. вы пьяны и не такъ поняли; а видъ мы сейчасъ пришлемъ... Идите.

— Очень благодаренъ.

И не заставивъ просить себя вторично, онъ быстро шмыгнулъ въ двери и только за воротами облегчилъ свою душу непечатнымъ словомъ.

Выпроводивъ нежданнаго гостя и отправивъ съ Сергѣемъ бумаги пріѣзжей въ полицію, Лягушкинъ возвратился на прежнее мѣсто, но прежняго настроенія уже не было. Полуторовскій кружокъ, не желая огорчать далекихъ друзей, въ своихъ письмахъ всегда обходилъ туземныя дрязги, выпадающія на его долю и тѣмъ самымъ поселилъ въ своихъ друзьяхъ убѣжденіе, что Полуторовскъ—рай и что жизнь ихъ такъ счастлива, какъ только возможно въ ихъ положеніи, и переселиться къ нимъ было мечтою многихъ. Потому и Каролина Карловна, въ появленіи пьянаго квартальнаго, видѣла только смѣшной случай и объявила, что она не будетъ себя называть теперь иначе, какъ голубушкой, и вертѣла маленькую Женни, допрашивая ее: похожа ли она на

голубку. Но смѣхъ друзей уже не былъ такъ задушевенъ. Мурашевъ, при всемъ своемъ усиліи скрыть раздраженіе, не могъ этого сдѣлать. Лягушкинъ былъ увѣренъ, что это только прелюдія къ другимъ, болѣе непріятнымъ столкновеніямъ, и былъ задумчивъ. Шпильгаузенъ сидѣлъ въ углу. Матрена Кондратьевна хлопотала около самовара, при чемъ стаканы въ ея рукахъ дребезжали болѣе обыкновеннаго и своимъ звукомъ еще болѣе раздражали Ивана Матвѣича.

Каролина Карловна не вдругъ замѣтила перемѣну въ общемъ настроеніи, но замѣтивъ, и сама невольно начала спадать съ веселаго тона; подъ конецъ она молча принялась за чай. Надъ друзьями снова парилъ тихій ангелъ, но не навѣвалъ уже онъ своими крыльями прежней благодатной тишины и спокойствія.

Чуткое ухо Ивана Матвѣича разслышало шаги на лѣстницѣ, и перебросившись взглядомъ съ Лягушкинымъ, онъ въ два—три шага былъ уже въ передней, Богъ вѣсть для чего мимоходомъ захвативъ каминные щипцы. Въ переднюю вкатывался самъ галантерейный блюститель тишины и спокойствія града Полуторовска—Квасовъ.

— Изъ подорожной видно-съ, началъ онъ, стараясь поразить Мурашева всѣмъ запасомъ своихъ великосвѣтскихъ галантерейныхъ манеръ, смахивающихъ на развязность кантониста:—путь проѣзжающей лежитъ совсѣмъ не чрезъ мой городъ; а потому, вы ужь извините... предписанія.... мои инструкціи.... ну-съ и моя обязанность—задержать проѣзжающую, заарестовавъ ее при

полиціи, и произвести строжайшій обыскъ въ ея вещахъ.

Окончивъ эту тираду, Квасовъ прошолъ мимо хозяина, галантерейно раскланивался и расшаркивался публикѣ. За нимъ шолъ письмоводитель и еще какая-то личность.

Опомнившійся Мурашевъ съ быстротою резиноваго мячика очутился опять передъ галантерейнымъ.

— Вы съ ума сошли! произнесъ онъ сквозь стиснувшіеся зубы.

Лягушкинъ поспѣшилъ къ озадаченному Квасову и къ свирѣпѣвшему Мурашеву. «Пожалуй этого труднѣе будетъ уложить, чѣмъ давича Мирабо,» мелькнуло у него въ головѣ и онъ улыбнулся.

— Перестань, Иванъ, говорить вздоръ!.. Тутъ я вижу недоразумѣніе...

Но для Квасова казались болѣе убѣдительными каминныя щипцы, брошенныя теперь посинѣлой рукой Мурашева, чѣмъ разумная рѣчь Лягушкина, старающаяся указать ему предѣлъ его власти. Квасовъ видѣлъ, какой эффектъ производитъ его присутствіе, видѣлъ показавшуюся пѣну на усахъ Мурашева, сверкающій взглядъ Лягушкина, противорѣчащій его мирнымъ словамъ, и торжествовалъ. Его немного бѣсило хладнокровіе Шпильгаузена и онъ внутренно далъ себѣ слово когда-нибудь потѣшиться и надъ этимъ идолопоклонникомъ. Вильгельма Карлыча, почему то, въ городѣ считали за идолопоклонника.

Избавляю и читателя, и себя отъ дальнѣйшихъ сценъ.

Дѣло кончилось перерытіемъ чемодановъ у пріѣзжей, а арестъ при полиціи замѣненъ домашнимъ арестомъ. Каролина Карловна была поражена и страдала за друзей. Передъ ней разыгралась маленькая сцена, дающая понятіе о Полуторовской жизни ея друзей.

Шпильгаузенъ, надвинувъ на свой сноповидный парикъ осьмиугольный картузъ, отправился обычнымъ своимъ шагомъ домой, за нимъ послѣдовала Кандальцева. Лягушкинъ, выкуривъ еще трубку, а за тѣмъ пожелавъ покойной ночи, тоже вышелъ. Домой онъ не пошолъ, а повернулъ направо къ темнѣющимъ рощамъ. Ему хотѣлось успокоиться вдали отъ этихъ деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ живыми существами, не только чуждыми ему по понятіямъ, но даже враждебными. Онъ рѣшилъ, что нужно прежде всего дать знать о сегодняшнемъ казусѣ въ губернскій городъ. Онъ предполагалъ, на основаніи прошлыхъ опытовъ, что утро, освѣтивъ скудный мозгомъ черепъ Квасова, покажетъ ему, что сдѣланнаго мало, и заставитъ изобрѣтать новыя штуки. Но какъ дать знать? вотъ вопросъ.

И онъ шагалъ далѣе и далѣе отъ мирно спящаго города.

— И на борьбу съ подобными дрязгами приходится расходовать себя и свою энергію, думалъ онъ,—когда знаешь лекарство отъ этого зла!.. да, причина всего глупость и невѣжество. Вотъ съ ними то, а не съ Квасовымъ, ничтожнымъ выродкомъ тупости, надо вести борьбу... А вздоръ, что связаны руки!.. Чтожъ, почить на лаврахъ, — свое-де дѣло сдѣлали?

Нѣтъ! тутъ то и доказать, что честный человѣкъ можетъ дѣлать и съ связанными руками. Мы, русаки, лѣнтяи, и на оправданія, да на отговорки изобрѣтательны... среда... обстоятельства. Будемъ дѣлать, что можемъ.

И онъ шагалъ впередъ и впередъ, мысленно уносясь все дальше и дальше отъ сегодняшняго событія.

На встрѣчу Лягушкину послышались шаги лошади, по временамъ заглушаемые веселымъ насвистываніемъ какой-то пѣсенки. Лягушкинъ остановился, приподнялъ голову, насторожилъ ухо и чрезъ секунду быстро бросился къ дорогѣ, шагая через кочки и продираясь сквозь кусты. «Эврика! наша игра выиграна», и двумя быстрыми прыжками очутился на дорогѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ всадника, на взмыленной лошади, идущей теперь шагомъ. Молодой всадникъ такъ былъ занятъ созерцаніемъ луны и насвистываніемъ какой-то эллегіи, что на окликъ Лягушкина: стойте! вздрогнулъ и схватился за ружье. Лягушкинъ захохоталъ.

— Ни жизни, ни кошелька я отъ васъ не потребую... не бойтесь!

Всадникъ, узнавшій Лягушкина и оказавшійся учителемъ Лилинымъ, тоже захохоталъ и покраснѣлъ, какъ краснѣютъ только въ пору славной молодости.

— Надѣюсь, вы не меня здѣсь поджидали.

— Поджидалъ добраго человѣка и очень радъ, что судьба столкнула меня съ вами. Но докажемъ ложность пословицы: что конный пѣшему не товарищъ. Двинемся впередъ. Дѣло вотъ въ чемъ...

И Лягушкинъ разсказалъ въ чемъ дѣло.

— Спасенія жду отъ васъ, заключилъ онъ свой разсказъ.

— Научите, какъ помочь.... За мной дѣло не станетъ.

— Идите къ смотрителю, разбудите его... сочините что-нибудь, возьмите отпускъ дня на три... наймите лошадей и заѣзжайте ко мнѣ за прогонами и письмами. Лучше, разумѣется, будетъ, если знающихъ о вашей поѣздкѣ будетъ не много.

Лилину, совершившему въ продолженіи полутора сутокъ 160-ти верстную поѣздку по влеченію сердца (такъ какъ сообщенный Парасковьей Степановной слухъ, такъ холодно принятый княгиней Кукишевой, касательно журавля, былъ справедливъ), ничего не стоило съѣздить за 250 верстъ. Онъ далъ съ удовольствіемъ слово, пожалъ руку Лягушкину, пришпорилъ длинными ногами своего вѣрнаго бурку и скрылся въ переулкѣ соннаго города.

Поднявшись по узенькой лѣстницѣ, какія устроиваются на пароходахъ и ведутъ въ каюты, Лягушкинъ вступилъ въ свою комнату, болѣе похожую на каюту, чѣмъ на комнату, и, засвѣтивъ свѣчу, освѣтилъ всю свою каюту. Стѣны ея были обтянуты чернымъ каленкоромъ, на которомъ рѣзко выдавался въ переднемъ углу артистической работы бюстъ красивой женщины, — это былъ бюстъ его жены. Между оконъ, надъ письменнымъ столомъ, висѣли два дѣтскихъ портрета, — это были его дѣти. Надъ ними полочка съ книгами, барометръ, небольшая иконка на мѣди — работа старыхъ

великихъ мастеровъ Италіи. Вотъ и все украшеніе Лягушкинскаго логовища. Но входя въ эту комнату, какъ выразился одинъ любитель аллегорій, чувствуешь, словно заглянулъ въ сердцѣ самого Лягушкина.

Переодѣвшись въ халатъ и вязанныя туфли, Лягушкинъ подвинулъ къ столу складной табуретъ и принялся за письма. Быстро бѣгало его перо по бумагѣ; листокъ за листкомъ откладывался въ сторону, и не замѣчалъ Лягушкинъ, что сѣвъ писать при свѣтѣ свѣчи, онъ дописывалъ при розовомъ утрѣ, обрисовавшемъ холодныя, но прекрасныя черты бѣлаго бюста. У воротъ послышался топотъ лошадей и дребезжаніе телѣжки; затѣмъ стукнулъ калиткой широко шагающій Лилинъ. Дмитрій Иванычъ, предложивъ ему трубку, поспѣшилъ закончить и запечать письма, послѣ чего вручилъ ему на расходы весь имѣвшійся въ наличности капиталъ, и молча, съ признательностію обнялъ Лилина. По уходѣ его, онъ задулъ свѣчу, и заснулъ сномъ, какимъ дай Богъ намъ спать почаще.

Мурашевъ же не засыпалъ. Оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, онъ безпокойно принялся бѣгать изъ угла въ уголъ, какъ мышь, попавшаяся въ ловушку. По временамъ онъ бросался въ свои покойныя кресла и силился читать газеты, привезенныя Каролиной Карловной, но въ глазахъ его мелькали только буквы да строчки... И онъ бросалъ газеты, брался за трубку, снова принимаясь мѣрять діагональ своей комнаты. Такъ прошла вся ночь. Утромъ, по обыкновенію, выливъ на себя въ банѣ два ведра холодной воды, онъ свѣжѣе

взглянулъ на взволновавшее его произшествіе и началъ увѣрять себя, что смѣшно волноваться такими пустяками. И онъ дѣйствительно засмѣялся, выйдя на чистый дворикъ, сіяющій утреннимъ свѣтомъ. Но взглядъ на пожарнаго, сладко спящаго на крыльцѣ, поднялъ снова всю его желчь, и онъ снова вошелъ въ комнаты. «Положимъ, это пустяки, но вѣдь это не конецъ, вѣдь это безпрерывная цѣпь, недающая ни на минуту покоя, врывающаяся въ домъ, отравляющая все»; и онъ принялся снова мѣрять разстояніе угловъ своего кабинета. Явившійся къ чаю Лягушкинъ разсказалъ, что онъ успѣлъ сдѣлать, и расположеніе Ивана Матвѣича быстро смѣнилось: весело онъ стучалъ по клавишамъ, напѣвая веселую французскую пѣсенку, а Каролина Карловна еще веселѣе возилась на коврѣ со второй воспитанницей Мурашева, волоокой Аксютой.

Всякая новость быстро облетаетъ маленькіе городишки, въ родѣ Полуторовска. Обыскъ и арестъ пріѣзжей извѣстенъ былъ поутру уже всей туземной аристократіи, и отлично подѣйствовалъ на расположеніе ихъ духа: вопервыхъ, все-таки новость, есть о чемъ поговорить; вовторыхъ, посбита спѣсь у этихъ французовъ; а въ третьихъ—они въ лицѣ своего представителя доказываютъ этимъ, что не дремлютъ и занимаются дѣломъ. А вѣдь нужно-же и поощрять подчиненныхъ... Кто знаетъ... чѣмъ чортъ не шутитъ—чинъ или крестъ... хотя бы и простая благодарность... и то ничего... и то не худо. Невеселое только утро было для мальчугановъ уѣзднаго училища третьяго класса. Урокъ былъ изъ геометріи, и учи-

телемъ надлежало войти Журавлю, послѣ праздниковъ, какъ знали мальчуганы, бывавшему еще добрѣе и ласковѣе. —Явился же, увы! самъ воронъ—Лукичъ и принялся справлять дѣло журавля съ тою разницей, что пустилъ въ ходъ, никогда непускаемыя Лилинымъ, розги. Мальчуганы очумѣли и подъ розгами просили пощады у Александра Львовича, а не у Ивана Лукича, Александръ же Львовичъ скакалъ въ телѣжкѣ за десятки верстъ отъ нихъ. Дорога отличная, время таковое-же; а сытые кони, какъ вѣтеръ, мчатъ ликующаго Лилина. Чудный боръ, какъ аллея, идетъ по обѣимъ сторонамъ дороги; то какъ стрѣла высится прямо къ небу, съ зонтомъ на верху, сосна; то какъ гигантская сахарная голова, обернутая въ темную бумагу, ель; то бѣлая, нѣжная береза. Какъ все это отлично сгрупировано! Какой теплый воздухъ обдаетъ оттуда его щеки, и грезятся ему недавніе поцѣлуи и горячее дыханіе любящей женщины. Въ чащѣ мелькнулъ какой-то звѣрекъ, а вонъ и сѣрый перескочилъ черезъ гигантскій стволъ отжившаго дерева, покрытый зеленымъ мохомъ. Заговорило охотничье серце; но вспомнилась цѣль поѣздки и несется Лилинъ впередъ и впередъ, не чуя, что тамъ, назади, въ душной комнатѣ, съ воплемъ призываютъ его имя маленькія существа, пренебрегшія знакомствомъ съ равнобедренными треугольниками.

Оставивъ Лилина ѣхать, мы обратимся къ торжествующему Квасову. Онъ въ этотъ день посылалъ нарочнаго въ губернію съ донесеніемъ, что такая-то противозаконно появилась тутъ-то, и что, хотя при

тщательномъ обыскѣ, ничего не найдено, но онъ, Квасовъ, неусыпно заботясь о благосостояніи города, вынужденъ былъ заарестовать ее. Послать же это донесеніе раньше не было никакой возможности, такъ какъ дщери градоправителя не успѣли еще составить реестра для разныхъ закупокъ, ибо нужно было сообразить, что именно въ губернскомъ городѣ можно пріобрѣсти дешевле. Но на третій день послѣ происшествія съ Каролиной Карловной у Квасова была вечеринка, во время которой явился казакъ съ конвертомъ изъ губернскаго города, чѣмъ ошеломилъ всѣхъ и заставилъ Квасова струхнуть не на шутку. Больно ужь грозно была написана бумага отъ самаго. «Какъ могъ написать онъ такую бумагу? Какъ узналъ такъ скоро? недоумѣвали сильно подкутившія власти. — И еще какую бумагу! не собразишь!.. На мѣсто благодарности-то?»

Какъ бы то нибыло, но случай этотъ произвелъ благопріятный для кружка переворотъ во взглядахъ туземныхъ властей.

ГЛАВА VII,

описывающая происшествія, случившіяся спустя два мѣсяца послѣ предъидущаго.

Лѣто... Праздникъ... Стоитъ жара, такая жара, что вытянувшійся въ линію сѣренькій городъ, съ двумя бѣлыми церквами въ срединѣ и съ двумя темными рощами въ концѣ, кажется подернутымъ флеромъ, и рябитъ въ глазахъ идущихъ на торгъ крестьянъ. Звукъ соборнаго колокола, приглашающій полуторовцевъ въ храмъ Божій, кажется какимъ-то неполнымъ звукомъ, словно языкъ, прикасаясь къ мѣднымъ краямъ его, обжигается и отскакиваетъ прочь. Солнце, поднимаясь выше и выше, все сильнѣе припекаетъ потрескавшуюся отъ жары землю. И давно уже стоятъ такія жары. Выгорѣвшая трава, покрытая бѣлою пылью, грустно смотритъ на ѣдущія въ городъ телѣги съ неменѣе грустными крестьянами. Оводы стадами носятся надъ изморенными лошадьми.

При подъемѣ на небольшой холмикъ, при самомъ въѣздѣ въ городъ, крестьяне сошли съ телѣгъ и пошли рядомъ.

— Эка жа рынь-то! Ночью бы надо выѣхать-то.

— Ночью! угрюмо возразилъ старшій: подикось надо и скотинѣ поѣсть. Ночью-то только ей и вздохнуть.

— Страсти Господни, Божеское наказаніе!.. Хлѣбушко-то, хлѣбушко! Ничего, значитъ, не помогаетъ, хоть ты тутъ сто молебновъ пой.

— Чего Бога-то гнѣвить!

Съ трехъ сторонъ подъѣзжаютъ къ городу крестьяне, съ трехъ сторонъ смотрятъ на нихъ вызженныя поля и съ трехъ сторонъ если не слышатся подобныя рѣчи, то они глубоко таятся въ сердцахъ.

Тѣже рѣчи о вызженномъ хлѣбушкѣ и у толпящихся на городской площади. Таже тема и у столпившихся подъ тѣнью деревянныхъ лавокъ, по близости чернаго, неуклюжаго кабака, ждущаго окончанія обѣдни, чтобы открыть гостепріимныя объятія для жаждущихъ. Особенно отличались этой жаждой нѣсколько обдерганныхъ гражданъ съ прононсомъ, ясно указывающимъ на дальнюю родину, отъ которой оторвала и занесла ихъ сюда ужь никакъ не ихъ добрая воля.

Недалеко отъ этой группы была другая, сидящая на полу и рѣзко отличающаяся отъ жаждующихъ. Здоровые лица съ окладистыми бородами, нависшими усами и стриженой маковкой на головѣ, толстые сѣрые кафтаны со сборками и съ мѣдными дутыми пуговицами, сразу рекомендовали ихъ туземными раскольниками. Умные и рѣшительные взгляды ихъ давали понять, что это люди, которые не задумаются, въ одно прекрасное время, собраться въ избѣ и сожечь себя во славу Божію. Ихъ, очевидно, занимали общіе

толки о гибели хлѣба, но они молчали, пока въ толпѣ кто-то не упомянулъ слово «молебенъ». Лысый старикъ не выдержалъ и пѣвучимъ голосамъ заявилъ, что отъ поповскихъ-то молебновъ хуже стало. Кружокъ близь стоящихъ повернулся къ нему.

— Весь хлѣбъ погоритъ, трава погоритъ, рѣки пересохнутъ, продолжалъ старикъ:—Божія кара на васъ!.. Божія кара на васъ, зане души-то ваши изсохли!.. Все покроется пылью, какъ вы души-то ваши посыпали бѣсовской пылью—табакомъ, да пожгли ихъ винищемъ дьявольскимъ!

— Божье наказанье!—какъ аминь произнесли его товарищи.

— Ты, дѣдушко, винцо-то не вини. Божій даръ тожъ, поди изъ хлѣба, возразила испитая личность въ поддевкѣ и съ серьгой въ ухѣ.

Старикъ, вмѣсто всякаго возраженія, плюнулъ, не обращая вниманія на такое неуваженіе къ словамъ своимъ. Необидчивый субьектъ съ серьгой продолжалъ свою рѣчь.

— Што дождя этого нѣтъ, такъ это ужь, значитъ, такъ уродилось, потому не на всяку-же пору его и хватитъ. Иной разъ, братцы, и вина не хватаетъ. (Обдерганная свита его захохотала). Вотъ и таперича: локоть близокъ, а не укусишь! Не открываетъ собака—жидъ, да и только. А и отворитъ, проклятый, такъ чай въ долгъ не дастъ И онъ призадумался, но не надолго.

— А што, ребята, обратился онъ къ двумъ простоватымъ мужикамъ:—выставите водки, такъ добру васъ

научу—скажу, отчего вамъ нѣтъ дождя. Обдерганные еще веселѣе захохотали предложенію своего коновода.— Чего хохочете-то?.. Божье наказанье, да Божье наказанье,—заладили одно. А коли люди есть такіе, что дождь отводятъ! Не хотятъ, значитъ, што-бы у хрестьянъ хлѣбъ былъ.

Какъ ни дико было заключеніе его рѣчи, но многіе навострили уши. Понятно, что утопающій за соломенку хватается.

— Што тутъ люди-то подѣлаютъ, коли Богъ не даетъ? возразилъ ему длинный мужикъ.

Ораторъ счелъ себя вправѣ окинуть мужика презрительнымъ взглядомъ и сплюнуть на сторону, но, замѣтивъ, что болѣе любопытствующихъ не предвидится, онъ перемѣнилъ тонъ:

— А то, братецъ мой, и подѣлаютъ, что не захотятъ вамъ дать дождя—и не дадутъ,

— Ужь эвто не ты-ли, другъ любезный, такой къ намъ немилосливый?

Громкій смѣхъ немного сконфузилъ оратора, но онъ былъ не изъ такихъ, чтобы отступать.

— Ну, у насъ пока еще носъ не доросъ, а вы вонъ куда рыло-то поверните,—и ораторъ трагически вытянулъ руку по направленію къ востоку. Всѣ глаза направились туда-же.

Въ концѣ улицы за маленькимъ, двухъ этажнымъ, въ три окна, домикомъ возвышался высокій шестъ съ поперечными палочками. На верху его было что-то въ родѣ скворечницы.

— Ну гдѣ?.. Што?

— Шесть-то видите?

— Ну?

— Ну, вотъ вамъ и сказъ... Вотъ вамъ и нѣтъ дождя и не будетъ, пока васъ умный человѣкъ не научитъ, а умный человѣкъ даромъ для васъ, сиволапыхъ, языка трепать не станетъ.

— Лѣшій, пьяница! думали и впрямь, што путное скажетъ! посыпались комплименты на оратора.

— Ему бы водка была, ну и ладно.. А дождя ему ненадо.

— Извѣстно, ихнему брату штó, какъ не водка.

— Кабашникъ—одно слово.

Между тѣмъ ораторъ, срѣзавшійся въ своемъ предположеніи выпить на счетъ ближняго, принялся насвистывать, посматривая на колокольню—не покажется-ли тамъ фигура, долженствующая бить къ «достойно.»

— Вишь ты, отъ скворешницы дождя нѣтъ!

— Это, парень, не скворешница.

— А лѣшакъ его знаетъ, што тако.

— Я ономнясь возилъ туда картофь. Тамотка Лягушкинъ живетъ, пояснилъ пригородный крестьянинъ.

— Это колдунъ-то?

— Какой колдунъ?

— А Лягушкинъ-то: онъ, баютъ, колдунъ.

— Ну?

— Вонъ онъ дѣ живетъ.

— Гдѣ скворешница-то?

— Кака-тѣ скворешница... Картофь продавалъ, самъ видѣлъ... Стрѣлки тамъ на верху-то знать.

— О?

— Онъ при мнѣ лазилъ туда.. А въ столбѣ-то, слышь, воетъ...

— Да кто?

— Да колдунъ-то.

Публики прибывало. Однако, мало кто понималъ о чемъ идетъ дѣло. Знали только, что между дождемъ, столбомъ и Лягушкинымъ существуетъ что-то общее. Утопающій хватается за соломенку, и публика хваталась за каждое слово.

— Лягушкинъ... это што по лѣсу-то ходить, да траву-то сбираетъ?

— Во, во.. онъ самый!

— Такъ онъ чаво?

— Траву, слышь, сбираетъ.

— Каку траву? чего орешь-то! На столбъ, слышь, лазитъ.

— Это на энтотъ-то, што кабашникъ-то показывалъ?

— На энтотъ самый. Самъ, слышь, видѣлъ, какъ картофь продавалъ...

— А почемъ продавалъ-то?

— Дядя Филиппъ, а дядя Филиппъ! траву-то у кого забралъ?

— Ходитъ по лѣсу, да собираетъ.—На што молъ это тебѣ? Высушу, баитъ.

— Высушу! значительно протянули нѣсколько голосовъ.

— Картофь-то почемъ продалъ?

— Ну те съ картофью-то!.. Высушу... Гм...

Въ это время съ соборной колокольни раздался благовѣстъ. Большинство сняли шапки и начали креститься. Кучка жаждущихъ придвинулась ближе къ кабаку. Толпа соображала.

— А парня-то, значитъ, напрасно давеча облаяли, произнесъ мужикъ съ птичьей физіономіей и большими умными глазами.

— Какого парня? спрашивали пришедшіе послѣ.

— Эвося, что у кабака-то въ холодкѣ свиститъ. Сказывалъ, што дождя намъ Лягушкинъ не даетъ.

— Эка, песъ, чаво болтаетъ! Чаво тутъ Лягушкинъ-то противу Бога подѣлаетъ?

— Чего подѣлатъ? Поди Филипу-то самъ говорилъ: траву сушу. Парнюга-то, поди, не даромъ водки-то просилъ... научу, молъ...

— Гдѣ, поди, даромъ!.. кака собака даромъ-то станетъ поштовать!

Толпа призадумалась. А между тѣмъ рѣчь о столбѣ, Лягушкинѣ и дождѣ ходила изъ устъ въ уста и волновала базарную площадь.

Обѣдня кончилась. Изъ церковныхъ дверей начала выплывать толпа разодѣтыхъ полуторовскихъ женъ; впереди шли городничій и исправникъ. Барыни и барышни, проходя мимо ряда франтовъ, мило улыбались на разныя учтивости и кудрявыя фразы. Вышелъ и причтъ, и занимъ заперлись тяжелыя церковныя двери. Въ тоже время распахнулась маленькая, грязная дверь кабака.

Душно дѣлалось даже въ тѣни, подъ навѣсами деревянныхъ лавокъ. Только кабакъ, своей распахнутой дверью, несъ сырой затхлый воздухъ, и манилъ къ себѣ своею прохладою. По двумъ ступенькамъ жаждущіе вступали въ большую, сырую и затхлую комнату съ двумя небольшими окнами, зеленыя, матовыя отъ времени стекла которыхъ пропускали такъ мало свѣту, что входящій съ ярко освѣщенной улицы не вдругъ могъ разсмотрѣть: кто и что тутъ есть. На этотъ разъ въ кабакѣ была публика немногочисленная, но избранная. На первомъ мѣстѣ, около стола, обращеннаго въ пастбище для голодныхъ и опьянѣвшихъ мухъ, сидѣлъ княжескій кучеръ Бориско, обладающій удивительнымъ счастіемъ къ находкамъ. Сегодня въ своихъ широчайшихъ карманахъ онъ нашелъ красный бумажный платокъ, двѣ капли воды похожій на платокъ, подаренный барыней его дочери—смѣхолюбивой Дунькѣ. Осчастливленный этой находкой, онъ весьма милостиво относился къ заигрыванью знакомаго намъ парня съ серьгой, разсказывающаго ему про различныхъ графскихъ и княжескихъ кучеровъ, которыхъ приводилось ему видать и которые въ подметки не годились Борискѣ въ управленіи какими хошь конями. И что будь онъ, Бориско, въ Рассеи, озолотили бы его тамъ... а то здѣсь што? Одно слово—не мшоная!

Бориско былъ съ нимъ совершенно согласенъ, ухмылялся поддакивалъ, недогадываясь, впрочемъ, угостить своего панигириста, что̀ начинало приводить послѣдняго въ отчаяніе.

Кромѣ Бориски, остальные посѣтители не засиживались, не смотря на прохладу: хватятъ, да и назадъ. Парень съ серьгой обвелъ глазами кабакъ, остановилъ ихъ на сидящемъ мрачно въ углу здоровенномъ мужчинѣ не изъ здѣшнихъ. Осмотръ оказался не утѣшительнымъ: съ мрачнаго, какъ и съ него самаго взятки были гладки.

— Послушьте, обратился онъ къ цѣловальнику, рослому еврею съ провалившимся носомъ:—ты видѣлъ новую-то мою жилетку, что я три рубля-то далъ?

Хозяинъ сдѣлалъ головой знакъ, точно такой же, какой сдѣлалъ бы онъ на вопросъ: видѣлъ ли онъ Мессію.

— Хочешь купить ее за рубль?

— Принеси.

— Ладно, значитъ, идетъ. Ставь-же полштофъ: угостить надо пріятеля. И онъ кивнулъ на Бориску.

— Неси, поставить не долго.

— Да ужь идетъ, братецъ мой, принесу, наперво ставь.

— А мозе зилетка-то не пойдетъ, заупрямится?

Публика развеселилась. Дѣло было дрянь, хоть брось. Оставалось осмотрѣть свой гардеробъ: старая, засаленная поддевка, грязная ситцевая рубаха, прикрывавшія грѣшное тѣло Антона, едвали могли быть приняты хозяиномъ и за двѣ капли настоя на табакѣ и известкѣ. Не отличались особенною привлекательностію и нанковые брюки, собранные веревочкой около ступней. Они были очень хороши для жаркаго лѣта, пропуская чистый воз-

духъ къ ногамъ Антошки сквозь безчисленныя свои щели, но болѣе никуда не годились. Калоши, показывающіе до какой изнурительной преданности вещь можетъ служить человѣку за то, что онъ не кидаетъ ее, тоже не могли прельстить зараженное матеріализмомъ сердце безносаго хозяина, не вѣрующаго ни въ преданность, ни въ искупленіе, ни тѣмъ болѣе въ возможность выкупа попадающагося къ нему добра.

Дѣло плохо, хоть волкомъ вой! Но на человѣка тутъ-то и валится счастіе, когда онъ менѣе всего его ожидаетъ,—истина извѣстная всѣмъ и каждому, а на этотъ разъ фактически доказанная ввалившейся кучькой мужиковъ.

Привыкнувъ къ мраку и оглядѣвшись, они прямо придвинулись къ Антону.

— Какъ тебя звать, величать—не знаемъ.

— Антонъ Савельичъ, братцы.

— Такъ вотъ, Антонъ Савельичъ, мы тебя упоштуемъ по горло, сытъ будешь, а ты намъ скажи о столбѣ-то толкомъ, да отчего намъ дожжа-то нѣтъ?

— Извѣстно, отвѣтилъ ликующій Антонъ:—за грѣхи наши Богъ не даетъ.

— Да ты, Савельичъ, не ломайся: мы вѣдь къ тебѣ не даромъ. Надко-сь, хозяинъ, подноси ему, а ты намъ, Савельичъ, какъ есть—по Божески, на счетъ столба-то... Хотѣлось было Антону и дѣйствительно поломаться хорошенько: пусть-де этотъ рыжій чортъ, Бориско, и безносый христопродавецъ видятъ, чтó онъ за чело-

вѣкъ есть. Да ужь жажда-то больно мучила, и онъ началъ безъ прелюдій, хоть издалека:

— Я, братцы мои, началъ онъ, осушивъ первый стаканчикъ:—жилъ во дворѣ князя... не у энтакого, отнесся онъ съ презрѣніемъ къ Борискѣ: что и дворни-то полтора человѣка, да и тѣхъ на навозъ пора. У нашего, братцы мои, одной дворни почитай съ сотню будетъ... Домъ большущій, каменный, что твоя церква...

— Да ты о столбѣ-то... о столбѣ.

— Я вамъ о томъ, рябята, и хочу. И онъ снова хлопнулъ стаканчикъ.—На этомъ самомъ домѣ-то у нашего князя шестъ стоялъ, чтобы, значитъ, тучи обходили, громомъ не хватило, да дожжа не было. Это, ребята, какъ есть сущая правда... мнѣ врать вамъ нечего—потому вы со мной по пріятельски.

— Штожъ теперь это значитъ?.. Какая въ томъ столбѣ сила есть?

— Такая ужь механика, значитъ, сдѣлана, что и не будетъ дождя, коли не захочетъ. Конечно, не спроста... мастера такіе есть.

Въ толпѣ раздалось мычаніе: Антону выставили штофъ.

— А вы меня послушайте: срубить его надо... вотъ што.

— Извѣстно дѣло, таинственно подвернулся остроглазый мужикъ подъ самое ухо Антону.—Мы тебя отблагодаримъ... Кабы ты намъ это соорудовалъ... примѣрно, ночью.

Антонъ не былъ жаденъ: передъ нимъ стоялъ еще

непочатый штофъ,—съ него, значитъ, будетъ. Его дѣло, какъ таланта, научить чернь, а въ исполненіе не вмѣшиваться; потому онъ и поспѣшилъ отклонить отъ себя лестное предложеніе.

— То есть я бы ништо... это, конечно, плевое дѣло... да гдѣ струментъ достать? Да и дѣло-то это такъ не годится орудовать. Пожалуй Лягушкинъ вамъ нагадитъ... Это дѣло надо по начальству.

— Прошенье подать: дожжа молъ надо... Оно какъ разъ, братецъ, къ рождеству и выйдетъ, замѣтилъ балагуръ.

— Ну, нѣтъ, ты не такъ, милый человѣкъ, совсѣмъ не такъ... не по разуму, значитъ, судишь. Вы должны, примѣрно, идтить къ городничему... Все это какъ есть на счетъ дождя объяснить. Сруби, молъ, ваше-вскородіе—не-то, нѣтъ нашей силы терпѣть эту обиду... и мы-де сами... воля, молъ, ваша.

Въ толпѣ депутатовъ послышалось вторичное мычаніе.

— Да что вы его дурака слушаете: онъ вамъ наплететъ чорта-дьавола, вмѣшался захмѣлѣвшій Бориско.—Одно слово варнакъ...

И онъ хотѣлъ закрѣпить свою рѣчь могучимъ кулакомъ по невзрачной физіономіи Антона, но быстро былъ оттѣсненъ крестьянами на улицу, и покачиваясь, отправился во свояси.

Депутація, потолкавшись еще не много въ кабакѣ и недобившись отъ Антона ничего болѣе путнаго, дала мѣсто другимъ желающимъ, и вышла вонъ.

— А ты пей, коли тебя угощаютъ, обратился Антонъ къ сидѣвшему въ углу высокому, оборванному мужику.

— Мы бы, Антонъ Савельичъ, захватили энту посудинку-то, да въ лѣсокъ бы съ ваши пошли... вальготно бы и потолковали. Я васъ, Антонъ Савельичъ, знавалъ, когда вы у графа проживали.

— Это ты хорошо... и повиснувъ на новомъ своемъ пріятелѣ, Антонъ двинулся впередъ.

— Только, другъ ты мой любезный... какой же это графъ! Эхъ! Таковскіе разѣ у насъ въ Рассеи-то... Нѣтъ, ты только это мнѣ разъясни... разѣ таковскіе? Потому самому я плюнулъ на него и ушелъ, хоша онъ меня и водкой, и подарками... Нѣтъ молъ плевать... потому я не у таковскихъ на службѣ состоялъ.

И пробираясь за городъ, Антонъ Савельевичъ не переставалъ толковать своему новому другу, какъ онъ наплевалъ, такъ сказать, на все и разстался съ графомъ, благоразумно умалчивая про топоры, лопаты и другіе вещи, не захотѣвшія тоже оставаться у такого графа и пристроенныя Антономъ въ прохладное жилище безносаго еврея, и послѣдовавшую за тѣмъ плачевную сцену исчезновенія, при помощи энергическихъ рукъ графа, самаго Савельича со двора Кабаньскаго.

— Одначе онъ богатъ? интересовался другъ.

— Такіе-ли въ Рассеи бываютъ богачи.

Въ то время, какъ новые друзья рѣшали, на сколько богатъ Кабаньскій, крестьяне волновались на базарной

площади: судили, рядили и все еще не могли рѣшить, что имъ дѣлать. Ясно было только одно, что плохая бы вышла штука, если бы въ эту минуту попался имъ на глаза Лягушкинъ.

ГЛАВА VIII,

показывающая, почему Лягушкинъ не могъ попасться на глаза мужикамъ.

Лягушкинъ съ ранняго утра былъ занятъ дѣломъ: разостлавъ на полу своей каюты простыню, онъ клеилъ изящно приготовленный имъ самимъ глобусъ для будущей, быстро подвигающейся въ соборной оградѣ, школы. Не одинъ онъ трудился для нее: Мурашевъ клеилъ картонъ для таблицъ; Илья Яковличъ, отличающійся хорошимъ почеркомъ, калиграфировалъ грамматику, ариѳметику, географію и первоначальныя правила механики; Кандальцева вязала шолковые шнурки для глобуса, указокъ и проч. Каленкоровый чахолъ съ кистями, для земнаго шара, у ней уже давно готовъ. Кабаньскій точилъ вѣшалки для дѣтскихъ шубъ и шапокъ; словомъ—всѣ друзья были заняты приготовленіемъ къ школѣ. Лягушкинъ съ увлеченіемъ ребенка трудится надъ бумажной землей, и, склеивъ окончательно двѣ большія чаши, онъ съ любовію смотритъ на свое произведеніе. Присѣвъ на колѣни и вытирая полотенцемъ свои руки, онъ хотѣлъ приняться за забытый

имъ стаканъ чаю, но замечтался. Грезится ему, что пройдетъ немного годовъ, а въ Полуторовскѣ и его окрестностяхъ не останется ни одного безграмотнаго; умная, честная книга замѣнитъ штофъ отравленной водки, и имена ихъ, невольныхъ временныхъ жильцовъ, будутъ произноситься съ любовію. А они, одинъ за другимъ спускаясь въ свою трехъ-аршинную квартиру, смѣло скажутъ, что дѣлали честное дѣло и съ связанными руками. Пусть же нарождающееся поколѣніе, которое, во всякомъ случаѣ, будетъ счастливѣе ихъ, поведетъ далѣе святую борьбу съ невѣжествомъ! Слава святому труду!—такъ мечтаетъ Лягушкинъ. Тихій вѣтеръ, подъ часъ врываясь въ раскрытое окно, колеблетъ лежащій на полу легкій глобусъ, и покачивается онъ на экваторѣ, смотря на Лягушкина всей своей Русской стороной. «Эхъ, ты, горячая головушка!» какъ бы говоритъ онъ своимъ покачиваньемъ: «о многомъ ты мечтаешь. Спроси ты меня, землю опытную, и скажу я тебѣ мудрость вѣковѣчную: все будетъ по старому, ни что не ново подъ луною»! Но не понимаетъ Лягушкинъ значенія мудраго киванія земли, а весело уносится мыслію въ будущее, ожидая спасиба отъ младенчески нехитраго простаго человѣка.

Но чтó бы сказалъ онъ, если-бы перенесся на базарную площадь и услышалъ свое имя изъ устъ сотенъ этихъ младенчески нехитрыхъ людей—съ проклятіями и ему, и всему его роду? Чтó бы онъ сказалъ я не знаю, но я знаю, чтó бы онъ сдѣлалъ. Онъ понялъ бы, что они не вѣдятъ, что творятъ, и про-

сидѣлъ бы цѣлую ночь на своемъ солидномъ желѣзномъ табуретѣ передъ письменнымъ столомъ, а утромъ понесъ-бы къ своему другу, протопопу, начало общепонятной физики. И добродушно захохоталъ-бы Илья Яковличъ, съ перваго взгляду угадавъ, что Лягушкинъ несетъ къ нему новую науку и сталъ-бы опять проситъ его обождатъ и посмотрѣть, какъ пойдетъ еще азбука.

— А то, если почему-либо протянется постройка школы— вы изготовите университетскій курсъ.

Засмѣялся-бы и Лягушкинъ, согласился-бы, что подождать съ физикой пока можно, но все таки попросилъ бы Илью Яковлевича оставить это у себя.

Ужь это вѣрно, что Лягушкинъ сдѣлалъ-бы такъ именно. Не разъ повторялась-бы подобная исторія съ расширеніемъ школьной программы. И теперь онъ обдумывалъ, по его понятію, полезную вещь для деревенскаго мальчика: собрать всѣ статьи закона, касающіяся до крестьянскаго быта, написать всѣ его обязанности и сколько съ крестьянина идетъ подати и куда идетъ. Но, чтобы не сдѣлать въ этомъ дѣлѣ промаховъ, онъ рѣшилъ поручить эту работу своему товарищу, бывшему юристу.

Отдохнувъ и помечтавъ, Лягушкинъ всталъ и началъ одѣваться, осторожно обходя кивающую ему землю. Онъ намѣревался сдѣлать продолжительную экскурсію и запасся бутербродами, которые уложилъ въ походный чемоданчикъ. Собравшись совсѣмъ въ путь, онъ подошолъ къ столу, чтобы записать свои

метеорологическія наблюденія, но, взглянувъ на барометръ, отложилъ свою прогулку: барометръ обѣщалъ грозу.

— Степанида Марковна! крикнулъ онъ, приподнявъ въ передней крышку люка.

На призывъ его до половины высунулась среднихъ лѣтъ женщина, по своей конструкціи болѣе похожая на мужчину, чѣмъ на женщину. Не довѣряя тонкимъ ступенькамъ, поддерживающимъ ее, Степанида Марковна уперлась могучими руками въ полъ и съ улыбкой смотрѣла на глобусъ.

— Вишь-ты, какой мячище соорудилъ.

— Это земля...

— Дѣлать-то вамъ больше нечего, какъ видно.

— А вотъ, что вы сегодня къ обѣду намѣрены сдѣлать?

— Да вѣдь зы въ лѣсъ?

— Дождя боюсь, Степанида Марковна, дождя.

— А развѣ будетъ?

— Будетъ.

— Слава тебѣ, истинный Христосъ, замучилась я съ этимъ огородомъ... а въ которомъ часу будетъ-то?

Лягушкинъ засмѣялся.

— Часа и минуты сообщить вамъ не могу.

— Ну да, чего смѣяться-то... мнѣ, поди, нужно бѣлье прибрать съ улицы-то... Оскорбленная Степанида Марковна скрылась, сообщивъ уже изъ-подъ полу, что будетъ борщъ да яичница.

Барометръ все опредѣленнѣе предсказывалъ бурю—

но измученное и изможденное тѣло Лягушкина бури не чувствовало. Покончивъ съ глобусомъ, онъ принялся за устраиваемую имъ гальваническую батарею, и увлекся этой работой такъ, что не слыхалъ какъ стукнула калитка, впустившая на чистенькій дворъ галантерейнаго Квасова. Не совсѣмъ изящное сопѣніе заставило Лягушкина поднять голову отъ Даніелевыхъ кострюлекъ и съ изумленіемъ остановить глаза на красной, облитой потомъ, физіономіи градоправителя. Но по его лицу узнать цѣль прихода было нельзя, а потому, послѣ первыхъ привѣтствій, Лягушкинъ приступилъ прямо къ вопросу: чѣмъ онъ обязанъ и проч.

— Вы меня извините... такая собачья должность!.. но притомъ и дѣло довольно серьезное...

Приступъ не обѣщалъ ничего хорошаго.

— Сейчасъ только около сотни крестьянъ являлись ко мнѣ съ жалобой на васъ.

— На меня? быть не можетъ!

Какъ ни старался Квасовъ казаться вѣжливымъ и тихимъ, со дня полученія изъ губерніи бумаги, но тутъ не выдержалъ.

— Да-съ, на васъ!.. Вы не имѣете права... тово... я не далъ вамъ, кажется, и повода не вѣрить мнѣ... мнѣ... закипятился Квасовъ.

— Да вы успокойтесь... я вамъ вѣрю, только что-же я могъ сдѣлать крестьянамъ?

— Они... чортъ воз... они жалуются, что нѣтъ дождя!

Лягушкинъ захохоталъ.

— Конечно, это вамъ все можетъ казаться смѣшнымъ... вамъ конечно нѣтъ дѣла, что у нихъ хлѣбъ весь выгорѣлъ, что можетъ быть бунтъ... и... и... и...

— Но развѣ я дождемъ распоряжаюсь? Вы или шутите, или...

— Я очень хорошо понимаю, хотя разнымъ тамъ наукамъ и не обучался, что все это съ ихъ стороны одно суевѣріе. Но для ихъ успокоенія... во избѣжаніе бунта, я далъ имъ слово, что вы срубите свой столбъ.

— Какой столбъ?

— Вотъ этотъ!

Онъ черезъ плечо показалъ вырѣзывающійся на отуманенномъ отъ жара небѣ темный столбъ.

— Его? съ какой стати?.

— Эти невѣжды полагаютъ, что отъ этого столба нѣтъ дождя, и я...

— Ну-съ, эти невѣжды могутъ такъ полагать, потому что они невѣжды, а вы, господинъ городничій, поторопились дать слово: столба я не срублю.

— Но послушайте... вы понимаете... всѣ требуютъ... вы... я долженъ смотрѣть за порядкомъ и спокойствіемъ... и если вы этого не сдѣлаете, тогда я самъ...

— Это другое дѣло!.. Если вамъ пріятно, чтобы за меня разъяснили вамъ дѣло губернскія власти, то я, разумѣется, препятствовать не буду.

Квасовъ, не смотря на скудный запасъ сообразительности, понялъ, на что намекаетъ этотъ врагъ отечества и припрыгнулъ на табуретѣ, какъ ужаленный.

— Но вы поймите-же хорошенько дѣло: если этого

не сдѣлаете вы, то они распорядятся сами... и еще убьютъ васъ!

— Дѣло я очень хорошо понимаю. Къ начальнику являются крестьяне и говорятъ, что нѣтъ дождя... хлѣбъ сгорѣлъ, а дождя нѣтъ оттого, что у Лягушкина столбъ стоитъ. Начальникъ сначала расхохотался, а потомъ вразумительно объяснилъ имъ, что никакой столбъ помѣшать дождю не можетъ. Затѣмъ начальникъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и разсказываетъ какъ было дѣло. Видите, какъ я хорошо понимаю.

— Подите, подите, попробуйте имъ разъяснить. Потѣшаться-то нечего!

Квасовъ свирѣпо взглянулъ на распростертый у ногъ его шаръ земной, такъ свирѣпо, что Лягушкинъ счелъ благоразумнымъ поднять свое дѣтище съ полу и положить его на миніатюрный диванчикъ.

— А между прочимъ начальникъ, справившись съ барометромъ, могъ бы сообщить имъ, что дождя имъ Богъ дастъ скоро, можетъ и сегодня-же...

Квасовъ чувствовалъ, что надъ нимъ потѣшаются, но не могъ сразу сообразить въ чемъ тутъ дѣло, и свирѣпѣлъ.

— Такъ какъ-же? спросилъ онъ, вставая.

— Столба я ненамѣренъ рубить.

— Въ такомъ случаѣ на меня не пѣняйте, если крестьяне сами-съ... этакъ-съ... возмутся изложить вамъ свою мудрость.

— О! на этотъ счетъ я очень спокоенъ. Мы, какъ вамъ болѣе всѣхъ извѣстно, находимся подъ надзо-

ромъ полиціи, и странно-бы было, еслибы проницательная полиція допустила что-нибудь подобное до лицъ, ввѣренныхъ ея надзору—этому, разумѣется, ни вы не вѣрите, не повѣрятъ и въ губерніи.

«Чортъ! дьяволъ! шельма этакая!» мысленно повторялъ Квасовъ, ѣдучи домой. «Хорошо, кабы мужичье всѣхъ ихъ перемяло. Не будь я городничимъ, я бы ихъ науськалъ.» Но онъ вдругъ съ испугомъ началъ припоминать свою бесѣду съ мужиками: «не поощрилъ-ли онъ ихъ чѣмъ-нибудь? Пожалуй правъ, собака, жидъ, полиціи же и достанется: ввѣрены-де вашему надзору. А чортъ побери! всѣхъ купцовъ высосу, да пошлю кое-что дѣлопроизводителю, пусть сдѣлаютъ совѣтникомъ, ничего здѣсь не увидишь, кромѣ непріятностей.» И онъ принялся высасывать поставленную за столомъ бутылку и къ концу обѣда былъ готовъ всхрапнуть сномъ праведника, и дѣйствительно заснулъ на славу.

Страшный трескъ и оглушительные раскаты грома заставили его вспрыгнуть часу въ седьмомъ съ мягкаго ложа.

На дворѣ лилъ дождь какъ изъ ведра. Зигзаги молніи бороздили дымно-зеленоватыя тучи, и ударъ за ударомъ потрясалъ воздухъ.

Не скоро Квасовъ могъ привести въ порядокъ свою головную машину, но когда достигъ этого, то все-таки не могъ уяснить себѣ многаго. Его смущало, что Лягушкинъ сказалъ, что будетъ дождь, и есть дождь. «И чортъ... Господи, прости меня!.. въ грозу то, да его поминать... Святъ, святъ Господь Саваоѳъ!..

Ну, да, по крайней мѣрѣ, мужики будутъ довольны... святъ, святъ!.. А не догадаются, свиньи, поди, поблагодарить. Эхъ, кабы онъ столбъ-то еще срубилъ!.. Ну, да можно пустить, что припугнулъ-де... стрѣлки снялъ... Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ!»—такъ думалъ градоправитель, суетливо разстанавливая на окнахъ своего кабинета стаканы съ водой и раскладывая тутъ-же ножи и вилки, какъ спасеніе отъ громовой стрѣлы, и постоянно крестясь и славословя.

Результатомъ всего этого было то, что въ слѣдующій базарный день мужиковъ узнать было нельзя. Весело гуторила толпа, бесѣдуя о томъ, что вотъ-де какъ припугнуло начальство, такъ и дождя дали.

— А столбъ-то? возражали скептики,—эвося, стоитъ!

— Мало што стоитъ, да стрѣлки, слышь, снялъ.

Неизвѣстно только заявлялись ли крестьяне съ благодарностію къ Квасову. Какъ, поди, не заявлялись: русскій человѣкъ добро помнитъ.

ГЛАВА IX,

въ которой разсказывается какимъ образомъ однимъ стало меньше.

Помнители-ли вы Ваню Бурлакова и его мать? Помните ли ихъ послѣднюю бесѣду въ своей, теперь заколоченной, лачугѣ? Если помните, тѣмъ лучше. Мы можемъ, значитъ, возвратиться нѣсколько назадъ.

Первый день своего поступленія въ батрачество Иванъ ходилъ какъ угорѣлый и ничего не понималъ изъ приказаній своего хозяина, чѣмъ и произвелъ невыгодное впечатлѣніе на Кабаньскаго. Сытный обѣдъ, съ давно невиданнымъ мясомъ, Иванъ оставилъ нетронутымъ, но послѣ такого-же сытнаго ужина—онъ уснулъ такимъ сномъ, какимъ только спалъ послѣ рабочаго дня. И Кабаньскому на другой-же день пришлось перемѣнить свое первое невыгодное мнѣніе о своемъ работникѣ. Иванъ рубилъ дрова, и хотя щепки, вопреки его обѣщанію, не летѣли въ Карнаушинское озеро, но, все-таки, летѣли такъ, какъ могли бы летѣть изъ подъ топора въ рукахъ совершенно возмужалыхъ. Да и всякая работа изъ рукъ мальчугана не валилась. Начались трудовые дни съ сытной пищей и формировали изъ него мало по-

малу здороваго мужчину, такъ что, въ настоящую минуту, вы пожалуй и не узнали бы сухопараго Ивана. Лице его округлилось, здоровый румянецъ покрывалъ его щеки, порывистость и угловатость его движеній замѣнились болѣе спокойными жестами, и даже походка начинала напоминать Карнаушинскаго голову, хотя пуза, какъ предсказывалъ ему товарищъ-мальчуганъ, онъ и не отростилъ. Онъ и мать его очень понравились Кабаньскому и этотъ послѣдній частенько бесѣдовалъ съ ними, охотно отвѣчая на распросы любознательнаго парня. Всѣмъ имъ было хорошо. Но тянуло ихъ что-то невольно въ свою первую лачугу, и получаемое жалованье аккуратно завязывалось ими въ тряпицы и пряталось въ уголъ сундука, все яснѣе и яснѣе порождая въ нихъ мечты о реставраціи ихъ карнаушинской лачуги. И любили они, сидя вечеромъ на крыльцѣ кухни и прислушиваясь къ крику галокъ въ карнаушинской рощѣ,—потолковать объ этомъ достолюбезномъ предметѣ. Особенно много говорилось о немъ въ тѣ дни, когда придирчивый графскій поваръ, почему-то не взлюбившій эту пару, накричитъ на нихъ и ругательски обругаетъ ни зачто ни прочто, а такъ себѣ—здорово живешь.

— Маинька, говоритъ Иванъ,—а поваръ-то опять муки сволокъ къ себѣ.

— Ну его, собаку, что подѣлаешь: не вѣритъ хозяинъ-то... что сдѣлаешь..

— А я его съ мѣшкомъ когда-нибудь поймаю, да и сволоку къ барину, сказалъ какъ-то нерѣшительно Иванъ, признавая внутренно всю несообразность словъ

своихъ, такъ какъ на дѣлѣ было то, что повара Иванъ боялся пуще, чѣмъ барина. Да и на взглядъ Ивана— Клементій Трофимычъ былъ важнѣе самаго барина. Тотъ весь въ черномъ, а у этого жилетъ одинъ—просто глазамъ больно, брюки яркія, часы большущіе, цѣпь блеститъ, на рукахъ кольца понадѣваны, а какъ крикнетъ, такъ просто присядешь. И такую-то персону поволокъ бы Иванъ къ барину!

— Надоть-бы Клементію-то Трофимычу и Бога знать! Ничѣмъ его баринъ-то не оставляетъ: домъ ему вонъ какой выстроилъ, жена его разодѣнется, словно барыня какая...

— Вотъ бы намъ такой домъ-то, а?

Иванъ весело засмѣялся, и весело вторила ему мать.

— Ну ужь ты...

— Иванъ! раздался громкій голосъ барина, показавшагося у окна:—снеси въ садъ стулья и столъ, туда-же и самоваръ. Отправимтесь и мы, обратился онъ къ своимъ гостямъ: Лягушкину, Мурашеву, Шпильгаузену, Мурашевой и Кандальцевой.

И вскорѣ на скамейкахъ и стульяхъ, вокругъ чайнаго стола, подъ густо разросшимися липами, сидѣла вся компанія, давно не видавшая такимъ веселымъ и любезнымъ своего хозяина, какимъ онъ былъ сегодня.

— Славный у васъ садъ, замѣтила Кандальцева, протягивая руку, чтобы сорвать росшій по близости цвѣтокъ.

Хозяинъ бросился изъ подъ липъ, и минуты черезъ двѣ подалъ дамамъ по букету.

— Недуренъ. Я думалъ было въ будущемъ году заняться имъ и сдѣлать изъ него что нибудь дѣйствительно хорошее, но врядъ ли удастся.

— Почему?

— Впрочемъ, дай Богъ, чтобъ и не удалось, прибавилъ онъ вмѣсто отвѣта:—я сегодня такъ радъ, такъ веселъ, что забылъ даже подѣлиться съ вами своей радостью. Я получилъ письмо отъ брата: онъ пишетъ, что мы скоро можемъ увидѣться; нашихъ возвращаютъ, и матери обѣщали, что я также не буду забытъ.

Странное впечатлѣніе произвело это извѣстіе на всю компанію: они сами столько разъ радовались за себя, между тѣмъ ихъ радость и мечты столько разъ разлетались прахомъ, такъ что подобнымъ извѣстіямъ они ужь болѣе не вѣрили. Первою мыслію у всѣхъ было то, что и надежды Кабаньскаго постигнетъ таже участь. Но тутъ вопросъ былъ въ томъ, какъ подѣйствуетъ подобное разочарованіе на Кабаньскаго, уже нравственно потрясеннаго? Лягушкинъ хотѣлъ было тутъ-же отнестись скептически къ этому извѣстію, но, взглянувъ на Кабаньскаго, не сказалъ ни слова: у него не достало духу разбивать его надежды. «Будь, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ,» мысленно произнесъ онъ свою обычную поговорку. Кандальцева и Мурашева радостно принялись поздравлять его, и своими голосами покрыли Мурашевское «охъ-хо-хо». Шпильгаузенъ молча пожалъ ему руку. Но Кабаньскій замѣтилъ молчаніе Мурашева и Лягушкина и перетолковалъ его въ другую сторону; его собственная радость показалась

ему неделикатной: про Русскихъ изгнанниковъ въ письмѣ не говорилось. Значитъ, ихъ дѣло остается въ прежнемъ положеніи, и требовать отъ людей, чтобы они радовались чужой радости, забывая свое горе,— несправедливо. Если нечѣмъ порадовать и ихъ, то лучше оставить свою радость въ сторонѣ, и онъ постарался перевести рѣчь на посторонніе предметы.

Иванъ, вошедшій въ садъ съ косою, сказалъ Кабаньскому, что къ нему пришли изъ Карнаушки два мужика, братья Нагибины, очень-де нужно повидать. Кабаньскій, оставивъ гостей, быстро пошелъ изъ саду, показавъ мимоходомъ Ивану съ которой стороны тотъ долженъ начинать косить овесъ, засѣянный въ одномъ изъ огородовъ.

— Ну, это скверно... можетъ кончиться плохо, сказалъ Лягушкинъ:—я еще никогда не видалъ его такимъ веселымъ.

— Но, вѣроятно, братъ не сталъ бы писать ему и передавать за истину пустыхъ слуховъ, замѣтилъ неувѣренно Мурашевъ.

— Дѣло въ томъ, что родные не вполнѣ знаютъ его душевное состояніе.

— А можетъ быть! Мнѣ почему-то кажется, что на этотъ разъ его и не обманетъ надежда. Меня предчувствіе рѣдко обманываетъ, проговорила Кандальцева.

Мурашевъ развеселился, и напалъ на нее, принявшись доказывать, что въ ея года (а года свои Василиса Александровна имѣла слабость скрывать) предчувствіямъ вѣрить нельзя.

— Я уже двадцать лѣтъ не вѣрю никакимъ предчувствіямъ, а вѣдь вы мнѣ ровестница.

Это, разумѣется, было ужь слишкомъ. Кандальцева сначала шутя доказывала вздорность его предположеній, но потомъ, мало по малу, начала горячиться и тѣмъ дала поводъ Мурашеву продолжать свою шутку. Ему, Мурашеву, интересно было знать: не помнитъ ли она Суворова? А она непремѣнно должна его помнить: въ концѣ семисотыхъ годовъ, онъ проѣзжалъ чрезъ ихъ имѣніе. Василиса Александровна горячилась, Матрена Кондратьевна хохотала. Вошедшій Кабаньскій положилъ конецъ этой сценѣ.

— Кто это былъ? спросилъ Лягушкинъ.

— А это Нагибины... хорошіе старики, принесли мнѣ долгъ и настаивали, чтобы я взялъ съ нихъ проценты. Славные мужики!.. Да, моя жизнь здѣсь прошла не безъ пользы; я узналъ, что подкладка у Россіи славная. Хорошая ждетъ ее будущность!

— Ого! еще бы! началъ патетически Мурашевъ. Вы возьмите во вниманіе однихъ нашихъ русскихъ раскольниковъ. Что это за народъ! Я увѣренъ, что въ послѣдствіи онъ непремѣнно будетъ играть роль, и славную роль!

— Дай Богъ, дай Богъ!.. А все-таки я, возвратившись, поклонюсь могиламъ отцовъ, возьму съ собою матушку,—и за границу, за границу! въ Швейцарію, въ свой Кобургскій замокъ. Вы не знаете, я вѣдь графъ Кобургскій. Да, вы этимъ не шутите. Аугсбургская фамилія считалась ленной фамиліей графовъ Кобурговъ,

и ежегодно являлась въ замокъ, поднося на золотомъ блюдѣ рыбу. Не правда ли, весело будетъ, когда другъ мой Иванъ (я съ собой возьму Ивана) докладываетъ: аугсбургцы съ рыбой.

— Большой это замокъ? поинтересовалась Матрена Кондратьевна.

— Нѣтъ, просто домикъ. Но видите, тутъ есть одна старая башня, владѣтель которой принимаетъ титулъ графа Кобургскаго.

— И право получать, разъ въ годъ, рыбу? засмѣялся Лягушкинъ.

— Вы что-же, смѣетесь-то. Конечно немного, но вы разочтите, сколько времени они не платили этого оброка, такъ что если я потребую и за себя, и за предковъ, то провизіи хватитъ у меня надолго. И онъ весело засмѣялся. Жаль не знаю, шли-ли намъ и блюда золотыя? надо будетъ справиться.

— Ничего, берите и блюда. Какъ человѣкъ обрусѣвшій, вы не брезгайте ни чѣмъ, посовѣтовала Кандальцева.

Разговоръ коснулся Швейцаріи, и Кобаньскій принялся разсказывать про свои заграничныя странствованія. Оживлявшая его радость, при воспоминаніи прошлыхъ молодыхъ лѣтъ, перешла въ тихое умиленіе, и онъ разсказывалъ долго, задушевнымъ голосомъ, повременамъ заикаясь и отыскивая слова въ не вполнѣ знакомомъ ему русскомъ языкѣ.

Въ воздухѣ стояла тишь, и только слѣва жужжаніе Ивановой косы показывало, что парень трудится на славу. Да издали, съ карнаушенской рощи, доносится

многоголосный концертъ галокъ, напоминая Ивану его завѣтную мечту о поправкѣ лачуги. Расходилась рука, раззудилось плечо! Остановится онъ на минуту, переведетъ духъ. «Не довольно-ли»? спроситъ себя мысленно, и въ отвѣтъ снова пойдетъ махать блестящей косой своей. «А удивлю же я завтра барина, коли половину-то всю выкошу», думаетъ онъ, обтирая рукавомъ потъ съ лица, —и снова пошла коса въ дѣло. Солнце спустилось; начало дѣлаться темно; на сосѣдней крышѣ устроилась серенада влюбленныхъ кошекъ.

Гости разошлись. Иванъ оставилъ свою работу, стаскалъ столъ и стулья въ комнаты, гдѣ весело пѣлъ Кабаньскій, аккомпанируя себѣ на фортепіано, и, поужинавъ и заперевъ ворота, повалился на свое ложе. Онъ заснулъ богатырски, съ твердымъ намѣреніемъ встать завтра по раньше, докосить начатую полосу и тѣмъ удивить хозяина.

Но не пришлось Ванькѣ Бурлакову удивить своего хозяина! Весь городъ дрогнулъ отъ испуга и удивленія, узнавъ утромъ, что Кабаньскій лежитъ на своей кровати съ отрубленной головой.

ГЛАВА X,

въ которой юный авторъ, кружившійся въ средѣ вышеописанныхъ личностей, добромъ поминаетъ свое прошлое.

Коснувши сьдѣтства, нескоро разстанешьсясъ нимъ. Тепломъ и зеленью вѣетъ на человѣка, пользовавшагося (что случается у насъ очень рѣдко) добрымъ дѣтствомъ и принявшагося рыться въ своемъ прошломъ; какъ росой освѣжаетъ начинающее ожесточаться сердце. Веселые пейзажи встаютъ и въ моемъ воображеніи, простые, но веселые. Вотъ соборная колокольня, облитая розовымъ свѣтомъ утра, съ блестящимъ, отъ восходящаго солнца, крестомъ. Я какъ-будто сейчасъ вижу длинную тѣнь ея, протянувшуюся чрезъ всю площадь. Вижу нашу только-что испеченную сѣренькую школу съ крылечкомъ, на рундукахъ котораго такъ удобно и пріятно сидѣть, вздрагивая отъ прохладнаго воздуха и не совсѣмъ еще прошедшаго сна. Удобно и весело сидѣть тутъ, срѣзывая соломенкой выступившую на стѣнѣ, отъ вчерашняго жару, жесткую, какъ

янтарь, сѣру,—сидѣть, прислушиваясь къ чиликанью воробьевъ, любуясь полетомъ сверкающихъ около креста галокъ и чувствуя, что не одному тебѣ весело, а весело и отрадно и зеленой муравѣ, и красному обломку кирпича, и обвалившейся штукатуркѣ. На всемъ блескъ и радостный свѣтъ ранняго утра: весело смотритъ даже окно у ратуши, съ разбитымъ стекломъ. А какъ было страшно въ то время, когда мячъ, пущенный геройской рукой Молотилова, одного изъ нашихъ силачей, взвился къ поднебесью, описалъ параболу и со звономъ влетѣлъ въ это окно. Ухъ, какой же сердитый выскочилъ изъ дверей ратуши сторожъ! Такой сердитый, что врядъ-ли у васъ повернулся бы языкъ порицать насъ за то, что мы такъ быстро разсыпались въ стороны, оставивъ растерявшагося Молотилова одного на произволъ судьбы и разгнѣваннаго сторожа. Да, я вижу ясно, какъ онъ стоитъ съ поличнымъ—съ опущенной лапатой, какъ-то странно улыбаясь и разсматривая свои босыя ноги.

Часы идутъ. Церковная тѣнь укорачивается. Приближается время классовъ, и предтеча науки: лысый трапезникъ выходитъ изъ церкви съ ключомъ отъ первыхъ комнатъ нашей школы. И какъ-же обрадовалось ему солнышко; такъ и заиграло на его загорѣломъ лицѣ и на его свѣтлой лысинѣ. Помню я Ѳадѣича, зналъ онъ меня и я его зналъ. Не разъ я сиживалъ въ его миніатюрной сторожкѣ, подъ колокольной лѣстницей, дожидаясь, пока отецъ діаконъ вынималъ изъ кружки, впредь до раздѣла, копеекъ пятьдесятъ для

завтрашняго обѣда. Сижу и смотрю бывало на Ѳадѣича, какъ онъ точаетъ большущіе сапоги, смотрю на него, смотрю на пожелтѣвшія стѣны и своды его каморки, на которыхъ такъ четко и такъ кудряво написано мѣломъ: діаконъ такой-то подписуюсь, или: діаконъ такой-то руку приложилъ. Въ такихъ подписяхъ болѣе всего упражнялись дьячки и пономари въ минуту соблазнительной мечты о діаконскомъ санѣ; при чемъ дѣйствительные діакона не упускали случая слово «діаконъ» переправить въ «діаволъ»: «вотъ молъ ты кто, а до діаконства-то еще у тебя носъ не доросъ».

Отперто предверіе классовъ, но въ лѣтній ясный день едва-ли кто оставитъ церковную ограду до звонка. Группами разсыпался по ней мелкій народъ. И Боже мой! какихъ только не было тутъ костюмовъ, начиная отъ франтовской курточки барича, сына губернскаго прокурора, присланнаго въ Полуторовскъ, вслѣдствіе дошедшихъ туда слуховъ объ успѣхахъ въ нашей школѣ, до азяма, заплатаннаго синими и бѣлыми холщевыми заплатами. Тутъ были и два татарчоночка съ чисто выбритыми головами въ своихъ національныхъ костюмахъ. Были два брата въ казацкихъ казакинахъ и босые; былъ тутъ и Васильевъ въ разорванномъ халатѣ и въ сапогахъ съ каблучками на манеръ боченочковъ. И зналъ я, что не утерпитъ этотъ Васильевъ, чтобы не воспользоваться во время классовъ минутой, когда отвернется отъ насъ нашъ надзиратель причетникъ, Евгеній Ѳлегонтовичъ,—не утерпитъ Васильевъ, чтобы

не приподнять ноги и не шепнуть сосѣду, указывая на каблучекъ.

— Совершенный боченочекъ, и продолжитъ въ слухъ: къ Сѣверу—Сѣверный океанъ, къ Западу—Уральскій хребетъ. И воспользовавшись новой минутой, продолжитъ завѣтную свою думу: а вотъ я ихъ ваксой буду чистить. Самъ сдѣлалъ—мать сахару дала. Они такіе-же будутъ, какъ у Дмитрія Иваныча.

Да, разноколиберные, поражающіе были костюмы. Но тѣшилось и радовалось сердце Лягушкина, смотря на весь этотъ дружный между собою сбродъ, такъ весело прибѣгающій ежедневно въ классы, не смотря ни на какую погоду: ни на зной, ни на стужу. И еще съ большей энергіей принимался онъ съ другомъ своимъ протопопомъ отстаивать свое незаконное дѣтище, отписываясь отъ разныхъ дрязгъ. Много должно быть было этихъ дрязгъ, но мы, дѣти, ихъ не знали. Только раза два проносился между нами слухъ, что закроютъ нашу школу, и вѣшали мы головы и соображали зачѣмъ и почему? Рѣдкое явленіе, не правда ли:—что мы, ребята, любили школу и учились безъ розги!

Задумывались ребята и осыпали насъ первенцовъ вопросами: почему? и для чего? А первенцовъ насъ было пятеро выбрано изъ большаго списка охотниковъ: два брата Женни, я, пузанъ Меньшиковъ и франтъ Васильевъ. Всѣ пятеро въ одинъ праздничный день съ крестами и образами двинулись впереди толпы изъ церкви въ эту школу; насъ первыхъ окропили святой водой, и на другой день поставили къ желѣзному полукругу, слѣдова-

тельно, почетъ и уваженіе прочихъ мальчугановъ, набравшихся вскорѣ съ сотню, мы принимали, какъ должную дань нашимъ заслугамъ.

Но почему закроютъ нашу школу и разгонятъ насъ,— рѣшить этого мы все таки не могли. Мы могли только разсказать, какъ она открылась и что потомъ слѣдовало. И повѣствуетъ пузанъ Меньшиковъ: «Привели насъ... поставили, а потомъ повели за столъ—мы помолились, а потомъ пошли къ полукружію...»

— Ну, да это какъ и теперь, перебиваетъ нетерпѣливый татарчукъ Сабанаковъ.

— Вовсе нѣтъ, поддерживаетъ Меньшикова франтъ Васильевъ:—теперь Дмитрій Иванычъ говоритъ: первая половина направо, вторая—налѣво, а тогда просто сказалъ: налѣво идите.

Поддержанный такимъ манеромъ, пузанъ продолжаетъ: «Ну, мы и стали учиться, ужь долго учились, только вдругъ приходитъ смотритель изъ другаго училища; ушли они съ Дмитріемъ Иванычемъ въ уголъ и начали говорить. Дмитрій Иванычъ говорилъ—говорилъ, потомъ разсердился: здѣсь, говоритъ, не мѣсто, уйдите; тотъ разсердился и ушелъ... такъ дверью хлопнулъ! А Дмитрій Иванычъ на замокъ дверь заперъ и сталъ все запирать. Мы начнемъ учиться, а онъ запретъ... Отецъ протопопъ придетъ, постучится тростью въ окно, онъ отопретъ, впуститъ его и опять запретъ, а потомъ не стали запирать».

— А смотритель не прибѣгалъ?

— Нѣтъ, еще разъ былъ... Насъ ужь тогда много было.

— А, помнимъ!.. помнимъ! раздались голоса.

— А, онъ должно быть драть васъ хотѣлъ, какъ въ первый-то разъ прибѣгалъ, замѣтилъ Молотиловъ.

— Ну, какъ-же! обидѣлись мы хоромъ.

— Такъ зачѣмъ-же Дмитрій-то Иванычъ разсердился, да прогналъ его?.. Онъ тамъ своихъ-то, у! какъ деретъ... Ну, а второй-то разъ, Дмитрій Иванычъ его не прогналъ?

— Нѣтъ, второй-то разъ, онъ только въ таблицахъ все рылся, потомъ пропись одну взялъ и унесъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю.

— Котору пропись-то? «Рыбакъ рыбака», штоли?

— Нѣтъ, той нѣтъ, онъ ту не принесъ, это «Служилъ у пана семь лѣтъ, выслужилъ семь рѣпъ, за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ», и еще чего-то?

— «Всякъ Еремѣй про себя разумѣй!»

— А, помню, писалъ я этого Еремѣя.

— Гдѣ ты его писалъ-то! Онъ подико-сь до тебя ее взялъ!

— Ей Богу, писалъ, еще капнулъ на этого самаго Еремѣя.

— Ну, какъ-же!

— Да вотъ-те Христосъ, капнулъ на Еремѣя: мнѣ чего вамъ врать-то.

На крыльцѣ показывается Дмитрій Иванычъ съ по-

серебреннымъ колокольчикомъ, и гурьба несется въ классъ.

— Ну, стройтесь!

И строимся мы во всю длину передней тремя длинными колонами, и перекликаетъ насъ всѣхъ Евгеній Ѳлегонтовичъ, указывая мѣсто каждому по вчерашнимъ его заслугамъ, роздавая ярлыки на лентахъ съ надписями: старшій такого-то круга и первый. Надѣвъ себѣ на шею эти знаки отличія, кавалеры гордо вносятъ свои головы въ отворившіяся двери. Особенно высоко поднимались головы такихъ счастливцевъ, когда въ школѣ бывали посѣтители, а пріѣзжіе посѣтители начали таки частенько заглядывать въ нашу школу. Много ужь шумѣли о ней.

Полуторовскія власти, присутствовавшія при открытіи школы, отнеслись сначала благосклонно, т. е. мысленно рѣшили: плевать-де намъ, тешьтесь, коли есть охота; ни тепло намъ отъ вашей школы, ни холодно. Но оказалось, что одной власти—имено ученой, могло быть и холодно: въ уѣздное училище перестали отдавать, даже стали брать оттуда. Предвидѣлся плохой исходъ—быстро приближалась цифра, при которой, пожалуй, начальство найдется вынужденнымъ закрыть уѣздное училище. Полетѣлъ въ губернію доносъ, что лице, которому никоимъ образомъ нельзя довѣрить просвѣщеніе—обучаетъ дѣтей. На доносъ послѣдовалъ запросъ: какъ и почему? Оказалось, что обучаетъ дѣтей протопопъ, а незаконное лице только показало порядокъ, какъ устраиваются Ланкастерскія школы.

Не упалъ духомъ свѣтильникъ полуторовскаго міра: отыскавъ, по его понятію, противо-правительственную пропись, онъ написалъ на эту пропись нѣсколько листовъ коментаріевъ и препроводилъ въ дирекцію, выискивавшую только случая пресѣчь незаконное существованіе школы.

Губернскіе друзья Лягушкина, разумѣется, горячо хлопотали за существованіе школы, но ничего не могли сдѣлать. Требовалось подчинить ее неусыпному контролю смотрителя. Ёкнуло сердце Лягушкина. Грустно сдѣлалось за спины навербованныхъ имъ ребятъ. Долго думали и гадали, и въ концѣ концовъ порѣшили:

Такъ какъ школа при церкви; и если добрыхъ дѣлъ безъ контроля дѣлать не полагается, то и сдать ее архіерею. Приди и владѣй нами, и борись съ нашими врагами и супостатами. Дождались его пріѣзда, да такъ и сдѣлали, и вышло дѣло ладно.

Просмотрѣлъ архіерей всѣ наши Ланкастерскія штуки—нашелъ все это хотя и новымъ, но дѣльнымъ и цѣлесобразнымъ. Замѣтилъ, что отъ всего пахнетъ чистой простотой и какимъ-то квакерствомъ, а затѣмъ посовѣтовалъ ввести въ программу школы нотное пѣніе и уѣхалъ. Враги были побѣждены. Миръ насталъ.

Много у насъ было посѣтителей и властей и невластей. Первыхъ мы отличали отъ послѣднихъ только тѣмъ, что Дмитрія Ивановича въ это время въ школѣ не бывало.

Покончивъ съ классами, веселыми и бодрыми разсыпались мы по городу. Мы учились шутя и нисколько

не считали трудомъ нашу науку, такъ что я послѣ школы ходилъ еще къ Мурашеву и занимался вмѣстѣ съ Женни. Меня вели впереди школы, гдѣ я долженъ былъ помогать и Лягушкину и Евгенію Өлегонтовичу.

Занимался я подъ руководствомъ Ивана Матвѣича. Географія и русская граматика шли у меня хорошо, въ познаніи сихъ полѣзныхъ наукъ стоялъ я на одной ступени съ своей соученицей—Жени, но Иванъ Матвѣичъ, имѣвшій прежде обо мнѣ высокое мнѣніе, теперь начиналъ во мнѣ разочаровываться, и считалъ Женни выше меня. Впрочемъ, сія хитрая подруга моего дѣтства не мало способствовала этому своими уловками. Помню, какъ-то разъ, заглядѣвшись на разваливающуюся крышу противоположнаго дома, сквозь которую такъ славно виднѣлось синее небо, я забылъ, гдѣ я и что дѣлаю, предавшись, въ ущербъ наукѣ, эстетическимъ созерцаніямъ. Иванъ Матвѣичъ, въ свою очередь, созерцалъ меня, а Женни, не знавшая на этотъ разъ урока, стоя за мной, шепчетъ какой-то вздоръ, усиливаясь показать, что подсказываетъ урокъ.

— Женни! прерываетъ паузу Иванъ Матвѣичъ:—это хорошо, съ твоей стороны, что ты хочешь помочь ему, но впередъ этого не дѣлай: онъ долженъ знать самъ свой урокъ. Слова эти возвратили меня изъ прекраснаго далека на научную почву, и я поспѣшилъ отвѣтомъ.

— Зачѣмъ ты показывала, что подсказываешь мнѣ? спросилъ я потомъ своего коварнаго друга.

Смѣется. Ну, и подите: толкуйте съ нею. Преумненькая была дѣвочка, но была одержима страстью кого нибудь дурачить.

Помню и другой урокъ, изъ географіи. Иванъ Матвѣичъ былъ не въ духѣ и чтобы не вносить своей хандры въ нашу бесѣду, унесъ ее въ лѣсъ, поручивъ намъ приготовить урокъ далѣе. Стоимъ мы предъ земнымъ шаромъ, тоже произведеніемъ Лягушкинскихъ рукъ, съ тетрадями въ рукахъ, подъискивая острова. Матрена Кондратьевна—на террасѣ, съ хроническимъ чулкомъ; въ растворенныя двери вѣетъ свѣжестію и манитъ къ прелестямъ дѣйствительной земли. Женни закрываетъ глаза, бросаетъ тетрадь ни близъ—стоящій табуретъ и склоняетъ на мое плечо свою буйную головку. Водворяется тишина.

— Дѣти, занимайтесь-же! раздается съ террасы голосъ Матрены Кондратьевны.

Не перемѣняя позы, Женни начинаетъ:

— Острова Чулошные, острова Злой щуки, острова Яги-бабы...

— Женни, ты вздоръ тамъ, кажется, говоришь. Я скажу Ивану Матвѣичу.

— Да, Матрена Кондратьевна, посудите сами, мы вѣдь острова подъискиваемъ... въ тетрадкѣ такъ написано...

— Ну, ладно, ладно.

Въ городѣ Потуторовскѣ есть большая улица, длин-

ная—предлинная и такая широкая, что даже Михаилъ Капитонычъ Болотниковъ—туземный учитель и туземный-же авторъ поэтической летучей рогожки—на что, кажется, былъ великъ, а и онъ, если стоитъ на другой сторонѣ улицы, то оказывается такимъ маленькимъ. Не на этой-ли улицѣ видѣли его гг. рецензенты? И не съ этой-ли точки зрѣнія отвергли въ немъ все величіе и его, и его летучей рогожки?

Почти на самомъ концѣ этой улицы есть небольшой домикъ въ четыре окна. Выстроили его уже давно, развели при немъ садъ и стали въ немъ жить да поживать. Въ исторіи этого домика значится, что первый его хозяинъ отравился, а второй, Кабаньскій, съ годъ тому назадъ убитъ.

Не знаю и не понимаю, что за причина была у перваго владѣльца разстаться такимъ манеромъ съ своимъ домомъ, когда передъ этимъ домомъ такая веселая, широкая улица. Наскучитъ смотрѣть на нее и ждать рѣдкаго появленія какого-нибудь прохожаго, стоило только выдти во дворъ и передъ вашими глазами, подъ навѣсомъ между двумя сараями, рѣшотчатыя двери въ садъ. Разнаго цвѣта и вида зелень такъ и свѣтится промежъ темныхъ перекладинокъ рѣшотки: снизу три или четыре клѣточки закрываются огромнымъ листомъ репейника, затѣмъ чѣмъ выше, тѣмъ зелень меньше и свѣтлѣе и, наконецъ, сквозь среднія клѣточки вы можете любоваться скамейками, пріютившимися подъ тѣнію липъ. Кое-гдѣ-изъ-за зелени блеститъ золотистая часть дорожки, кое-гдѣ привѣтливо киваетъ головкой розовый цвѣтокъ. Со скрипомъ

отворяются двери сада, и вы смѣло можете бѣжать по прямой дорожкѣ подъ липы на старыя качающіяся скамьи и тамъ въ тѣни отдохнуть. Но если ваша кровь кипитъ, какъ кипѣла у меня въ девятъ лѣтъ, то, не отдыхая, неситесь назадъ, сверните съ половины дороги на право, добѣгите до узловатаго ствола черемухи, обхватите его крѣпко руками, какъ обхватываете давно невиданнаго друга, и въ три прыжка вы на вершинѣ этого старца. Надѣюсь, что не пожалѣете своихъ трудовъ: на право, на лѣво, по лицу и рукамъ бьютъ васъ спѣлыя кисти мягкой и сладкой черемухи. Кругомъ же васъ, подъ ногами, виды одинъ другаго лучше. И при всемъ этомъ можетъ придти мысль о смерти!—не понимаю.

Второй хозяинъ дома, графъ Кабаньскій, не только самъ не рѣшился бы отравиться, но даже боялся, чтобы кто другой не сдѣлалъ съ нимъ этого. Онъ всѣхъ подозрѣвалъ. Спроситъ, бывало, въ гостяхъ стаканъ воды, посмотритъ на него подозрительно, потомъ выплеснетъ за окно и пойдетъ налить себѣ самъ. Но не отъ отравы пришлось умереть ему.

Третьимъ хозяиномъ этого дома былъ мой отецъ. И садъ, принадлежащій къ этому дому, былъ постоянною моею лѣтнею резиденціей. Я не выходилъ оттуда все свободное время, кочуя съ мѣста на мѣсто, изъ аллеи акацій въ аллею изъ черемухъ, или въ средину пышно разросшагося краснаго смороденика. Каждый уголокъ этого сада имѣлъ для меня свою прелесть. Счастливый и довольный носился я изъ конца въ конецъ, пользуясь временемъ, пока солнце не спряталось еще за крышу со-

сѣдки Варлачихи, обладающей удивительнымъ талантомъ стряпать на весь городъ неимовѣрно вкусные крендельки и булочки. Такъ вотъ за ея то хижину солнце имѣло обыкновеніе прятаться лѣтомъ. Начнетъ, бывало, мало по малу подбирать свой свѣтъ съ земли выше и выше, вотъ ужь не много осталось его на верхушкахъ липъ, и, наконецъ, поцѣловавъ далекій крестъ соборной колокольни, что оно дѣлало всегда вставая и уходя спать, и спрячется за крышу Варлачихи, только развѣ еще разъ проглянетъ въ щели крыши, какъ шалунъ ребенокъ сквозь скважину полога своей кроватки—скажетъ тю-тю! и исчезнетъ.

Съ солнцемъ кончалось и мое царствованіе въ саду. Да и пора мнѣ уходить оттуда. Подъ каждымъ наклонившимся деревомъ, съ этого часу, начинали копошиться всѣ эти колдуны, русалки, лѣшіе и вѣдьмы, теоретическимъ знакомствомъ съ которыми я былъ обязанъ словоохотливымъ нянькамъ да кучеру Петру, котораго лично, подъ хмѣльную руку, эти любители тьмы заводили Богъ вѣсть куда—чаще же всего къ проруби. И если ужь такой силачъ, какъ нашъ Петръ, не могъ справиться съ ними, то что-же могу сдѣлать я? Рѣшительно ничего не смогу сдѣлать! А то еще вдругъ изъ оранжереи выйдетъ бывшій хозяинъ, весь въ черномъ, съ привязанной къ шеѣ головой, выйдетъ и...

Какъ ни быстро можетъ промелькнуть послѣднее предположеніе, однако, начавшись среди сада, оно оканчивалось тогда, когда я былъ уже внѣ онаго и крѣпко запиралъ рѣшетчатыя двери, впиваясь пугливымъ и

любопытнымъ взглядомъ въ привлекательную, по своей таинственности, неподвижную массу темной зелени.

Но все-таки было еще и сомнѣніе: зачѣмъ всѣмъ этимъ, къ ночи неупоминаемымъ, господамъ быть въ нашемъ саду? Вѣдь они живутъ болѣе по болотамъ, да и садъ этотъ протопопскій. Да и самъ я отлично знаю на память, и сейчасъ-же прочту—и начинаю я читать прильнувъ къ рѣшеткѣ: «Да воскреснетъ Богъ.»

Скоро, однако, моимъ сомнѣніямъ касательно этого предмета насталъ конецъ. Разъ, на своихъ классическихъ дрогахъ, возвращались мы отъ всенощной. Мы тихо, очень тихо пѣли, и намъ было очень хорошо, и говорить никому не хотѣлось. Возница, Петръ, имѣвшій слабость радоваться празднику наканунѣ, одерживалъ и безъ того не быстроногую, почтенную по лѣтамъ, нашу лошадь. И такимъ образомъ мы тихо подвигались по нашей улицѣ, потомъ вкатились въ пространный дворъ нашъ, гдѣ и были озадачены усиленнымъ лаемъ собакъ, съ остервененіемъ бросавшихся къ дверямъ сада.

Явилась потребность въ храбрецѣ, который-бы рѣшился узнать причину лая. Петръ, вооруженный бичемъ, отправился на рекогносцировку. Скрипнули двери, и мы остались дожидать результатовъ. Быстро и болѣе твердымъ шагомъ принесся онъ назадъ и сообщилъ намъ, что прошелъ-де онъ до средины сада, пришелъ и видитъ: стоитъ кто-то весь въ бѣломъ, руки поднялъ кверху и кричитъ. Разсмѣялись надъ его трусостью, но повѣрить дѣло никто не рѣшился.

— Я пойду, говорить кой-кто изъ насъ.

— Ну, иди, иди, раздается вокругъ смѣльчака.

И вотъ закинувъ голову кверху, смѣло подходитъ смѣльчакъ къ дверцамъ и церемоннымъ шагомъ возвращается къ хохочущей группѣ.

На другой день, утромъ, быстро несся я въ садъ, перескакивая черезъ клумбы и обдавая свои ноги росою, прямо къ мѣсту, указанному Петромъ,—взглянуть хоть на слѣдъ вчерашняго фантома. Но, къ своему изумленію, нашелъ тутъ вещь, которую, изъ деликатности, назову коровьей визитной карточкой.

Петръ божился, что вчера была тутъ совсѣмъ не корова, да и я слыхалъ прежде, что привидѣнія оставляютъ иногда гадкія вещи, особенно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зарыты клады.

— Дай-ко мнѣ, Петръ, лопату желѣзную, и безъ возраженія приноситъ онъ мнѣ самую легонькую. Очевидно, что въ моей и въ его, начинающей сѣдѣть, головѣ одна и таже мысль. И вотъ я рою, рою и удивляюсь, почему это я вчера не пошелъ? Что тутъ страшнаго? Пришелъ-бы, ударилъ, сказалъ:» аминь, аминь, разсыпься,» и были-бы все деньги, все деньги. Отецъ бы обрадовался... долги заплатили бы. Но увы! Лишь солнце отправилось за Варлачихину крышу, я быстрѣе чѣмъ когда-нибудь понесся изъ саду.

ГЛАВА XI,

начинающаяся появленіемъ двухъ новыхъ лицъ и оканчивающаяся днемъ совершеннолѣтія Вани Бурлакова.

Не помню рысью или галопомъ несся я изъ саду, но вдругъ налетѣлъ на вывернувшихся изъ-за угла двухъ незнакомцевъ и Ивана Матвѣича Мурашева.

— Рекомендую тебѣ, съ достодолжною важностію обратился ко мнѣ Иванъ Матвѣичъ:—еще двухъ нашихъ; это Иванъ Степанычъ Гущинъ, а это Петръ Евгеньичъ князь Удольскій.—Дома Илья Яковличъ?

— Дома.

И мы двинулись къ дому.

— Вотъ этотъ, говоритъ Матвѣй Иванычъ, показывая на Удольскаго,—одинъ изъ главныхъ.

Я взбросилъ глаза по указанію; передо мною шелъ довольно тонкій господинъ, не много сгорбленный, въ сѣромъ коротенькомъ пальто, съ маленькими, похожими на запятыя, свѣтлыми бакенбардами, между которыми помѣщалось длинноватое кроткое лицо, въ родѣ того, какъ будто художникъ, набросавъ опытной рукою тѣнь и свѣтъ, взялъ флейсъ и сгладилъ слегка свою работу, и вотъ на картинѣ осталась и пріятная мягкость, и неопредѣлен-

ность, и незаконченность. Такія лица скоро забываются въ частностяхъ, но памятны въ общемъ. Я перенесъ глаза на его товарища: этотъ былъ выше князя и, пожалуй, въ трое толще. Черты лица крупныя, голубые глаза весело выглядывали изъ подъ толстыхъ вѣкъ, свѣтлые волоса никакъ не хотѣли лежать по указанію гребенки, но, поднявшись надъ прямымъ лбомъ, перекидывались аркой впередъ; подъ широкимъ носомъ свѣтлые усы ложились на верхнюю губу, тоже выгибомъ; изъ-за высокаго галстука, небрежно повязаннаго, выходили широкіе отложные воротнички рубашки. Взлянувъ на всю его фигуру, смѣло можно было сказать, что онъ мало заботился о ней.

— Они будутъ жить съ нами въ Полуторовскѣ, заключилъ Иванъ Матвѣичъ, входя въ комнату.

Сдавъ гостей отцу, я возвратился къ своимъ многотруднымъ занятіямъ: лазить на что ни попало и бѣгать гдѣ только можно пробѣжать.

И съ этого дня въ обществѣ нашихъ господъ, какъ они называли себя, являлись постоянно Иванъ Степанычъ и Петръ Евгеньичъ, внося въ свой кружокъ два новыхъ элемента—неистощимую веселось и православныя тенденціи.

Лягушкинъ говорилъ, что судьба и обстоятельства изъ всѣхъ ихъ выработала оригиналовъ, непохожихъ другъ на друга. Дѣйствительно, это были, что называется, всякъ молодецъ на свой образецъ. Общее между ними было жажда свѣта, правды, честности и ненависть ко всему низкому, безчестному.

Солнце да лѣто, лѣто да солнце, да свѣтлыя картины могутъ и прискучить, а потому, для разнообразія, я хочу перейдти къ осеннимъ воспоминаніямъ.

Хороша и осень, господа! Право хороша, когда человѣку лѣтъ девять, десять. Темная зелень лѣсовъ подернулась и золотомъ, и пурпуромъ. Галки, обитатели Карнаушинской рощи, размножились въ десять разъ. Но коснувшись Карнаушинскихъ галокъ, я всегда вспоминаю Ваню Бурлакова, которому крикъ этихъ пернатыхъ напоминаетъ завѣтную мечту о его хатѣ. Гдѣ-то онъ теперь? пристроилъ-ли горницу вплоть до морковной гряды? Покоится-ли мать его на печкѣ? Все это я могу сообщить, и пусть это будетъ предисловіемъ къ осеннимъ картинамъ. Вернемся же назадъ слишкомъ за годъ, къ тому утру, въ которое Иванъ имѣлъ намѣреніе удивить своимъ трудолюбіемъ хозяина и когда, напротивъ, хозяинъ удивилъ Ивана.

Вѣсть о смерти Кабаньскаго, съ быстротой электрической искры, пробѣжала по всѣмъ полуторовскимъ закоулкамъ, поразила всѣхъ и всѣмъ дала пищу для разговоровъ. Въ маленькомъ городкѣ такое событіе не шутка! И всѣ занялись имъ, оставивъ въ сторонѣ обыденеыя дрязги. Если прежде шумѣли по недѣлямъ о какомъ-нибудь крупномъ проигрышѣ одного милостиваго государя другому не менѣе милостивому государю, то понятно, что такой случай могъ раскачать языки на цѣлый мѣсяцъ.

Отъ общаго событія переходили мало по малу къ частнымъ деталямъ, ускользнувшимъ отъ вниманія. По-

жалѣли повара, лишившагося такого барина, и, въ день смерти Кабаньскаго, обиженнаго осмоленіемъ воротъ (провинціальный манервъ, карающій слабую половину человѣческаго рода за отступленіе отъ строгой супружеской нравственности). Поговорили и объ этомъ, пожалѣли, посмѣялись и снова перешли къ своему обычному прозябанію.

Всколыхнувшаяся стоячая лужа, Полуторовская жизнь, снова стала принимать свой прежній блестящій тухло-зелено-спокойный видъ и на ея поверхности снова стали всплывать и лопаться маленькіе пузырьки туземнаго горя и мѣстныхъ непріятностей. И проигравшійся господинъ снова разсказывалъ свое горе и пользовался общественнымъ сочувствіемъ; а выигравшій—свою радость и пользовался общественнымъ сорадованіемъ. Въ общемъ, значитъ, было все по прежнему, но въ частностяхъ, для нѣкоторыхъ лицъ, были горькія послѣдствія.

Недремлющее правосудіе взялось открыть убійцъ. На помощь къ правосудію полуторовскому прибыло недремлющее-же правосудіе губернское въ образѣ жандармскаго чиновника.

И принялись за открытіе. Для этой цѣли взялись прежде всего за Ивана и мать его. Начался самый хитроумный допросъ. Но они, увы! ничего не знаютъ: кухня отъ дому далеко, я-де кучеръ Иванъ, вѣроисповѣданія православнаго, у исповѣди и причастія бывающій, цѣлый тотъ вечеръ косилъ овесъ за садомъ, усталъ и крѣпко спалъ.

— Гм. Какая невинность, крѣпко спалъ!.. Разсказывай!.. Да мы откроемъ, говорятъ хорошіе слѣдователи.

И начали открывать истину. Если у васъ не канаты вмѣсто нервъ, то не ходите никогда мимо того мѣста, гдѣ открывается истина; а если вамъ ужь нельзя миновать его, то спѣшите пройдти въ то время, когда тамъ происходятъ одни только увѣщанія, то-есть грубая брань и пощечины. Спѣшите же пройдти, а то еще минута—и раздадутся вопли, такіе вопли, что они, минуя ваши уши, какъ острая пила скользнутъ по вашему сердцу и на десятки лѣтъ останутся въ вашей памяти; бѣгите скорѣе, а то сейчасъ слѣдователи спросятъ водки съ солью, польютъ истерзанное розгами тѣло допрашиваемаго, и начнутся новыя изтязанія.

Не знаю, всегда-ли такъ, какъ въ то время открывалась истина, знаю только, что съ Иваномъ поступили такъ. И крики, способные портить аппетитъ, не портили его у слѣдователя. Я видалъ, какъ они послѣ допросовъ славно завтракаютъ.

— Ну, что, признается? интересуются туземныя аристократы, увиваясь около губернскаго правосудія.

— Нѣтъ еще, но признается утѣшаетъ ихъ пріѣзжій, заливая только-что проглоченный имъ жирный кусокъ мяса отличной наливкой.

Не ошиблись слѣдователи, и скоро могли утѣшить интересующихся общественными дѣлами дамъ, что мальчишка Иванъ признался и указалъ сообщниковъ, двухъ братьевъ, крестьянъ изъ Карнаушки. Они ходили къ Кабаньскому и прежде, были и наканунѣ смерти;

рубилъ младшій братъ, а онъ, Иванъ, держалъ за ноги. Мать его ничего не знала. Принялись за указанныхъ.

Всѣ же прочіе могли спокойно забыть это событіе и жить по прежнему. По прежнему были вечеринки у властей, по прежнему въ праздничные дни собирались подгородные крестьяне на базарной площади, по прежнему безносый цѣловальникъ, но теперь уже принявшій крещеніе, бралъ, дань съ жаждущихъ.

Но въ одинъ праздничный день въ этомъ народномъ клубѣ произошла шумная сцена, имѣвшая вліяніе на судьбу нашего знакомца. Окончательно разпухшій отъ пьянства, Антонъ съ серьгой, столкнулся съ знакомымъ мрачнымъ мужикомъ, котораго онъ такъ дружески когда то поштовалъ на мірскія деньги, полученныя имъ за объясненіе свойствъ Лягушкинскаго столба. Началась попойка; послѣ денегъ были предложены въ закладъ зеленыя кучерскія рукавицы—и въ то время, какъ онѣ готовились перейдти изъ рукъ мрачнаго мужика въ кущу гостепріимнаго хозяина, кто-то возвысилъ голосъ и заявилъ, что рукавицы-то знакомыя—покойнаго Кабаньскаго.

Народу было много; струхнувшій хозяинъ послалъ за полиціей. Рукавицы дѣйствительно оказались принадлежащими Кабаньскому, и ими отворили дверь истины. Отворили и удивились, узнавъ, что два пріятеля были дѣятелями кровавой драмы, главнымъ участникомъ и руководителемъ которой былъ поваръ Кабаньскаго. А Иванъ и два брата крестьянина были ни въ чемъ не повинны.

Вотъ вамъ и еще примѣръ, что рано или поздно, а порокъ будетъ наказанъ, добродѣтель же восторжествуетъ. Жаль только, что у Ивана не достало энергіи подождать этой торжественной минуты, и въ припадкѣ малодушія сочинить цѣлую исторію, да такъ сочинить, что даже проницательное правосудіе не могло усумниться въ ея истинности.

И въ день, когда этому лгунишкѣ исполнилось совершеннолѣтіе, садъ Кабаньскаго огласился воплями. Наказывали убійцъ. Наказать ихъ противъ мѣста ихъ преступленія, противъ дома, изъ уваженія къ нашему отцу, не рѣшились. Въ числѣ убійцъ, за ложный оговоръ неповинныхъ лицъ, наказали и Ивана.

Любители кровавыхъ церемоній, облѣпившіе нашъ заборъ, липы и черемухи, разсказывали, что надъ Иваномъ особенно потѣшился ни кѣмъ не задобренный палачъ. Замертво увезли его въ больницу, а потомъ сослали на заводы. Изъ этой главы вы видите, что не исполнилась мечта Ивана,—не выстроилъ онъ своей матери горницу. Что сталось съ ней—не знаю; если пережила его совершеннолѣтіе, то поплелась, пожалуй, за сыномъ въ каторгу. Были слухи, будто она съ ума сошла. Но навѣрное этого я не знаю, а чего не знаю, о томъ и говорить не хочу на страницахъ этого правдиваго разсказа.

ГЛАВА XII.

Осеннія картины.

Широкія дѣвственныя улицы Полуторовска превратились въ грязь и лужи. Долго собирались синія тучи надъ городомъ. Собрались, постояли, посмотрѣли на него, выждали удобную минуту. попробовали пустить нѣсколько крупныхъ капель въ носъ прохожему писцу, на хвостъ ударившагося бѣжать пѣтуха, и вышло хорошо и эффектно, ну и зачастили, забарабанили почему ни попало.

Съ особенной ревностію и усердіемъ барабанилъ дождь въ освѣщенныя окна угловой комнаты Ивана Степаныча Гущина. Впрочемъ, съ мокрой и грязной улицы эта комната съ каминомъ и съ мягкимъ диваномъ казалась очень и очень привлекательною. Тутъ находился весь кружокъ въ сборѣ.

Свѣтлѣе и свѣтлѣе разгораются березовые дрова въ каминѣ, спиной къ которому стоитъ, покачиваясь на каблукахъ, Удольскій, и тихо, но энергически возражаетъ горячащемуся Лягушкину. Дѣло идетъ объ обрядностяхъ. Въ углу, на диванѣ, съ газетою въ рукахъ сидитъ Иванъ Матвѣичъ; въ заднихъ комнатахъ слышится голосъ хо-

зяина Гущина, дѣлающаго распоряженія насчетъ самовара. Оттуда-же доносится колыбельная пѣсенка. Вильгельмъ Карлычъ, по обыкновенію, молча измѣряетъ шагами комнату.

Свѣтлѣе и свѣтлѣе разгорается каминъ, заставляя колыхаться тѣнь невозмутимаго Удольскаго. Съ большимъ остервененіемъ рвется въ окна непогода. Горячѣе дѣлается споръ у камина.

Мурашевъ опускаетъ руку съ газетой и, смотря на Удольскаго, начинаетъ иронически моргать и глазомъ и ушами.

— Не говори ты мнѣ этого! кричитъ Лягушкинъ, подступая къ Удольскому, который по прежнему хладнокровно покачивается на каблукахъ и, смотря вверхъ, возражаетъ.

— А я тебѣ ужъ сказалъ и опять говорю, что если есть іерархія въ чинахъ ангельскихъ, то...

— Господи, Боже мой, что это за человѣкъ, что это за человѣкъ! разводитъ руками Лягушкинъ, повертываясь къ Мурашеву, но не получивъ отъ него отвѣта, обращается опять къ Удольскому и поднимаетъ руку съ маленькимъ чубукомъ.

— Еще слово скажи... одно только слово... я тебя вотъ чубукомъ!.. право ударю!..

— Ну, что-же ты возьмешь этимъ? произноситъ явившійся при послѣднихъ словахъ Гущинъ:—онъ приметъ мученическій вѣнецъ, а ты—съ носомъ!

Всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, вѣдь я уважаю убѣжденіе каждаго, я

преклоняюсь также и передъ убѣжденіями Ильи Яковлевича. Но вѣдь это Богъ знаетъ что, вѣдь онъ городитъ ужь совсѣмъ...

— Несуразное, перебиваетъ снова Гущинъ,—какъ говоритъ мой Прохоръ. Несуразное, молъ, это дѣло, что приказать мнѣ изволили.

Тѣмъ споръ и кончился. Въ передней хлопнула дверь и зазвонилъ колокольчикъ. Дамамъ явиться было еще рано, а потому всѣ подвинулись къ передней. Тамъ стоялъ и молился въ переднiй уголъ промокшiй насквозь крестьянинъ, по его словамъ, пришедшiй къ его высокоблагородiю съ просьбицей насчетъ своего дѣлишка. И началъ онъ безъискуственнымъ слогомъ Иліады повѣствовать о своихъ горькихъ похожденiяхъ по судебнымъ мытарствамъ. Изъ-за каждой фразы монотоннаго и нескладнаго разсказа такъ и выглядывали призраки—неуваженiя къ личности, кулачной расправы, взятокъ, незаконности, словомъ всѣхъ аттрибутовъ тогдашней земской власти.

— Что-же я то могу сдѣлать? спросилъ Гущинъ.

— Да я ужь не знаю, сдѣлай что можешь, сдѣлай божескую милость, а идти болѣе не къ кому, безнадежно произнесъ мужикъ.

Сдѣлавъ ему нѣсколько вопросовъ и давъ слово похлопотать за него гдѣ можно, Гущинъ возвратился къ компанiи, сидѣвшей молча подъ тяжелымъ впечатлѣнiемъ крестьянскаго разсказа.

Предпославъ обычное «охъ-хо-хо», Мурашевъ разразился громами. Лягушкинъ продолжалъ молчать, только

щипцы, которыми онъ хотѣлъ достать изъ камина уголь для трубки, дрожали и горячій красный уголекъ выскакивалъ и отбѣгалъ отъ нихъ, весело мигая и, очевидно, забавляясь неловкостію злобно щелкавшихъ щипцовъ. Удольскій вздыхалъ, перенося свои глаза отъ небольшаго образка въ углу на потолокъ. Хозяинъ, разрядившись двумя-тремя, пропавшими даромъ, каламбурами, закурилъ трубку, сѣлъ къ письменному столу и принялся за письмо.

Всѣмъ сдѣлалось легче, потому что всѣ знали, что въ письмѣ излагается дѣло только-что ушедшаго крестьянина,—излагается въ такой формѣ, про которую всего справедливѣе можно сказать, что сквозь видимый смѣхъ блестятъ незримыя слезы. Всѣ знали, что письмо Гущина къ губернскимъ друзьямъ есть уже половина дѣла.

Знали это полуторовцы, и вскорѣ послѣ его прибытія въ этотъ городъ, все оскорбленное и униженное, охающее и негодующее начало стекаться къ нему какъ къ адвокату. Увѣрившись, что дѣло, о которомъ его просятъ, законное или гуманное, Гущинъ брался за перо, и письмо за письмомъ летѣли, какъ бомбы; и въ концѣ концовъ онъ поздравлялъ себя съ побѣдой.

Особенно трудно было выхлопотать ему дѣло Ульяны Ѳедоровны. Ульяна Ѳедоровна была старая дѣвица, замѣчательная своимъ безобразіемъ, хлопотала она о пенсіи и нѣсколько разъ получала отказъ. Гущинъ, въ концѣ всѣхъ своихъ безуспѣшныхъ посланій, убѣдилъ ее ѣхать самое въ губернскій городъ и лично разнести

его письма. «Сжальтесь, писалъ онъ, надо мной, я такъ былъ увѣренъ въ томъ, что вы употребите всѣ силы, чтобы выиграть законное дѣло этой дѣвицы, что далъ слово, въ случаѣ неудачи, жениться на ней для ея прокормленія. Взгляните на нее, ужаснитесь и спасите вашего друга!»

Друзья ужаснулись, и дѣло Ульяна Ѳедоровна выиграла.

Такъ дѣлалъ онъ всю свою жизнь. Мнѣ случилось встрѣтить человѣка, съ восторгомъ разсказывавшаго, какъ онъ, зная Гущина только по слухамъ, обратился къ нему письменно, прося похлопотать о дѣлѣ, и вскорѣ получилъ отвѣтъ, писанный уже постороннимъ человѣкомъ подъ диктовку Гущина, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что по письму его сдѣлано все возможное. Письмо это писано наканунѣ смерти Гущина.

Но возвращаюсь снова къ разсказу.

Всѣмъ сдѣлалось покойнѣе; одинъ только Шпильгаузенъ былъ неизмѣненъ: онъ флегматически сидѣлъ въ креслахъ, курилъ трубку и безучастно смотрѣлъ въ пространство.

Въ сосѣдней комнатѣ кипѣлъ на столѣ свѣтлый самоваръ, принесенный молодой, невзрачной, съ большими зубами, горничной. Иванъ Матвѣичъ отправился туда распоряжаться чаемъ, за нимъ двинулись Лягушкинъ и Удольскій, а немного погодя и Вильгельмъ Карлычъ рѣшился подняться со стула. Поднялся, подошелъ къ камину, выбилъ трубку, снова набилъ ее, не торопясь

раскурилъ и, не торопясь, оставилъ Гущина одного за своимъ письмомъ.

Но письмо кончено, дождь пересталъ, халатъ Гущина смѣненъ сюртукомъ и около чайнаго стола хлопочетъ Мурашева, угощая чаемъ Кандальцеву и Калашину, приставшую къ этому кружку изъ противуположнаго лагеря; у камина снова споръ, а въ противуположномъ углу дома—дѣтскій смѣхъ, и говоръ, и игры. Тутъ Женни, два ея брата и огромная семья Калашиныхъ. Намъ такъ весело, а между тѣмъ не прошло и полчаса, какъ ужь несносный Иванъ Матвѣичъ говоритъ, что пора домой.

— Ну, Гриша! ты съ нами, мы тебя довеземъ. И щекотитъ онъ Гришу, приговаривая: Гри-шутка ты эдакой, я буду звать тебя Гри-шуткой. Его такъ Илья Яковличъ зоветъ, поясняетъ онъ юной компаніи, какъ-то тихо слоняющейся по комнатѣ съ цѣлію отыскать кто свой платокъ, кто фуражку. Черезъ часъ въ квартирѣ двухъ пріятелей, Гущина и Удольскаго, водворились мракъ и тишина, по временамъ нарушаемая плачемъ маленькой дѣвочки, похожей на Гущина: у ней рѣзались зубки.

ГЛАВА XIII.

Маленькая буря, воздвигнутая невозмутимымъ.

Не знаю, съумѣлъ-ли я представить вашему вниманію, въ настоящемъ свѣтѣ, двухъ новоприбывшихъ друзей, любившихъ другъ друга, не смотря на то, что между ними не было ни одной сходной черты въ характерахъ. Эпикуреецъ Гущинъ и православный до фанатизма Удольскій все-таки были друзьями—жили вмѣстѣ мирно и тихо.

Но осень ли, или просто, какъ полагалъ Гущинъ, исконный врагъ нашъ—дьаволъ (пожалуй, что послѣднее будетъ вѣроятнѣе) напалъ въ расплохъ на нравственность князя Удольскаго,—только онъ набѣдокурилъ съ своей горничной, неказистой и длиннозубой Августой. Въ высшей степени религіозная натура Удольскаго отнеслась къ своему проступку очень серьезно, и онъ порѣшилъ загладить грѣхъ свой бракомъ. Проще и естественнѣе ничего и быть не могло. Его тревожила только мысль, какъ отнесутся къ этому его родственники, князья и княгини. Противодѣйствія же со стороны полуторовскихъ друзей онъ не ожидалъ, и поспѣшилъ покаяться имъ и объявить свое намѣреніе.

Это объявленіе было бомбой, упавшей посреди мирнаго кружка. На Удольскаго посыпались сначала увѣщанія, потомъ совѣты и сожалѣнія, и изъ мирнаго и дружественнаго тона мало по малу переходили къ болѣе сильнымъ и рѣзкимъ фразамъ. Но Удольскій былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи.

— Братъ твоей невѣсты, кричалъ Иванъ Матвѣичъ:—служилъ у меня въ кучерахъ, прогнанъ мной какъ воръ и пьяница! Каково будетъ тебѣ постоянно слышать, что онъ въ полиціи.

— Я женюсь не на братѣ, возражаетъ Удольскій, своимъ хладнокровіемъ приводя Мурашева въ ярость.

— Твоя невѣста глупая, необразованная, некрасивая дѣвка!

— Все это не даетъ мнѣ права губить ее.

— Она дѣвка сомнительнаго поведенія.

— Это ужь мое дѣло, и мнѣ лучше знать.

Ярость нападающихъ равнялась только стойкости бомбардируемаго Удольскаго. И у друзей опустились руки. Оставалась одна надежда: заручиться помощію Ильи Яковлевича, имѣвшаго нравственное вліяніе на Удольскаго. Но, увы, и эта надежда разлетѣлась прахомъ. Мягкій и уступчивый Илья Яковлевичъ на этотъ разъ оказался твердымъ и объявилъ на отрѣзъ, что рѣшеніе Удольскаго онъ одобряетъ и отсовѣтывать ему не намѣренъ.

Миръ и тишина въ маленькомъ мірѣ нарушились, и нарушились не отъ внѣшнихъ враговъ, къ чему онъ

уже привыкъ и не обращалъ большаго вниманія, а произошла недуманная междуусобная брань.

Два друга разстались. Удольскій переѣхалъ на особую, отъ Гущина, квартиру; горничной Гутѣ тоже была нанята особенная. И появленіе Удольскаго въ кругу друзей сдѣлалось тяжелымъ и для него, и для нихъ. Какъ не избѣгали рѣчи о предстоящемъ бракѣ, но она нѣтъ да и прорвется. Удольскій согласился на одно: отложить на время свадьбу, испытать себя. И заперся дома.

— Испытаніе на себя наложилъ! Охъ-хо-хо! говоритъ Мурашевъ.

— Испытаніе? замѣчаетъ Гущинъ:—я знаю, что значитъ это испытаніе. Можете себѣ представить святую фигуру Удольскаго, перелѣзающую черезъ заборъ къ Августѣ Самойловнѣ! Могу васъ увѣрить, зрѣлище назидательное! Не правда ли? обращается онъ за подтвержденіемъ своихъ словъ къ нашей дѣтской кучкѣ. Мы смотримъ на него очень большими глазами, соображая въ чемъ дѣло.

— А вы какого мнѣнія, Василиса Александровна? приступаетъ онъ къ Кандальцевой:—дѣти не хотятъ высказать свое прежде старшихъ. Какого-же вы мнѣнія, старѣйшая межъ нами? Кандальцева конфузится какъ дѣвочка, что̀ доставляетъ сильное удовольствіе Гущину.— Можетъ быть вы мнѣ хотите возразить на это извѣстнымъ случаемъ съ однимъ извѣстнымъ философомъ?

— Какимъ еще случаемъ? съ какимъ философомъ?

— А это, видите, одинъ философъ,—имя его я умал-

чиваю изъ скромности, хоть вы и заподозрите, что я забылъ это имя. И такъ одинъ философъ встрѣтилъ господина, выходящаго изъ одного дома, въ которомъ онъ, могу васъ увѣрить, провелъ очень весело время, не смотря на то, что домъ этотъ былъ... былъ... ну, нехорошей репутаціи, и когда этотъ господинъ, замѣтивъ знакомаго философа,—знакомство съ философіей, какъ видите, не мѣшаетъ посѣщать подобные дома!—закрылся и хотѣлъ проскользнуть мимо, но сей многомудрый мужъ сказалъ ему: не стыдись выходить, а стыдись входить. Серьезно! такъ и сказалъ. Да вотъ Гриша это знаетъ; онъ увѣритъ васъ, что я это не сочинилъ. Онъ вамъ даже и имена этихъ особъ скажетъ.

Я сконфузился не менѣе Кандальцевой, потому что именъ этихъ особъ я не зналъ, а признаться въ своемъ невѣдѣніи не хотѣлось.

— Своимъ согласіемъ Илья Яковлевичъ даетъ сумасшедшему ножъ въ руки, замѣтилъ Мурашевъ.

Воспользовавшись его замѣчаніемъ, отвлекшимъ отъ меня общее вниманіе, я ускользнулъ къ дѣтямъ, оставивъ взрослую публику интересоваться дѣломъ Удольскаго.

Но увы! въ нашей компаніи тоже тихо. Нашъ коноводъ, Женни, ужасно скандализирована желаніемъ Удольскаго жениться. Она рѣшилась не быть любезной хозяйкой, а разыграть роль большой дамы, на знакомство съ которой, Богъ вѣсть какимъ образомъ, навязывается какая-то Августа Самойловна, которая еще недавно, а именно съ мѣсяцъ тому назадъ, поправляла ей юбочку и сопутствовала ей въ особенную комнату

съ дѣтскимъ стуликомъ особеннаго устройства, назна ченнымъ для особеннаго употребленія.

Такое настроеніе Женни имѣло вліяніе на всѣхъ ея гостей.

— Какой-же, право, скучный этотъ Удольскій! Изъ-за него никто играть не хочетъ? Мнѣ почему-то вдругъ показалось, что чуть-ли и я не виноватъ въ этомъ дѣлѣ. И я старался уяснить себѣ вопросъ: какой именно ножъ и зачѣмъ мой отецъ далъ Удольскому?... Оказывается, что это не отецъ, а я даю ему тяжелый, претяжелый ножъ и хочу поднять только руку... какъ около меня раздается дѣтскій хохотъ.

— Смотрите, смотрите! Гриша заснулъ!

А я дѣйствительно вздремнулъ со скуки.

Но когда были испробованы всѣ средства, когда рѣшимость Удольскаго устояла даже отъ мнимаго остракизма изъ круга друзей, тогда эти послѣдніе снова открыли ему объятія и дали ему слово принять въ свой кругъ будущую его супругу и общими силами помогать ему сдѣлать изъ нее приличную и добрую жену.

— Ну, Гришутка, вставай и пей поскорѣе чай, я ѣду въ церковь, такъ по пути и тебя отвезу, сказалъ мнѣ отецъ въ одно раннее зимнее утро, входя со свѣчей въ комнату, гдѣ полъ былъ уложенъ нами ребятишками. Больно не хотѣлось выползать изъ-подъ шубы на морозный свѣтъ Божій, но дѣлать было нечего, всталъ.

Было еще очень рано и школа была на замкѣ, а потому я и отправился за отцемъ въ церковь. Тамъ былъ уже Евгеній Флегонтычъ. При нашемъ входѣ онъ подошелъ подъ благословеніе къ отцу, потомъ отправился къ иконостасу, сдулъ пыль съ налоя и даже обмахнулъ его длинной полой своего сюртука, и, стуча крѣпкими своими сапогами по чугунному полу, понесъ его на средину церкви.

Тишина и сумракъ церкви сильно клонили меня ко сну, и я, примкнувшись въ уголъ клироса, начиналъ было вспоминать пеструю гирлянду сновидѣній, прерванную, часъ тому назадъ, моимъ отцомъ, какъ тяжелыя церковныя двери отворились, раздались шаги, глухо отдающіеся подъ сводами алтаря. Возратясь къ дѣйствительности, я обратилъ свое вниманіе на вошедшихъ. Впереди, сбросивъ съ себя у печки при входѣ шубу, шелъ длинный молодой человѣкъ съ образомъ и вѣнчальными свѣчами, за нимъ рядомъ Удольскій и Августа Самойловна, а потомъ человѣка два незнакомыхъ. За вошедшими дверь заперлась на крючекъ, и началась послѣдняя глава изъ романа Удольскаго.

Таинственно и сдержанно басилъ нашъ Евгеній Флегонтовичъ, стараясь искоса разсмотрѣть подножіе, на которомъ стояли женихъ съ невѣстой. Усердно и учащенно молился Удольскій, а за нимъ и Августа Самойловна. Съ чувствомъ читалъ молитвы мой отецъ. Все это было не похоже на другія свадьбы, все было какъ-то таинственно и спутывалось въ моей головѣ съ прерванными сонными грезами. Будь я въ то время знакомъ

съ романами, я остался бы очень доволенъ этимъ зрѣлищемъ. Я бы представилъ Удольскаго рыцаремъ, похитившимъ свою невѣсту и, тайно отъ жестокихъ родителей, вступающаго въ законный бракъ, а добродушную, лысую фигуру старика сторожа, выглядывающаго изъза печки, представилъ бы злымъ колдуномъ, нетерпѣливо ждущимъ окончанія церемоніи, чтобы похитить молодую красавицу. Въ дѣйствительности же онъ ждалъ только окончанія, чтобы прибрать все къ мѣсту и идти въ свою жарко натопленную пещеру.

Обрядъ кончился. Отецъ и Удольскій крѣпко обнялись и поцѣловались. Длинный молодой человѣкъ важно подошелъ къ иконостасу, поскрипывая новыми сапогами, взялъ икону, отобравъ у молодыхъ свѣчи и завернувшись въ шубу, отправился изъ церкви, открывая брачное шествіе. Отецъ, снявъ ризы, также пошелъ къ Удольскому.

— Когда мы тебя, старый, повѣнчаемъ, говоритъ Евгеній Флегонтовичъ трапезнику, свертывая шелковое подножіе молодыхъ—свой будущій праздничный жилетъ.

— Ну тебя совсѣмъ! отвѣчаетъ тотъ. — Идите лучше къ школьникамъ-то.

И идемъ мы къ школьникамъ. Съ кафедры монотонно, нѣсколько въ носъ, раздается команда Евгенія Флегонтовича:

— Руки на столъ!.. чистите доски!

Начинается всеобщее движеніе. И тотъ-же монотонный голосъ продолжаетъ:

— Старшіе осмотрите!

По прежнему старшіе осматриваютъ вычищенные доски, по прежнему течетъ жизнь въ школѣ и внѣ ея, только для Удольскаго и Августы Самойловны наступаетъ новая жизнь.

ГЛАВА XIV.

Послѣдняя зима въ дѣтствѣ.

Зная очень хорошо, что наступившая зима—последняя, которую приведется провести мнѣ подъ родительскимъ кровомъ, и что лѣтомъ отвезутъ меня въ губернскій городъ, гдѣ я буду глотать уже настоящую мудрость, въ настоящемъ патентованномъ заведеніи,—я мудро распоряжаюсь своимъ временемъ и жадно извлекаю изъ природы всѣ блага, какія только она дать въ состояніи. Дѣлаю дома изъ обильно падающаго снѣга, прорываю галлереи, отчего получаю насморкъ и кашель, зноблю себѣ носъ и уши—такъ, что едва снѣгомъ да спиртомъ ототрешь. Нашъ Петръ, должно быть, прибѣгалъ къ такому-же способу согрѣванія, ибо отъ него стало попахивать спиртомъ.

— Зноблюсь, говоритъ онъ, слушая выговоры матери,—зноблюсь, лицо оттираю, оттого и спиртомъ пахнетъ. Вонъ птица и та на лету мерзнетъ, а у лошадей отъ морозу-то кровь изъ носу идетъ...

Тоже говаривалъ Петръ и нашей бабушкѣ, приходившей иногда въ кухню отогрѣть свои старыя кости. Послѣ этого онъ разсказывалъ, какъ онъ, Петръ, четырнадцати-

лѣтнимъ мальчуганомъ, убѣжалъ отъ матери да потомъ и не смѣлъ уже воротиться. Тутъ-же кстати добрые люди подвернулись, да и сговорили его идти съ ними,— и пошелъ онъ по широкому міру Божію, скитаясь гдѣ день, гдѣ ночь. И чего только онъ не навидался! А потомъ Богъ привелъ его двадцати лѣтъ въ цѣпяхъ попасть въ Сибирь, да потомъ и къ намъ наняться.

Слышится намъ его бесѣда съ бабушкой чрезъ дощатую перегородку, отдѣляющую кухню отъ комнаты съ лежанкой, которую отецъ шутя называетъ лабораторіей. Тутъ у затопленной лежанки сидитъ отецъ и варитъ составъ для золоченія. Восьмилѣтняя сестра съ маленькимъ братомъ усердно приготовляютъ изъ толчонаго, съ разными снадобьями угля, курушки. Я у стола, около гальванической батареи, устроенной для отца Лягушкинымъ, промываю серебрящіеся церковные ковшички.

Не остается въ долгу и бабушка. Выслушавъ разсказъ о похожденіяхъ Петра, она начинаетъ повѣствовать ему, что Китай есть земля, гдѣ чай растетъ, а въ Китаѣ есть городъ Кяхта, въ который ѣздилъ ея покойничекъ и откуда разныхъ диковинъ понавезъ... давно это было: еще до большаго пожару...

И долго повѣствуетъ бабушка. Прислушиваясь къ ея нехитростному разсказу, такъ и кажется, что видишь все это передъ собой.

Въ это время скрипнула дверь и въ морозномъ облакѣ показалась темная фигура Димитрія Ивановича, въ своей острой шапкѣ и въ шубкѣ съ крылышками.

— А, вотъ они всѣ за работой! Здравствуйте! говоритъ Лягушкинъ, освобождая усы отъ длинныхъ ледяныхъ сосулекъ. Поздоровавшись съ отцомъ, онъ подошелъ къ батареѣ, попробовалъ на языкѣ проводники и посовѣтовалъ уменьшить силу батареи, потомъ показалъ какъ держать воронило, чтобы удобнѣе полировать выпуклыя мѣста; затѣмъ, пододвинувъ низенькую скамеечку, сѣлъ рядомъ съ отцомъ передъ печью.

— Ну, мы съ вами теперь настоящіе колдуны... снадобья варимъ... А морозъ сегодня добрый!

— Я не ожидалъ васъ!

— Рѣшился было не выходить сегодня, да не утерпѣлъ... вспомнилъ, что около васъ домъ пустой...

— И заговорило ретивое! разсмѣялся отецъ:—не смотря на морозъ побѣжали, чтобы не упустить квартиру для школы.

— Да, и нанялъ очень дешево. Съ завтрашняго дня начнемъ кой-какія передѣлки да поправки; а недѣли черезъ двѣ у нашей мужской школы будетъ сестрица—женская школа.

— Успѣемъ-ли такъ скоро?

— Да отчего-же: столы и полукружія почти готовы, таблицы тоже можно взять у нашего первенца... Наши дамы торопятъ,—просятъ труда и работы. Пусть-же и ведутъ эту школу, а мы теперь будемъ только архитекторы да руководители.

И они принялись толковать подробно о своей новой школѣ.

А изъ-за сосѣдней стѣны слышится разсказъ бабушки о добромъ старомъ времени.

— Вотъ хоть насчетъ прислуги: калмычки ни почемъ были; мой покойникъ за мѣшокъ муки купилъ, и такія работящія и преданныя были!.. Спились только потомъ.

— А ничего вы не имѣете противъ того, говоритъ Лягушкинъ:—что съ дѣвочками мы помѣстимъ учиться нѣсколько мальчиковъ... вотъ хоть Калашиныхъ?

— Разумѣется, ничего.

— Дѣло пойдетъ... опытъ насъ умудрилъ... Теперь мы ужь не поддадимся: будемъ мудры какъ зміи.

— И постараемся быть честными какъ голуби.

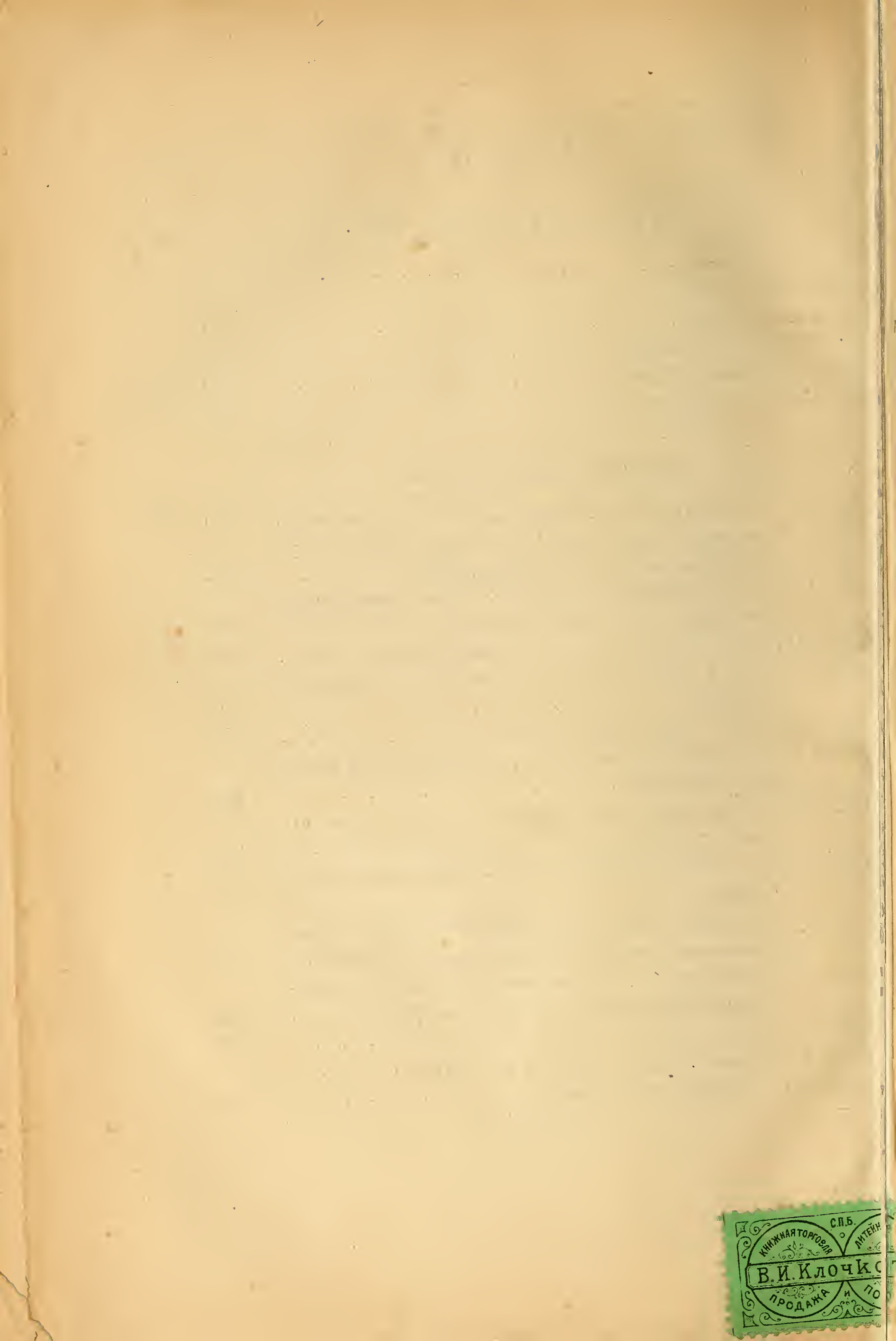
— Само собой разумѣется: змѣиная мудрость безъ голубиной чистоты не практична. Съ одной мудростію нашу школу прихлопнутъ черезъ недѣлю—а съ одной голубиной чистотой нечего и затѣвать ее. Да, будемъ мудры какъ зміи и чисты какъ голуби.

— Аминь, сказалъ отецъ.

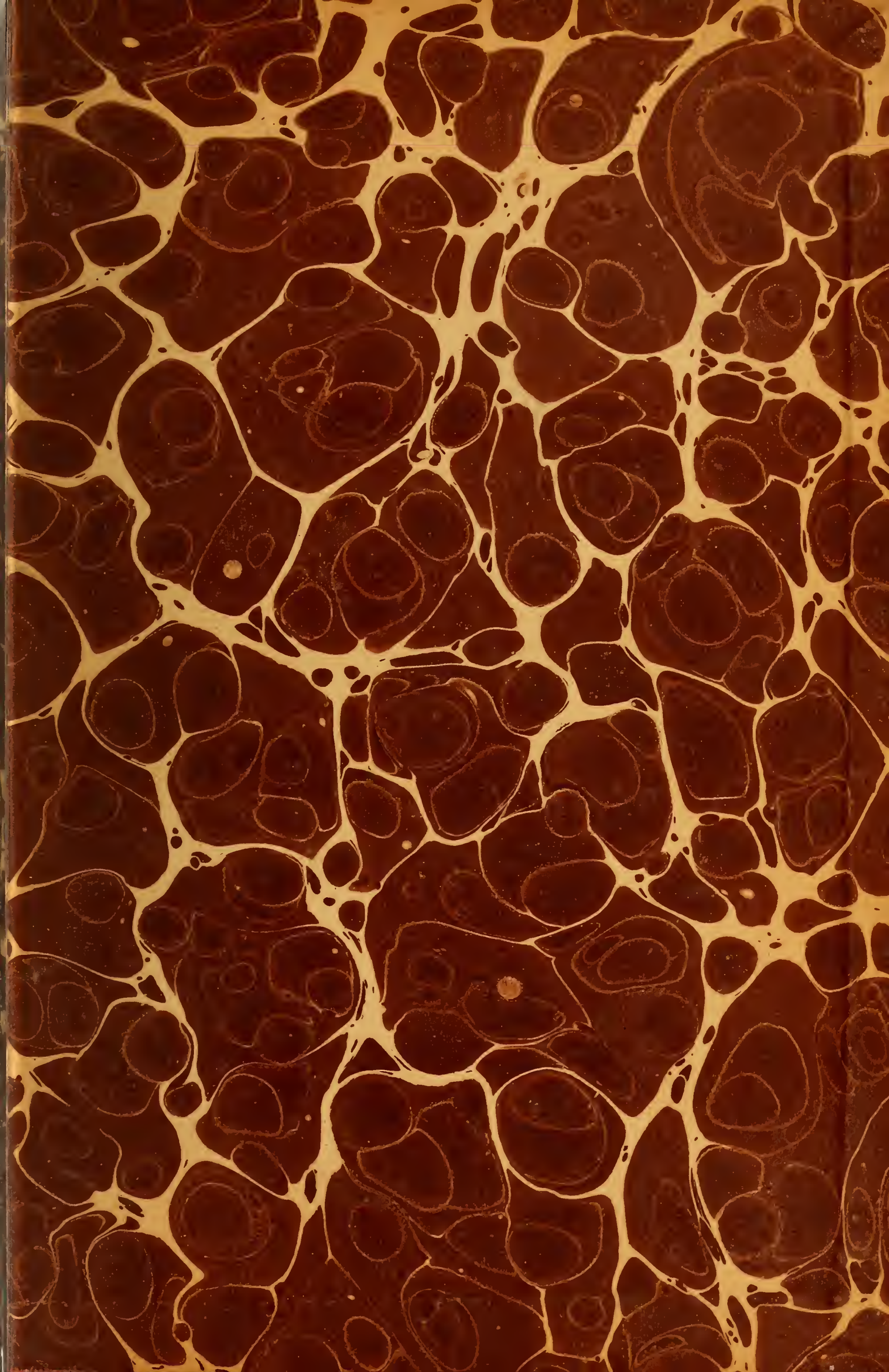
ОГЛАВЛЕНІЕ.

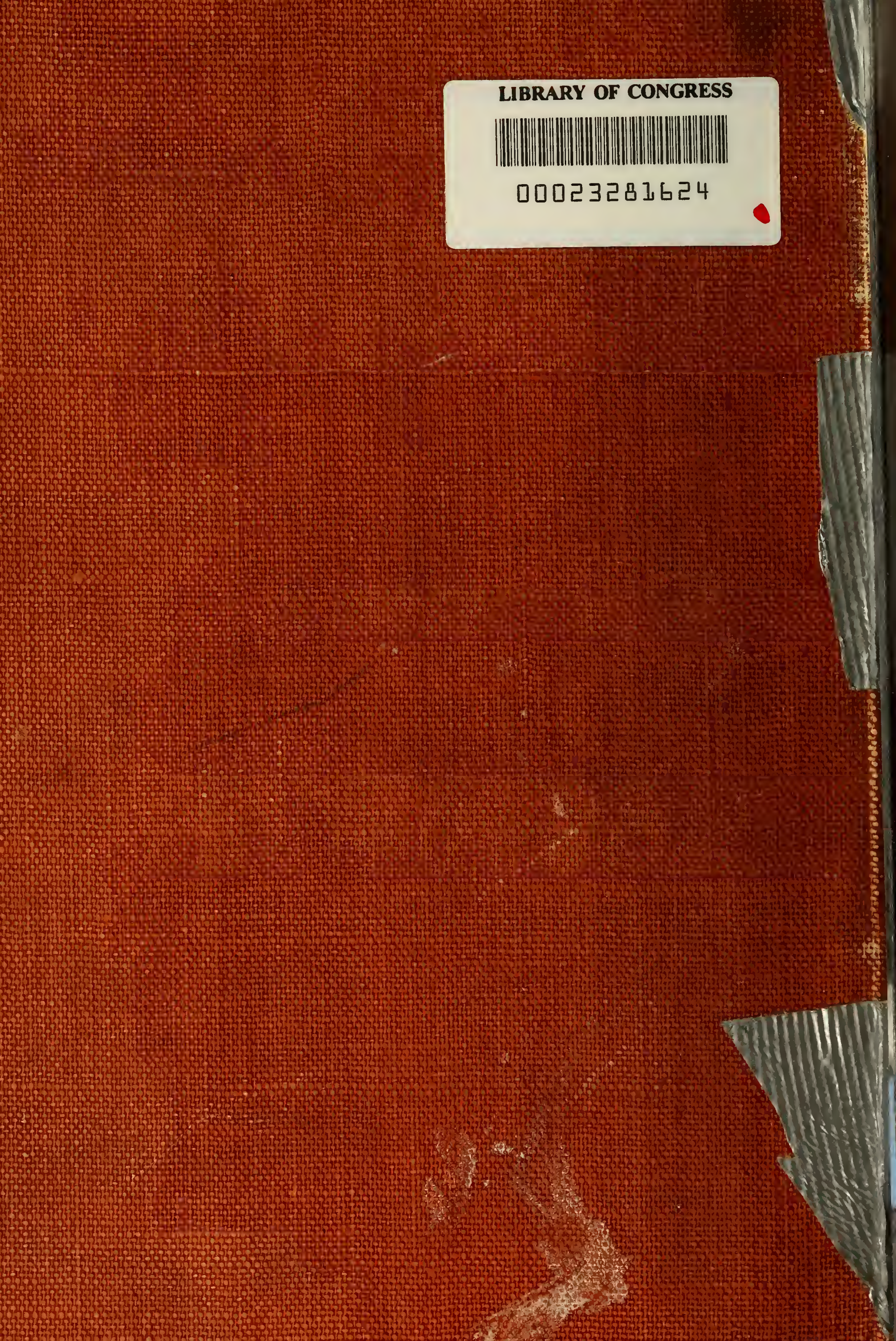
СИБИРСКІЕ ОЧЕРКИ.

ИСЧЕЗНУВШІЕ ЛЮДИ.

LIBRARY OF CONGRESS
00023281624